
Вѣстникъ
Западной Россіи
Историческая
Истина
Вильна
1868.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція **„Вѣстника Западной Россіи“** едва ли не больше его подписчиковъ сѣтуетъ на запаздываніе выходомъ, его книжекъ. Редакція принимаетъ и будетъ принимать противъ этой непріятности всѣ свои средства и усилія и увѣрена, что, при всей несостоятельности виленскаго типографскаго производства, она войдетъ, въ непродолжительномъ времени, въ сроки своего изданія.

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VI,—1868.

КНИЖКА VI.

ТОМЪ II.

ВИЛЬНА.
Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи гимназіи, противъ губернскаго правленія.

1868.

Дозволено цензурою. 24-го августа 1868 года. Вильна.

I.

№ 7.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ УНІИ.

1.

Протестація уніатскаго митрополита Потѣя противъ православныхъ духовенства и мѣщанъ кіевскихъ, отказавшихся ему повиноваться. 1610 г.

На враде кгродскомъ взамку володимерскомъ передо мною Андреем Мисевским буркграбимъ и наместником подстароства володимерского постановившисе очевисто высоце впане бозе велебный /е. м. отецъ Ипате Потѣй з ласки божіей архиепископ митрополит киевски н галицки и всея руси владика володимерски и берестски протестовал се напротивко славнымъ Яцка Балыки войта Матфея Матюшу и Дениса Мартияновича бурмистровъ и инших колеговъ ихъ имены а прозвисками имъ ведомых и всего посполства места е. к. м. киевского релѣи руское, также противко Семиона доброго Николы свещеника и Кирилла уставника церкви соборное вместе киеве

и теж противко пречистенскому глебоборискому Николы притиского, Николы наберезского, рожественскому, воскресенскому попом кловскимъ которыхъ имена и прозвиска оным самимъ ведомы суть— о том иже дей кгды е. м. отецъ митрополитъ вроку теперешнем 1610 пред великоднемъ въ пост великой до них до киева зрамены своего пастырского з листом своим послалъ на наместничество священника отца Антонего Гриковича абы там мешкаючи при церкви светое Софѣи хвалу Божую отправовалъ и порадку духовных перестерегал тогди прречоные войтъ и вся рада з посполствомъ томуся спротивили и намовившися з священниками вышпомененными речоного отца Антонего Грековича за старшаго своего приняти нехотели и священники кгды от него были реквированы абы з нимъ службу Божую впервую неделю в постъ велики служили и до церкви светое Софѣи пошли, не хотели очом реляция в киеве в книгахъ кгродских киевских через Павла Гуторовича геерала воеводства киевского есть учинена. А кгды тот помененый священник отец Антоній Грековичъ видечи таки упоръ впосполстве а непослушенство духовных противко мене старшому ихъ и противко него учинены сам однако в церкви светое Софѣи службу Божую служивал прречоный войтъ з бурмистрами а попы всѣ похвалку на здорове его еслибы тамъ большъ службу Божую служилъ учинили и спротивляючисе далей праву посполитому и конституціи вроку тисеча шестсот девятомъ успокоеню религіи кгрецкое подъ закладомъ уфаленое до козаков запороских о помочь в том спори ся утекли и за информованемъ ихъ козак одинъ пришедши кгвалтовне до монастира выдубицкого мешканя отца Антонего Гриковича видечи его самого по манастиру ходячого зараз зпулгаку до него стрелилъ и другой разъ стрелити хотел але онъ видечи за собою погоню аж тылными дверми до реки

неира утек. Чего верификуючи показывалъ отецъ Антони лист от гетмана запорозского казацкого Григоря Тишкиновича и от всих козаков до е. м. пана Михайла Холоневского подвоеводжого киевского отпоедаючи на здоровье того Антония писаный, который бы был до книгъ кгродских володимерских актикованы просил. Которы то лист так се всобе маетъ. Милостивы пане подвоеводый иневски зичливости и приязни наше рицерские яко найпилне отдавамы в ласку в. м. нашому милостивому пану. Иж часи дана намъ справа же там неякій (неякійсь) именем Антони Гриковичъ рострига и преступникъ вѣры нашое именует се быт нѣяким официаломъ або ли протопопою тамошнимъ киевскимъ который разбороняетъ и недопущаетъ собору в церкви божое у светое Софи збирать и монораци ведле стародавного звычаю справоват што нам жалосно есть и слышеть, и невѣми и сами, што ся в тым дѣет ежели з раменя короля е. м. або ли не, а так мы унижоне а покорне просимы абы в. м. якъ нашъ милостивый панъ, того оному ростризе и преступнику донускат не рачилъ и в тым полезнымъ быть, якож мы того боронить хочем навет и перед своих наставлят илитовать до конца хочемъ и за церковь нашу восточную а за вѣру греческую головы свое бымо мѣли вси положити, напродъ Богу милостивому оноведаемсе и в. м. нашому милостивому пану, и если бы умыслу своего отменити не мелъ оный рострига, а мѣл бы забороняти дозволили есмо, его гдежъ колвекъ здыбавши якъ пса убити а мы такого щитит и боронит словомъ нашимъ рицерскимъ обецуемъ. Стороны новинъ ознаймуемъ в. м. нашому милостивому пану ижъ царь крымскій идет на Козолъ Башѣ стакою силою великою, же деветъ десятого выправуют. а в тымъ тежъ славу пущаютъ на Козол-Баше але певне а певне в землю королевккую е. м. маютъ ити и нерач в. м. быт

безнеченъ але в осторожности рач быт заказат рачил абы в осторожности были, тым дай пане Боже, абы нам всемогущій в добром здоровью и щасливомъ панованю долго фортунъ не ховать рачилъ, писанъ за порогами року шестсот девятого мая двадцать девятого дня. В. м. нашему милостивому пану во всемъ повинны у того листу печать козацкая а поднисъ рукъ тыми словы: Григорій Тишкиневичъ, гетманъ и все войско его королевской милости запорозское а надпись листу таковы: Его милости пану Михайлови мышце холоневскому подвоеводему киевскому, ротмистрови Е. к. м. Пану намъ милостивому отдат належитъ. А притомъ так о непослушенство зверхности е. к. м. и его милости митрополит противко священиковъ всѣхъ яко теж противко войта ридецъ и всего посполства места киевского и о закладъ водле конституцие десет тысечей золотыхъ полскихъ е. м. отецъ митрополитъ светчился, што все такъ тую протестацию отъ е. м. отца митрополита учиненую яко и тотъ листъ гетмана запорозскаго до актикованя вкниги урядъ принявши до книгъ кгродскихъ володимерскихъ записати казалъ и есть записано.

Вѣрно съ спискомъ, у меня находящимся.

Священникъ Даніилъ Левицкій.

2.

Собственноручное письмо Іосифа Веліамина Рутскаго къ митр. Потѣю о неудачной попыткѣ православныхъ—изгнать его изъ св. Троицкаго монастыря. 1608 г.

Милостивый государь мой и благодѣтель! Преусерднѣйше отдаю мой нижайшій поклонъ и недостойныя мои молитвы благорасположенію вашей ми-

лости. Господинъ Мороховскій писалъ вашей милости, что св. унія въ этомъ городѣ доведена была до крайности злыми людьми, какимъ образомъ сдѣлалось это—опишу я. Протопопъ и всѣ священники соборные съ архимандритомъ записались въ братство и поклялись занять монастырь св. Троицы,—они имѣли занять его такимъ образомъ. Архимандритъ долженъ былъ взять ключи къ себѣ . . . . . . свою поправлять могъ. Объявленіе мы отсрочили, ключей и управленія до . . . . . . (полученія) извѣстія отъ вашей милости мы не отдали,—мы не знали еще о вредныхъ ихъ предпріятіяхъ, а эти предпріятія были слѣдующаго рода: они старались разъединить насъ съ о. Іосафатомъ (Кунцевичемъ); его частнымъ образомъ приглашали къ себѣ первѣйшіе братчики; кланяясь ему въ ноги, просили его, чтобы онъ оставилъ меня. Когда же они не вынудили у него согласія на это,—просили его, чтобы онъ хоть на время куда нибудь удалился.—Онъ спрашивалъ: а что сдѣлаете съ Рутскимъ?—Они отвѣчали: мы имѣемъ удобное средство устранить его, и оно было слѣдующее: на Великое Славословіе (*) имѣлъ выйти архимандритъ въ полномъ облаченіи и взять съ собою меня, церковь имѣла быть наполненною братчиками. Архимандритъ долженъ былъ пихнуть меня въ толпу сказавъ: „иди вонъ, еретикъ,“ а толпа должна была схватить меня и, передавая другъ другу, они имѣли выпроводить меня за дверь, и тамъ распорядиться со мною по своему усмотрѣнію . . . . тоже должно было послѣдовать и съ тѣмъ, кто рѣшился бы вступиться за меня.—За тѣмъ имѣло придти извѣстіе о случчившемся въ нашей церкви, и онѣ должны были поступить во владѣніе братства. Протопопъ зачинщикъ, всего

(* Слово славословіе въ текстѣ замарано, и вмѣсто того написано слово laudes.

этого дѣла, перекупилъ большую часть бурмистровъ. Мы узнали объ этомъ изъ гродскаго управленія только за два дня до воскресенія, въ которое такое злодѣяніе должно было совершиться. Г. подвоеводій сейчасъ же далъ о томъ знать г. воеводѣ, находившемуся еще неподалеку, прося его, чтобы онъ самъ прибылъ. Воевода отвѣчалъ, очень сожалѣя обовсемъ, а поелику самъ онъ не могъ прибыть, то приказалъ своему помощнику дѣйствовать въ этомъ случаѣ со всею строгостію. На всю ночь мы послали гонца въ Шешолы къ ксендзу бискупу, прося его ради Бога прибыть. Онъ отказался; потому что намѣренъ былъ принимать лѣкарство; но писалъ къ к. суффрагану и приказалъ, чтобы все его вѣдомство двинулось какъ скоро послышится звонъ Сигизмунда крѣпостнаго. Сдѣлавъ это, мы отправились въ ратушу—въ субботу, гдѣ была главная сходка бурмистровъ. Мы заявили обовсемъ—Г. Мороховскій отъ имени вашей милости, я отъ своего и всей братіи; былъ также съ нами и ксендзъ Петръ (Аркудій?), мы показали также имена этихъ зачинщиковъ...... а Іосафатъ на бумагѣ.—Они такъ горячо принялись за дѣло, что въ этотъ день ..... до десяти часовъ вечера просидѣли за нимъ, затѣмъ всю ночь держали въ ратушѣ караулъ. Посылали къ архимандриту, и звали къ себѣ; когда же онъ отказывался явиться,—сказали ему, чтобы онъ не постригалъ никого въ монахи: въ этотъ день въ воскресеніе онъ имѣлъ постригать одного схизматика нашего воспитанника, а гродское управленіе еще внушительнѣе замѣтило ему, что „если подлѣ св. Троицы или другихъ церквей произойдутъ какіе либо бунты,—васъ первыхъ, какъ собакъ будемъ рубить въ куски.“ Такимъ образомъ это веселіе этихъ безчестныхъ клятвопреступниковъ обратилось имъ и братчикамъ въ печаль. Отсюда ваша милость легко можете понять, въ ка-

ой глубокой безднѣ мы находились и теперь мы
ще ее не переплыли. Архимандритъ въ субботу
овершалъ Божественную службу, и на ней не по-
миналъ вашей милости—на „во первыхъ." Вечеромъ
ого же дня г. Мороховскій отъ имени вашей мило-
ти запретилъ ему отправлять всѣ духовныя обязан-
ости, запретилъ братіи повиноваться ему, поелику
нъ самъ отказался повиноваться вашей милости.
томъ же говорилъ онъ и монахамъ.—А вотъ что
риключилось по прощеніи (въ Сыропустную недѣ-
ю) послѣ повечерія: Игуменія и трапезница уго-
цали архимандрита . . . . . бѣса видалъ, какъ гово-
ятъ, очень встревожился. Бурмистры . . . .
режде дадимъ, чѣмъ это допустили; мы указали
у причину, что . . . . онъ отказался повиноваться
ашему пастырю; при этомъ мы объявили, что не-
очемъ держать его въ монастырѣ, какъ противника.
Іриcутствіе Г. Мороховскаго намъ было весьма нуж-
о; потому что онъ нарочно присланъ былъ вашею
илостію на это дѣло въ качествѣ депутата. — Но
ростые священники не признали его депутатомъ и
ребовали удостовѣренія,—завѣряя другихъ, что онъ
рибылъ по дѣламъ къ свѣтскимъ чиновникамъ.—
Слава Богу, что такъ кончилось. Монастырь при
Божіей помощи защитимъ. А ваша милость поду-
майте о священникахъ: съ ними труднѣе справить-
ся. Поручаю себя и всю мою братію вашей мило-
сти. Братья вся во время сихъ волненій постоянно
была на моей сторонѣ и готова была терпѣть до по-
слѣдней степени.... каждый день исповѣдивались, при-
готовлялись какъ бы къ смерти.... Вильна 14 Декабря
1608 г. Покорнѣйшій слуга и Богомолецъ Іосифъ
Велияминъ Рутскій.

Переведено съ польскаго подлинника весьма ветхаго.

3

Заявленіе Рутскаго виленскому магистрату о томъ, что православное духовенство г. Вильны намѣревается возвратить себѣ православныя церкви. 1608 г.

Шляхетные господа бурмистры, радцы, лавники и вся рада г. Вильны. Заявляю вашимъ милостямъ о всѣхъ людяхъ — виленскихъ мѣщанахъ, вписавшихся въ братство при новой церкви Св. Духа, как они называютъ себя, въ особенности же о Симонѣ Красовскомъ, Петрѣ Коптѣ и Исаакѣ Волковичѣ, что они, забывъ страхъ Божій и строгость законовъ, которымъ должны подчиняться, предпринявъ злое намѣреніе и условившись съ Варѳоломеемъ Жашковскимъ, бывшимъ протопопомъ и съ другими соборными священниками—отступниками отъ св. уніи и противниками власти его милости отца митрополита кіевскаго . . . относительно занятія церквей въ здѣшнемъ городѣ, . . . заключили уговоръ съ Самуиломъ Сенчиломъ, бывшимъ архимандритомъ, о томъ, чтобы монастырь и церковь св. Троицы, всегда до настоящаго времени бывшіе въ св. уніи, насильственно взять въ свое владѣніе и присвоить себѣ, и прежде всего — выгнать меня оттуда средствами, заранѣе обдуманными, а вмѣстѣ сомною и всѣхъ, пожелавшихъ остаться на моей сторонѣ, — постричь новыхъ чернцовъ схизматиковъ, что сами означенныя лица открыли одному изъ братіи монастыря Іосафату, уговаривая его, чтобы онъ держался ихъ стороны и предрекая имѣющее вскорѣ произойти кровопролитіе. Будучи здѣсь въ то время намѣстникомъ его милости отца митрополита кіевскаго, господина и пастыря моего, и боясь, чтобы молчаніемъ своимъ не принести ущерба св. уніи и власти духовной его милости и

церквамъ, находящимся подъ его управленіемъ,—я оношу обо всемъ этомъ вашимъ милостямъ, какъ ащитникамъ церквей Божіихъ и стражамъ общетвеннаго спокойствія и отъ имени его милости отца итрополита протестую. Іосифъ Веліяминъ Рутскій, амѣстникъ, кіевской митрополіи, власною рукою. 1608 г. 23 Декабря.

Подлинникъ на польскомъ языкѣ.

4.

Отвѣтъ Ипатія Потѣя виленскимъ мѣщанамъ на просьбу ихъ—успокоить волненіе, произведенное имъ въ Вильнѣ по дѣлу архим. Сенчиллы 1608 г.

Мои ласкавые панове бурмистрове Виленскіе. Писатьми ваша милость рачите, (изволите) просечы мене, жебымъ я справу отца Рутскаго зъ Самойломъ Сенчиломъ, здрадцою (изменникомъ почтивости моей) до успокоеня привелъ; ино и овшемъ быломъ на томъ, бо хотяжемъ былъ выдалъ противъ него декретъ ведлѣ права за непослушенствомъ (неповиновѣніе) его; вѣдже кгды по року пріѣхалъ. далемъ былъ ему мамранъ на позовъ, абы былъ Рутского о злый переводъ припозвалъ, еслибы ся межи собою тамъ были непогодили. Але онъ не могучыся надъ Рутскимъ помстити, пыхи (надменности) и гордости своей довести, помстился надо мною человѣкомъ невиннымъ, препомневши боязни Божое, а побунтовавши противъ мене протопопу и съ попами, протестацыю до кгроду внесли, выповѣдаючи мнѣ послушенство (повиновеніе, и немалые потвари (клеветы) вложивши на мене, и якіе тамъ бунты и седыцые (заговоры) хотѣли учынити, бы была немоцная рука Божая, а

подобно тежъ и почасти и мудрое забѣгане (искательство) вашей милости, певне бы (невѣрно) тамъ тотъ нещасливый монастырь кровью облелся, а тутъ прыйдетъ ми и самому съ тыми добрыми паны въ шранки вступити и до зверхности (начальства) высшое утечыся. Протопопа не мѣлъ до мене ниякое прычыны, поневажемъ (ибо) его былъ зъ юрысдыцыи Рутского вынялъ и право его вцалѣ (ссыѣмъ) зоставилъ; и штожъ за причину до мене мѣлъ, же ми таковый волчый зубъ показалъ, ганитъ (порицаетъ) во мнѣ тое, чого самъ первый боронилъ, а кладетъ на мене тое, што и въ помышленю моемъ не было. Ино ваша милость тылко мене се здѣ здалека видите, а тамъ штося подъ бокомъ вашимъ дѣетъ, видѣти не хочете; вшакъ (вѣдь) ваша милость повѣдаете у себе якіе права надъ попами болшые, нежли я; а закъ быстe непочли тымъ бунтомъ забѣчы (предупредить)? Нигдѣмъ того невидалъ, жебы кого не осудивши карати (наказывать) мѣли. А то се мнѣ одъ Сенчила и одъ поповъ виленскихъ такъ стало, же мя съ церкви выкинули и послушенство выказали. А комужъ тутъ въ кровь, изали (если) не самому его королевской милости, которого зверхностью я надъ ними маю владзу (власть)? А тутъ обачу (и вижу), яко ваша милость зверхность господарскую будете поважати, которому въ особѣ моей неледа (чуть не) щулокъ въ носъ дано. А ижъ тые попове вси, яко ваша милость повѣдаете, съ подованя вашого церкви маютъ, прошу и напоминамъ, сжальтеся ваша милость такъ великое и незносное крывды моее, ужальтеся и легкого поваженя зверхности господарское, а недопущайте ваша милость имъ въ церквяхъ служыти, покися того злого учинку своего намъ справятъ. Держу то о ласку по мудромъ баченю (усмотренію) вашей милости, же ваша милость того постережете съ повинности своее, што вѣрнымъ подда-

кимъ господарскимъ и зацнымъ (знатнымъ) врадникомъ мѣста славного належытъ; если же идетъ о церкви и о хвалу Божую, о то церковь светое Живоначалное Троицы прибѣжище вашей милости есть вольное, въ которой настоятелемъ на сесь часъ отца утскаго именуемъ, и вашимъ милостямъ о томъ ознаймуемъ. А съ тымъ милость Божая и благословеніе смиренія нашого буди зъ вашими милостями. Писанъ въ Рожанцѣ 24 дня Декабра року 1608. Вашей милости жичливый (доброжелательный) пріятель Ипатій Архиепископъ.

5.

Жалоба Мороховскаго, отъ имени Ипатія Потѣя въ виленскій гродскій судъ на Самуила Сенчилла и Варѳоломея Жашковскаго и заявленіе о томъ, что русскіе члены виленской ратуши не одобряютъ дѣйствій упомянутыхъ лицъ. 1608 г.

Лѣта отъ Нароженья Сына Божого тисеча шесть сотъ осмого мѣсеца Декабря двадцать шестого дня. На врадѣ его королевское милости кгродскомъ воеводства Виленского, передо мною Демитромъ Карпемъ, секретаремъ его королевской милости, намѣстникомъ Виленскимъ жаловалъ и оповѣдалъ служебникъ велебного въ Бозѣ его милости отца Ипатея Потея, архіепископа, митрополита Кіевского, Галицкого и всея Руси, владыки Володимерского и Берестейского урожоный (благородный) панъ Геліяшъ Мороховскій на отца Самойла Сенчила, законника (инока) Светое Троицы монастыра Виленского, а бывшого архимандрита, и на отца Варѳоломея Жашковского священника Пренесенского, бывшого протопопу Виленского о томъ.

ижъ дей будучи они за розные выступки свои обжалованы, и одинъ зъ нихъ, то есть Самоилъ Сенчило, ужо правомъ у суду належного преконаный (уличенный) и поступкомъ правнымъ въ клятву вложоный, яко о томъ на декретѣ въ той справѣ выданомъ описано есть, а другій, тоесть Вареоломей, также публичне о безаконное малженство (супружество) обжалованный въ друку (печатно) межи людми поданый есть. И не могучи иначей отъ выступковъ своихъ волными быти, абы караньа (наказаніе) на собе не относили, отецъ Самоилъ и отецъ Вареоломей, напродъ зоставши явными отступниками едности светое и вѣры Православное на соборѣ Берестейскомъ поприсеженое,—побунтовали и до присеженья се зъ собою привели нѣкоторыхъ духовныхъ рускихъ, завжды (всегда) подъ послушенствомъ его милости отца митрополиты будучихъ, отступили отъ правдивое стародавное Восточное Церкви, а стали се вожами тумолтовъ (бунтовъ) межи людми свѣцкими и сприсягшисе съ тыми, которыхъ самижъ до тыхъ часовъ проклинали, абы схизматыцкимъ трибомъ (способомъ) идучи, увесь славный рускій народъ—все тое папство и прилеглые ему повѣты потурбовали (смутили) и подъ тотъ часъ сейму до седыцей (заговоровъ) и бунтовъ привели, тогды кламливе (лживо) удали такъ до людей, яко и до враду на писмѣ съ подписами и печатьми своими тые нижей помененые речи. Першая: якобы его милость отецъ митрополитъ новины якіесь противные вѣрѣ светой Церкви Восточной, которые не былъ предъ тымъ, вносилъ; што ижъ щирая потваръ (клевета) есть, кождый бачный (любопытный) видѣти можетъ зъ многихъ книгъ духовныхъ, которые се выдаютъ накладомъ (коштомъ) и працою (трудомъ) за росказаньемъ его милости на каждый рокъ, объясняючи и выкладаючи артыкулы вѣры нашое церкви светое Восточное, которая не есть иншая, одно вѣра всѣхъ светыхъ старыхъ

цовъ Греческихъ и Соборовъ Вселенскихъ и которую
къ доброволне, безъ жадного (никакого) примушенья,
ринужденія) тутъ въ томъ Виленскомъ мѣстѣ они
сами жъ помененые научали и боронили. Вторая:
обы его милость отецъ митрополитъ ихъ кгвалтовне
асильно) до прысеги приводилъ, што ижъ фалшъ
гь, и съ того кожный ясне можетъ познать, же тотъ
реоломей попъ жадное присеги не учинивши а предъ
днакожъ) се отъ его милости отца митрополиты не
ть намней зъ мѣстца рушонъ ани въ жадной речи
лествованый (попуждаемый) и овшемъ (напротивъ)
дъ (выше) заслуги и годность (достоинство)
юю опатроный доходами, годностью, прело-
енствомъ, ласкою, духовенству зась всему Вилен-
ому выправилъ на соймѣ прошломъ року тисеча
есть сотъ семомъ его милость отецъ митрополитъ у
ороля его милости своимъ власнымъ накладомъ добра
вруцкіе, на которые они добродѣйства пакъ великіе
о милости и на обѣтницы свои грубые а не вдяч-
ые (неблагодарные) люди не паметаючи, на славу
го милости кривоприсяжными языками своими тор-
нути ее не встыдилися и предъ очима всего панства
отварми (клеветами) своими единость церкви светое
озрываютъ и покой речи посполитое пашое мѣшати,
юди до седыцеи приводить важилися (смѣли). Третяя:
вычайное (обычное) въ церкви Божей слушное, потреб-
ое и отъ зацныхъ особъ прошоное постановенье на-
ѣстництва въ митрополіи Кіевской въ томъ року для
оловныхъ причинъ отъ его милости отца митропо-
иты повторе его милости отцу Іосифу Веліямину
утстому принесеное и отданое, плохо, безрозумне
азвали новиною и отмѣною въ артыкулѣхъ вѣры и
ымъ простые люди зводятъ (обманываютъ) и до не-
ослушенства приводятъ, которое тое намѣстництво
ыхъ часовъ пиршъ у Вилни потребное было частью
ля того, же не было зъ духовныхъ, хто бы се могъ

годне на оборону справъ церковныхъ до людей под тотъ часъ сеймиковъ и зъѣздовъ указати и озвати частью тежъ и набольшей для того, же особы помененые обѣдвѣ многими знаками показали то зъ себе, и имѣлися до схизмы; а ижъ о такъ здрадливомъ (измѣнническомъ) отступленіи, которое тенерь скуткомъ (на дѣлѣ) выполнили, давно промышляли,— о штомъ предъ трема лѣтми и покусилися были и одинъ зъ нихъ, то есть Вареоломей отъ брацтва отступного церкви новое на то певную суму взялъ былъ и зъ иноночные схажки, убираючисе иначей по мужицку, ...валъ,—а Самоилъ Сенчило чернецъ, бывшій архимандритъ, же явне зъ геретыками и схизматиками обцуючи, выворочати общое монастырское житіе починалъ, братью зъ монастыра разогнать усиловалъ и многіе знаки зъ себе подавалъ, же церковъ Светое Троицы до рукъ схызматыкомъ подати хотѣлъ. въ чомъ есть предъ судомъ належнымъ врадовне преконаный (уличенъ). О которое преконанье, если се ему здало неправное, могъ бы еще чинить предъ его милостью отцомъ митрополитомъ, не удаючи се до такъ дивныхъ и дикихъ поступковъ. А ижъ такій былъ архимандритъ и такій протопопа—люде въ такихъ и въ иншихъ поступкахъ обжалованы, муселъ (долженъ былъ) его милость отецъ митрополита зъ обовязкомъ повинности староанья своего пастырского на свое мѣстце дать намѣстника иншого, который бы зацностью фамиліи шляхецкое, великою наукою и поступками светобливыми до часу въ небытности его милости тутъ у Вильни головнѣйшіе потребы на оборону Церкви светой заступовалъ и именемъ его милости отца митрополиты, яко урядникъ его, одправовалъ. Четвертая, же фалшиве, кламливе (лживо) и невстыдливе на ошкоженье персоны его милости тогожъ отца Іосифа Рутского, намѣстника его милости отца митрополиты, же поменономъ писмѣ своемъ называютъ его ксендзомъ

рымскимъ, што есть щирая потварь и кламливое уданье. Наконецъ, яко се вышъ поменило, звыклое (обычное) правомъ духовнымъ и свѣцкимъ привильяе зошлыхъ господарей нашихъ и нынѣ намъ щасливи панующого господара утвержоное послушенство его милости отцу митрополитѣ власному пастыру своему выказавши, имя его зъ Литоргіи светое выкинули и людей ку тому жъ непослушенству такъ потаемне по домѣхъ, яко и на мѣстцахъ посполитыхъ (публичныхъ) явне приводять. Которые тые вси зброды (преступленія) и фалшивыи уданья, потвари пестыдливые вѣдаючи и видѣчи добре панове бурмистрове и вся рада лавицы Руское въ мѣстѣ Виленскомъ протестовали се явне на ратушу при бытности рады лавицы римское, нжъ съ тыми бунтовниками, фалшерами, потварцами, менovите зъ Самойломъ Сенчиломъ и Вареоломеемъ не пристають, ани се до нихъ вяжуть, але ихъ яко непослушныхъ звирхности ихъ одступують и ихъ се одрекають, што все абы было записано до книгъ кгродскихъ Виленскихъ, помененый панъ земенинъ (дворянинъ) Мороховскій именемъ его милости отца митрополиты просилъ, што есть записано, съ чого и сесь выпись подъ моею печатью врядовою его милости отцу митрополитѣ есть выданъ. Писанъ у Вилни.

Внизу тисненая печать. Подпись: Лука Велевскій писарь

(Лит. Епар. Вѣд.)

II.

ВИШНЕВЕЦЪ И КНЯЗЬЯ ЕГО.

На Волыни, въ одномъ изъ самыхъ скромныхъ уголковъ южной Россіи, почти на самой пограничной чертѣ съ Австріей, среди дубовыхъ лѣсовъ, скалистыхъ удолій, живописно рисующихъ архитектуру природы, — находится небольшой клочекъ земли, заселенный преимущественно евреями.—Это мѣстечко Вишнивецъ, Кременецкаго уѣзда. Рѣка Горынъ, теченіемъ къ востоку, раздѣляетъ это мѣстечко на двѣ части, изъ коихъ каждая, кромѣ общаго, имѣетъ частное свое названіе: часть Вишнивца, лежащая на западъ называется Старымъ Вишнивцемъ; а другая противуположная, именуется Новымъ Вишнивцемъ. Какъ въ той, такъ и другой части Вишнивца строенія *довольно* опрятны и смотрятъ красиво, чего недостаетъ многимъ мѣстечкамъ и городамъ нашего края. Здѣсь въ ложбинѣ прекрасной долины течетъ рѣка Крынь, а въ нее, съ обѣихъ сторонъ, весело смотрится пушистая зелень; далѣе, словно ряды войска, выдвигаются стройныя тополи; а еще далѣе шумитъ богатая мельница...Но не въ томъ дѣло...Среди строеній, пушистой зелени, стройныхъ тополей, за плотиною и прудами надъ горой виднѣется каменная, съ деревяными куполами, ветхая церковь; повыше ней торчатъ полуразвалившіяся башни бывшаго кармелитанскаго кляштора, — а еще далѣе изящный дворецъ Вишнивецкихъ князей Корибутовъ, котораго исторія и составитъ главную тему, настоящей монографіи.

Всѣ древности Вишневца и самое его имя напоминаютъ намъ знаменитый родъ древнихъ нашихъ южно-русскихъ литовскихъ князей, потомковъ Гедимина и Ольгерда,—въ послѣдствіи измѣнниковъ православія,—и многочисленныя войны Виш-

нивецкихъ, рыцарей своего времени, княжеская порфира которыхъ не разъ орошена была кровію на полѣ битвъ.

Находясь, по своему географическому положенію, на рубѣжѣ Россіи, мѣстечко Вишнивецъ было не разъ поприщемъ международныхъ столкновеній, и особенно съ поляками, желавшими поработить не только весь южно-русскій край но и всю Россію, спасенную рукою незабвенныхъ сыновъ ея Минина и Пожарскаго 1).—Вотъ что говоритъ исторія о мѣстечкѣ Вишнивцѣ и князьяхъ его.

По смерти Гедимина (1541 года), каждый изъ сыновей его получилъ свой удѣлъ на княженіе въ Литовскомъ государствѣ,—въ томъ числѣ и Ольгердъ, второй сынъ его, также получилъ свой участокъ, а именно: Витебскъ и Кревъ 2).

Но, будучи чрезвычайно пылкаго ума и превосходя своихъ братьевъ славолюбіемъ, Ольгердъ, съ братомъ своимъ Кейстутіемъ, не менѣе властолюбивымъ, 1345 г. изгналъ изъ Пинска и Вильны Евнутія и Нариманта, присвоилъ себѣ господство надъ прочими братьями и сдѣлался единодержавнымъ 3).

1347 г. онъ обратилъ оружіе свое противъ Россіи; завоевалъ Опочку и берега Луги, взялъ дань съ Порхова и принудилъ новгородцевъ казнить поводника ихъ Евстафія за дерзскія слова; сразился съ нѣмцами и былъ побѣжденъ при рѣкѣ Стравѣ, потомъ вошелъ въ родственный союзъ съ великимъ княземъ московскимъ, женясь на Іуліяніи, дочери Александра Михайловича Тверскаго,—съ условіемъ, что дѣти его будутъ воспитаны въ православіи 4); въ этомъ же году, при содѣйствіи литовскихъ князей, онъ умножилъ себѣ и доброжелателей въ юго-западной Россіи 5).

1353 г., Ольгердъ выгналъ поляковъ изъ Волыни и участвовалъ въ примиреніи Симеона съ владѣтелемъ Смоленска, союзникомъ Литвы. Въ семъ же году случившаяся кончина

1) Рос. Ист. Устр. изд: II 1839 г. Спб. ч. II, стр. 158—163.

2) Исторія Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго ч. I, стр. 25.—Ист. Госуд. Росс. Т. IV, стр. 253.—Вѣст. Югозапад. Рос. кн. 6, отд. II, стр. 275.

3) Ист. Мал. Рос. Бант. Камен. часть I, стр. 26.—Ист. Гос. Рос. Т. IV, стр. 259.—и прим. ч. I, стр. 4.

4) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 4 (примѣчаніе).

5) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. Т. IV, стр. 259.

великаго князя и последовавшія затемъ междусобія въ Россіи, въ правленіе Іоанна II Іоанновича, подали случай Ольгерду завладеть въ 1355 году южною Россіей.

Въ 1356 г. онъ владелъ Брянскомъ; съ 1358 по 1359 г. города Ржевъ, Белевъ, Мстиславль и Тверская область присоединены имъ къ Литве.

После удачнаго похода на Россію, Ольгердъ обратилъ оружіе свое противъ Пруссіи и произвелъ въ ней также грозныя опустошенія. Далее, отъ береговъ Вислы перенесъ онъ войну въ Подоль, къ устью Днепра, въ кочевье ордъ монгольскихъ, гнался за ними до самой Тавриды, опустошилъ Херсонъ, умертвилъ большую часть жителей и похитилъ церковныя сокровища 1). Но, въ последніе дни жизни Ольгердъ принесъ истинное раскаяніе въ своихъ увлеченіяхъ и сделался изъ язычника истиннымъ христіаниномъ и въ 1377 г. по убежденію супруги своей Іуліаніи, принялъ св. крещеніе съ нареченіемъ Александромъ, а предъ смертью постриженъ въ схиму, съ именемъ Алексія и, въ томъ же году, окончивъ геройское поприще своей жизни, погребенъ въ храме Пресв. Богородицы въ Вильне, который, не задолго до кончины своей, самъ создалъ 2).

Великій князь литовскій Ольгердъ, оставилъ по себе, двенадцать православныхъ сыновей—отъ Маріи Витебской и Іуліаніи княжны тверской, а именно: *Ягайлу*—въ православіи Якова, а р.-католичестве Владислава, который остался по немъ преемникомъ престола,—*Скиригайлу*—въ православіи Іоанна, а въ латинстве Казиміра, *Свидригайла*—въ православіи Льва, а въ латинстве Болеслава, *Корибута*—Димитрія, *Вигунта*—Мингайлу, въ православіи Василія, въ латинстве Александра, *Бинальта*—Андрея, *Димитрія, Коригайлу*—Константина, *Владиміра*, *Бориса*, *Лингвенія* — Семена и *Задзевита*—Ивана или Федора. Но не имея надобности следить за всеми сыновьями Ольгерда, мы остановимся только на предпоследнемъ сыне его—Корибуте—Димитріе, родоначальнике князей Вишневецкихъ,—и, вместе съ темъ, основателе самаго Вишнивца 3).

1) Тамже ч. I, стр. 26 и 27. — Hist. de pologne de Solignac T. III, p. 172.—Ист. Госуд. Рос. T. V, стр. 17.

2) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 29.— Ист. Гос. Рос Карамзина T. V, стр. 52 и 53.— Прим. 50, T. V. Ист. Гос. Рос.

3) Ист. Гос. Рос. Карамз. T. V, примеч. 50.

Корибутъ—Димитрій, четвертый сынъ великаго князя Ольгерда, отъ втораго брака съ тверскою княжною Іуліаніею Александровной, родился 1357 г.; въ супружествѣ онъ имѣлъ дочь князя ризанскаго Олега. Въ концѣ 1577 г. Ольгердъ предъ смертію призвалъ къ себѣ дѣтей и вельможъ, назначилъ преѣмникомъ престола литовскаго любимаго старшаго сына своего, отъ второго брака, Ягайлу, а прочимъ сыновьямъ роздалъ удѣлы,—въ томъ числѣ, Корибуту—княжество Сѣверское.

Андрей-Винголтъ, сынъ Ольгерда отъ перваго брака, получившій въ удѣлъ княжество Трубчевское и Полоцкое, будучи недоволенъ предпочтеніемъ ему младшаго брата Ягайлы, старался достигнуть велико—княжескаго престола и вступилъ съ нимъ въ войну. Ягайло, побѣдивъ его, лишилъ удѣла и княжество Трубчевское отдалъ Корибуту; вслѣдствіе чего, лишенный удѣла Андрей вступилъ въ службу къ великому князю московскому Димитрію Іоанновичу Донскому.

9-го декабря 1379 г., Андрей съ русскими князями и сильнымъ войскомъ князя московскаго, выступилъ въ походъ къ Трубчевску и, взявъ его, пошелъ къ Стародубу, гдѣ жилъ въ то время Корибутъ. Послѣдній былъ такъ снисходителенъ на этотъ разъ, что не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія: вышелъ съ женою дѣтьми и боярами на встрѣчу Андрею и объявилъ покорность князю московскому. Димитрій Іоанновичъ такъ былъ доволенъ повиновеніемъ сына Ольгердова, что далъ ему Переяславль — Залѣсскій „съ судомъ и пошлиною," т. е. съ правомъ рѣшать тяжебныя дѣла и пользоваться доходами.

Корибутъ, какъ данникъ Димитрія Іоанновича, въ 1380 г., съ своею дружиною былъ въ рядахъ рати князя московскаго противъ монголовъ; 6-го сентября онъ далъ совѣтъ, вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ, перейти Донъ, чтобы, оставивъ рѣку за собою, удержать робкихъ отъ бѣгства. Совѣтъ этотъ былъ принятъ и славная куликовская битва вполнѣ доказала благоразуміе Корибута. Сраженіе началось 8-го сентября, на разсвѣтѣ, за Дономъ, при рѣкѣ Непрадвѣ, гдѣ въ большихъ полкахъ арміи, въ самомъ центрѣ, стояли начальниками Корибутъ—Димитрій и Андрей—Винголъдъ—Ольгердовичи.

Послѣ куликовскаго сраженія мирныя отношенія къ Ягайлѣ доставили Корибуту опять княжество Сѣверское.

1381 г. Ягайло такъ былъ расположенъ къ Корибуту, что даже ввѣрилъ ему собственную дружину въ войнѣ литовцевъ съ ливонскими рыцарами. Въ этомъ походѣ Корибутъ велѣлъ направить войска прямо къ Байебургу и желалъ взять его штурмомъ; впрочемъ этотъ штурмъ не былъ удаченъ.

1386 г. Корибутъ, вмѣстѣ съ литовскими князьями Скиригайломъ и Лингвиніемъ ходили противъ князя смоленскаго Святослава Ивановича, вторгнувшагося тогда въ Мстиславскую область. Заставъ его при осадѣ Мстиславля, князья литовскіе вступили въ битву на берегахъ рѣки Вехры, одержали полную побѣду, убили самаго Святослава, освободили Мстиславль, гнались за русскими до Смоленска и взяли съ этого города окупъ.

1383 г. Ягайло, сдѣлавшись королемъ польскимъ, уступилъ литовскій престолъ брату своему Скиригайлѣ.

1388 года Корибутъ, вмѣстѣ съ Витовтомъ и Конрадомъ, взяли приступомъ у ливонскихъ рыцарей замокъ Визну.

1390 г. съ Скиригайлою и братомъ Владиміромъ, княжившимъ тогда въ Кіевѣ, Корибутъ овладѣвъ Гродной и остался потомъ въ Лидѣ для охраненія Литвы отъ рыцарскихъ набѣговъ.

1392 г. командоръ изъ Рашиты Іоаннъ Румпенгеймъ, чрезъ замерзшія болота, пробрался къ Лидѣ и зажегъ ея предмѣстье. Въ это время Корибутъ, находясь въ замкѣ, одномъ изъ самыхъ крѣпкихъ въ цѣлой Литвѣ, не былъ расположенъ защищаться, тотчасъ вышелъ совсѣмъ дворомъ и войскомъ и ушелъ въ свое Сѣверское княжество, оставивъ Лиду на разграбленіе непріятелямъ,—что заставило многихъ думать, яко бы онъ былъ въ сношеніяхъ съ Витовтомъ, при помощи рыцарей, добывавшимъ себѣ княжеское достоинство. Того же года, по вступленіи Витовта на литовскій престолъ, сдѣлано было измѣненіе въ удѣлахъ, вслѣдствіе чего Корибуту, вмѣсто княжества Сѣверскаго, назначенъ Новогрудокъ. Недовольный, однакожъ, такимъ назначеніемъ, Корибутъ потребовалъ тотчасъ Лиды, и получивъ отказъ, отправился добывадть ее вооруженною рукою. Противъ него выступилъ самъ Витовтъ; войска сошлись недалеко отъ Лиды, при селѣ Докудовѣ, гдѣ обѣ сто

роны дрались отчаянно. Въ этой битвѣ Корибутъ проигралъ сраженіе и съ остатками своего войска принужденъ былъ убѣжать въ данный ему Новогрудокъ: но разгнѣванный Витовтъ гнался за нимъ послѣдамъ до самаго Новогрудка, гдѣ въ другой разъ поразилъ его войско, взялъ въ плѣнъ самаго Корибута, съ женою и дѣтьми—и—отправилъ въ Польшу. Пробывъ тамъ цѣлый годъ, Корибутъ, наконецъ, въ 1393 г. выпросилъ себѣ удѣлъ съ Новгородомъ—Сѣверскимъ; но и на этомъ дѣло не покончилось... — 1394 г. Корибутъ отказался платить дань Витовту, его примѣру послѣдовали и другіе князья,—вслѣдствіе чего Витовтъ явился для усмиренія мятежнаго данника,—въ третій разъ разбилъ его въ кровопролитной битвѣ подъ Недоходовомъ, взялъ его вторично въ плѣнъ и заточилъ въ Вильнѣ. Впрочемъ, по ходатайству тестя его, князя рязанскаго Олега, Витовтъ далъ Корибуту Брацлавль, Винницу, Соколецъ и Кременецъ; но не какъ удѣльное княженіе, а какъ владѣніе частное.

Послѣ такихъ неудачь Корибутъ на новосельи вынужденъ былъ жить уже спокойно и не вступалъ болѣе ни въ какія распри.

1399 г.—сверженный—ханъ Тохтамышъ, принятый дружелюбно Витовтомъ, былъ поводомъ къ войнѣ съ новымъ ханомъ Тимуръ—Котлукомъ; вслѣдствіе чего Корибутъ вызванъ былъ къ литовскому войску. Какъ старый воинъ, онъ командовалъ въ битвѣ самимъ центромъ и палъ надъ Ворсклою на мѣстѣ сраженія, вмѣстѣ съ дѣтьми своими—Іоанномъ и Скиндеромъ.

Вообще лѣтописцы хвалятъ Корибута, какъ воина искуснаго и опытнаго въ ратномъ дѣлѣ, но упрекаютъ его за криводушіе и непостоянство характера, и—одно только, что служитъ къ его похвалѣ, по замѣчанію лѣтописцевъ, — это постоянство его къ вѣрѣ; ибо до конца своей жизни онъ сохранилъ православіе 1].

Корибуту Ольгердовичу, князю Сѣверскому, нѣкоторые изъ-писателей приписываютъ основаніе мѣст. Вишнивца, а дру-

---

1) Rękopis Xięcia Vylanskiego, który znajduie się w bibliotece Czarnoostrowskiej na Podolu. См. еще Podole, Wołyń, Ukraina Alexandra Przezdzieckiego. Tom 1. Wilno 1841 г. str. 34.—Первая рукопись есть изданія Michała Serwacego Wiszniewieckiego, Kanclerza W. X. L. Wojewody Wilenskiego.

е утверждають, что Вишнивецъ основанъ правнукомъ того ? Димитрія—Корибута—Солтаномъ, который потому самому началъ первый въ родѣ Корибутовъ писаться Вишнивецкимъ няземъ Корибутомъ 10).—Но должно быть вѣроятнѣе всего, что ѣстечко Вишнивецъ, основанное Корибутомъ—Димитромъ, въ ослѣдствіи только докончено правнукомъ его Солтаномъ и риведено въ лучшій видъ; а быть можетъ, по окончаніи здѣсь ворца, Солтанъ первый поселился въ немъ, какъ князь—въ ишнивцѣ, — вслѣдствіе чего и началъ первый именоваться ишнивецкимъ княземъ Корибутомъ. Это же самое оправдывается и разстояніемъ времени существованія Корибутовъ—Димитрія и Солтана; такъ какъ Солтанъ родился не позже 445 г. и получилъ отъ отца своего Даніила наслѣдство около 462 или 1466, а самъ Димитрій умеръ въ сраженіи съ сыновями своими 1399 г....

По смерти Корибута—Димитрія, умершаго 1399 г. вмѣстѣ ъ своими сыновями, князьями друцкими—Іоанномъ и Скинципромъ, остались еще въ живыхъ Андрей, Ѳеодоръ и Сигизмундъ.

Андрей, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, служилъ у московскаго князя и получилъ за свою вѣрность княжество Трубчевское; но едва ли эти писатели не смѣшиваютъ этого Андрея съ Андреемъ Винголтомъ, — сыномъ Ольгерда отъ перваго брака, который владѣлъ Трубчевскимъ княжествомъ... О жизни этого князя исторія и лѣтописи ничего не говорятъ болѣе.

Ѳеодоръ остался владѣтелемъ отцовскихъ замковъ. Онъ также подавалъ на Подоли — помощь князю Свидригайлу. Но исторія объ этихъ подвигахъ его послѣдующей жизни также ничего не говоритъ.

Пятый, наконецъ, сынъ Корибута Димитрія Сигизмундъ былъ вызванъ на Чешское королевское и занялъ его помимо искренней пріязни своихъ стріевъ—Ягайлы и Витольда. По взятіи Винцова и Праги, Сигизмундъ—Корибутъ, установилъ между чехами свое владычество на новыхъ началахъ и порядкахъ. Между тѣмъ, цесарь Сигизмундъ, желая самъ овладѣть Чехіей вооружилъ противъ Литвы крестоносцевъ и просилъ Ягайлу объ отозваніи Корибута въ свое отечество.

Въ Старомъ Селѣ, незадолго послѣ сего, цесарь и король

польскій встрѣтились 1423 г., заключили между собою новыя условія, послѣ чего Ягайло немедленно потребовалъ съ угрозой, дабы Корибутъ тотчасъ возвратился въ Польшу, и—обѣщалъ ему вмѣсто Чешскаго королевства, Добрынскую землю. Такимъ образомъ своими происками, при посредствѣ Ягайлы цесарь получилъ Чешскую корону.

Въ самый день коронаціи королевы Софіи, Корибутъ пріѣхалъ въ Краковъ съ 500 всадниками и, подобно другимъ, также поздравилъ Сигизмунда—цесаря съ полученіемъ королевскаго достоинства. Цесарь принялъ поздравленіе, хотя и не желалъ видѣть Сигизмунда — Корибута въ это время въ Прагѣ. Между тѣмъ, когда происходила эта коронація, чешскіе послы прибыли на мѣсто тріумфа Сигизмундова и требовали вторично, чтобы Корибутъ возвратился на Чешскій престолъ. Вслѣдствіе того, вопреки позволенія Ягайлы, Корибутъ собралъ вольныхъ людей и пошелъ въ Чехію... Король Витовтъ, извинясь предъ цесаромъ, отправился въ свою землю, гдѣ забралъ всѣ имѣнія Корибута въ Литвѣ и на Руси и выпроводилъ его навсегда изъ своего края.

Корибутъ—Сигизмундъ, наслѣдовавъ Чешскую корону, правилъ сначала весьма удачно; но въ послѣдствіи счастіе измѣнило ему. Онъ былъ выгнанъ изъ Чехіи, удалился въ Литву, и соединясь здѣсь съ Свидригайломъ и крестоносцами, устремился противъ Сигизмунда великаго князя литовскаго; но пораженный подъ Брацлавомъ, онъ влачилъ остатокъ своей жизни въ невыносимомъ горѣ и умеръ 1432 года.

Послѣ брата Сигизмунда—Корибута Ѳеодора остался сынъ Даніилъ, прозванный Дашкомъ, о которомъ исторія говоритъ только то, что онъ былъ побѣжденъ въ сраженіи съ рыцарями.

Сынъ Даніила Солтанъ, по сказанію нѣкоторыхъ, основавшій Вишнивецъ, а по всей вѣроятности докончившій только это дѣло, начатое Димитріемъ, первый началъ именовать себя Вишнивѣцкимъ Княземъ Корибутомъ. Онъ умеръ безъ потомства и передалъ княжество свое брату Василію.

Сыновья послѣдняго раздѣлили между собою удѣлъ Корибута на нѣсколько частей. Одинъ изъ нихъ—Михаилъ, удержалъ за собою титулъ Корибута и достояніе Вишнивецкихъ князей; Сумеонъ былъ родоначальникъ князей Збаражскихъ, а

Ѳеодоръ остался родоначальникомъ князей Порыцкихъ и Вороненкихъ 1).

1491 года, во времена Михаила Корибута Васильевича, Вишнивецъ въ первый разъ потерпѣлъ жестокое нападеніе отъ татаръ. Въ сіе время, замѣчаетъ исторія, Вишневецкіе прогнали своихъ противниковъ съ успѣхомъ; изъ чего видно, что Вишнивецъ, столица Вишневецкихъ князей Корибутовъ, былъ укрѣпленный городъ, способной выдержать татарское нападеніе 2).

Въ августѣ 1500 г. ханъ крымскій, угрожалъ Литвѣ; сыновья его съ 15,000 войска, выжигали города, въ томъ числѣ и Вишнивецъ. Почему Ромадановскій въ донесеніи государю писалъ, что воевали царевичи въ литовской землѣ Хмѣльникъ, а посадъ сожгли, да Вишнивецъ, да Кременецъ" и проч.

Въ 1502 г., крымское войско, состоящее изъ 90,000, предводимое сыновьями ханскими, также въ августѣ, опустошили

---

1) Князья Збаряжскіе долго славились въ землѣ русской мужествомъ и богатствомъ. Андрей прославился въ войнѣ князя Константина Острожскаго съ татарами подъ Вишнивцемъ, 1512 г. Янушъ, воевода, брацлавскій, съ татарами воевалъ въ Москвѣ, былъ въ штурмѣ подъ Полоцкомъ и заключилъ трактатъ въ Москвѣ 1581 г. отъ имени короля Стефана Баторія. Криштофъ, конюшій коронный, прославился въ знаменитомъ посольствѣ въ Цареградѣ, и пріобрѣлъ великія выгоды для края, вслѣдствіе чего Рѣчь Посполитая публично отдала ему благодарность на сеймѣ 1624 г. Юрій, каштелянъ. краковскій, братъ Криштофа, прославился въ войнахъ волошскихъ. На немъ окончилась линія Збаражскихъ князей 1627 г., а имѣніе перешло обратно въ руки князей Вишневецкихъ, въ особѣ Януша Вишневецкаго.

Князья Порѣцкіе, отъ замка Порѣцка на Волыни,—не имѣли особаго значенія въ Коронѣ и Литвѣ; послѣдняя изъ нихъ княжна въ концѣ 17-о вѣка внесла все счастіе въ домъ Загоровскихъ, а сіи передали его *въ домъ Чацкихъ.*

2) Rękopiś Xęcia Michała Serwacego Wyszniewieckiego Kanclerża W. X. L. Wojewody Wilenskiego. См. еще Podole, Wolyń, Ukraina str. 38 T. I. Князя Воронецкіе, въ широко развѣтвленномъ нѣкогда домѣ, утратили имя и значеніе Корибутовъ.

Смотр.—Рукопись князя Михаила Сервація Вишневецкаго вел. кн. литов., воеводы виленскаго, находящеюся въ м. Черно-Островѣ на Подолѣ; также Podolie, Wolyń, Ukraina.... przez Alexan. Przezdzieckiego T. I, str. 34—37.

всѣ мѣста вокругъ Луцка, Турова, Львова, Брацлавля, Люблина,—въ томъ числѣ досталось и Вишнивцу 1).

1512 г. татаръ перокопскихъ, нападавшихъ на вишнивецкі владѣнія, поразилъ князь Константинъ Острожскій; битва эта случилась 28 апрѣля, въ день св. Виталія, подъ Лопушно (въ 20 верст. отъ Вишнивца). Въ этой бытвѣ учавствовал Вишнивецкій князь Михаилъ, въ своими сыновьями князем Иваномъ и Александромъ, отъ которыхъ произошли двѣ линіи Вишнивецкихъ князей 2),—изъ коихъ одна пресѣклась на короле Михаилѣ, 1673 г., а другая на князѣ Михаилѣ Серваціѣ, 1744 г. 3).

Въ этой битвѣ князь Константинъ Острожскій, съ князьями Вишнивецкими и многими другими положили до 24,000 человѣкъ непріятелей 4). Это сраженіе описалъ въ стихотвореніи своемъ: „Victoria de tartaris 1512 anni ad opidum Viszniowicae;" польскій стихотворецъ Андрей Кршицкій, архіепископъ гнѣзнѣнскій 5). 1516 г.; въ царствованіе Сигизмунда 1, намѣстник хана крымскаго, старшій сынъ его Маметъ — Гирей, ища добычи и не дорожа дружбой, получилъ отъ короля 30,000 червонцовъ и отрадилъ 40,000 всадниковъ—разорять южныя вл-

---

1) Ист. Гос. Рос. Карамз. Т. IV, стр. 195 прим. сего Т. 496

2) Эти линіи слѣдовали въ такомъ порядкѣ: Александръ сын Михаила I, оставилъ по себѣ двухъ сыновей Димитрія и Михаила II изъ коихъ первый умеръ безъ потомства, а послѣдній имѣлъ также двухъ сыновей Ierzego (Юрія), который первый изъ Вишнивецких князей Корибутовъ перешелъ въ латинство,—и Михаила III, отц знаменитаго Іереміи, коего (Іеремія) сынъ Михаилъ избранъ был въ короли польск. и умеръ въ 1673 году.

Отъ князя Ивана, сына Михала I, старосты шисскаго, произошли: Андрей, воевода волынскій, и Константинъ I, воевода кіевскій. Отъ послѣдняго произошли—Адамъ и Константинъ II, помогавшіе Отрепьеву, а отъ Константина II, Янушъ I, конюшій коронный. Отъ Януша I, Димитрій II и Константинъ III, а отъ послѣдняго Янушъ II и Михаилъ Серваціи, на коемъ окончилась другая линія Вишнивецкихъ 1744 года. С. Podole, Wołyń, Ukraina T. I, str. 33—62.

3) Rękopiś Xięcia Michała Serwacego Wyszniewieckiego W. X. L. Kanclerza Wojewody Wilenskiego. см. Podole, Wołyń. Ukraina T. I, str.— Hist. Litwan. Koiałowicz. par. II, Lib, VII, str. 341.

4) Военный Энциклопд. Лексик. ч. VIII, стр. 385.

5) Журналъ „Улей," изд. 1811 года, № 3, мартъ, стр. 181.

нія Россіи. Крымцы вторглись на Подоль, ограбили всю рану, въ особенности владѣнія князя Вишнивецкаго, гдѣ ло оказано имъ сопротивленіе: младенцы, жены, старики, льные—были безчеловѣчно умерщаляемы варварами; нѣсколь- тысячь жителей взяты въ плѣнъ и, подобно большому стаду, гнаны въ улусы. Когда Сигизмундъ спрашивалъ: зачѣмъ ъ нарушилъ договоръ, то Махметъ сложилъ всю вину на заковъ 1).

1534 г., въ то время когда Сигизмундъ, пользуясь мало- тствомъ Іоанна (въ правленіе Елены), вступилъ въ предѣ- і сѣверскіе, осадилъ Стародубъ и выжигалъ его предмѣстья, литовцы обступили Черниговъ и громили его пушками,— евода Сигизмундовъ, князь Александръ Вишнивецкій, явился дъ стѣнами Смоленска и хотѣлъ сжечь осаду; но тамошній мѣстникъ, князь Никита Оболенскій отразилъ ею со всею лою и гнался за нимъ нѣсколько верстъ 2).

1545 г. Для осмотра всѣхъ украинскихъ замковъ въ Вели- мъ Княжествѣ Литовскомъ, а также волынскихъ и подольскихъ, торые съ давнихъ поръ утратили порядокъ и требовали вни- нія,—король польскій и великій князь литовскій командиро- лъ своего совѣтника, бискупа луцкаго и берестейскаго Юрія альчевскаго, съ дьякомъ Львомъ Тышкевичемъ. При чемъ, наказу короля, имъ поручено было истребовать отъ всѣхъ язей, пановъ, княгинь, пань, вдовъ, архимандритовъ, мѣщанъ всѣхъ духовныхъ римско-католическаго и греко-россійскаго сповѣданій, которые владѣютъ имѣніями,—предъявленія правъ ихъ владѣнія. Сперва во Владимірѣ, а затѣмъ въ Луцкѣ дѣлано было приглашеніе на заявленіе такихъ правъ владѣль- евъ; но князья Вишнивецкіе, а по ихъ примѣру Збаряжскіе, аславскіе и друг. отказались отъ этихъ требованій и съ еудовольствіемъ къ королевскому комиссару дали письменный тзывъ, что не всѣ собрались и именно: нѣтъ повѣта Креме- нецкаго; а потому не всѣ готовы представить свои грамоты привиллегіи 3).

1) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 100.—Енгель стр. 52.
2) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 106. — Ист. Госуд. Рос. Т. VIII стр. 16 издан. 1842 г.
3) Вѣст. югоз. Рос. кн. III, стр. 207 отд. II, годъ 1855—56 годи (в статьѣ. Гродно и Люблинъ).

1555 г. Россія претерпѣвала частыя нападенія отъ крымцевъ, которые не менѣе щадили и Литву. Вслѣдствіе чего Іоаннъ употребилъ въ 1556 г. нужныя противъ враговъ своихъ предосторожности. По его приказу, смѣлый дьякъ Ржевскій стерегъ хана между Днѣпромъ и Дономъ и приманилъ къ себѣ 300 малороссійскихъ казаковъ, съ двумя атаманами — и ударилъ на Исламъ—Кирмень,—на Очаковъ; шесть дней бился съ ханскимъ калгою, умертвилъ множество крымцевъ и турокъ, отогналъ ихъ табуны, вышелъ съ добычею и принудилъ Девлетъ-Гирея расположиться станомъ у Конскихъ водъ. Въ сіе время командовалъ малороссійскими казаками одинъ изъ знаменитѣйшихъ князей литовскихъ, Димитрій Вишнивецкій (сынъ Александра по первой линіи), мужъ ума пылкаго, отважный и искусный въ ратномъ дѣлѣ 1). Будучи любимымъ вождемъ казаковъ и начальникомъ Канева, онъ скучалъ мирною системою Августа, — хотѣлъ подвиговъ и, прельщенный славою нашихъ завоеваній, воскипѣлъ ревностію сражаться подъ знаменами своего древняго отечества, коему Провидѣніе указывало путь къ величію, и порѣшилъ предложить Іоанну IV Васильевичу, свои услуги 2). Стыдясь, однако, явиться къ нему въ видѣ бѣглеца, онъ вышелъ въ Литву со многими и преданными ему казаками и занялъ островъ Хортицу, близъ днѣпровскаго устья, противъ Конскихъ водъ,— укрѣпилъ этотъ островъ и другой—Томашевку,—онъ первый приказалъ дѣлать лодки, для легкости, изъ буйволовыхъ кожъ, чтобы можно было, въ случаѣ нужды, переносить ихъ съ одного мѣста на другое 3).

1557 г., послѣ описанныхъ приготовленій, князь Димитрій Вишнивецкій прислалъ въ Москву атамана Ясковича съ предложеніемъ своихъ услугъ царю и съ извѣстіемъ, что онъ укрѣпился близъ крымскихъ кочевищъ — и писалъ къ государю, что онъ не требуетъ у него войска,—а только ищетъ чести— именоваться русскимъ и запереть хана въ Тавридѣ, какъ въ

1) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 113. — Ист. Госуд. Рос. Карамз. Т. VIII стр. 153 и 154.
2) Ист. Госуд. Рос. Карамз. также.—
3) Ист. Мал. Рос. Бант. Каменск. ч. I, стр. 113. Нѣсецкій Т. VI, стр. 544.

ртепѣ 1). Вслѣдъ затѣмъ, обнадеженный Іоанномъ въ мило-
і, Димитрій Корибутъ—Вишневецкій напалъ тотчасъ на Ис-
ъ—Кермень и сжегъ его безъ малѣйшаго труда; вывезъ
туда пушки въ свою Хортицкую крѣпость и отсюда отразилъ
ѣ нападенія хана, который 24 дня безъ успѣха приступалъ
его острову.

Дивлегъ—Гирей трепеталъ Вишнивецкаго — Корибута, и
салъ въ отчаяніи къ султану, что все погибло, если онъ
спасетъ Крыма 2). Султанъ не замедлилъ оказать помощь
івлетъ—Гирею,—и многочисленное войско волошское и ту-
цкое, присланное султаномъ заставило, въ свою очередь, и
иаго Вишнивецкаго трепетать Дивлетъ—Гирея, — такъ что
шнивецкій, видя невозможность сразиться съ своимъ непрі-
елемъ, оставилъ свою крѣпость и удалился къ предѣламъ
товскимъ. Здѣсь занялъ онъ Черкасы и Каневъ, гдѣ жите-
чрезвычайно любили его, обнадеживъ Іоанна покореніемъ
о скипетру всѣхъ южныхъ областей россійскихъ; но лестное
э предложеніе было отвергнуто россійскимъ самодержцемъ.
арь московскій не хотѣлъ нарушать перемирія, заключеннаго
ъ на шесть лѣтъ съ Литвою, въ 1556 г., и велѣлъ возвратить
еркасы и Каневъ королю Августу; а Вишнивецкаго вызвалъ
Москву и далъ ему помѣстье г. Бѣлѣвъ, чтобъ имѣть въ
мъ страшилище какъ для хана, такъ и для короля польскаго 3).
58 г. (въ маѣ) посланный воевать Тавриду, князь Димитрій
ишнивецкій, дошедши до устья Днѣпра, не встрѣтилъ ни
ного татарина въ полѣ, и возвратился въ Москву, оставивъ
Днѣпрѣ съ казаками храбраго дьяка Ржевскаго 4). Между
мъ, крымцы подступили къ рѣкѣ Личи, но узнавши, что
аннъ и Вишнивецкій въ Москвѣ,—опять отступили со стра-
мъ. Въ сіе время донскіе казаки, пользуясь отсутствіемъ

1) Ист. Госуд. Рос. Т. VIII, стр. 1558.—Ист. Мал. Рос. Бант.
ам. ч. I, стр. 113.

2) Ист. Госуд. Рос. Т. VIII, стр. 154.—прим. къ сему тому
70.—также стр. 155.

3) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 114. — Дипл. собр.
ѣлъ между Рос. и Пол. Р. Г. ч. I, мѣсяцъ ноябрь.—Ист. Госуд.
ос. Карамз. Т. VIII, стр. 155—156 прим. 474 также...

4) Ист. Госуд. Рос. Карамз. Т. VIII, стр. 179—189. — прим.
54 также.

крымцевъ, разбили близъ Перекопа улусы нагайцевъ и взяли 15,000 коней 1).

Въ слѣдующемъ 1559 г. Іоаннъ приказалъ Вишневецкому съ 5000 легкихъ воиновъ идти на Донъ, построить тамъ суда, плыть къ Азову и, тревожить нападеніями Тавриду. Вишневецкій отправился; но на этотъ разъ успѣхи его были очень маловажны: Онъ истребилъ на рѣкѣ Идорѣ, близъ Азова, всего 250 татаръ, пробиравшихся къ Казани и прислалъ государю 14 крымскихъ языковъ. Гораздо болѣе успѣлъ тогда Адашевъ: онъ разбилъ многочисленное крымское войско и заставилъ трепетать самаго Дивлетъ—Гирея.

Послѣ побѣды Адашева надъ Дивлетъ—Гиреемъ, по просьбѣ князей Черкескихъ—прислать полководца воевать Тавриду и церковныхъ пастырей для просвѣщенія ихъ земли св. евангеліемъ,—государь послалъ Вишнивецкаго—Корибута и множество священниковъ, которые въ дебряхъ, на скатамъ горъ кавказскихъ, основавъ церкви, обновили тамъ древнее христіанство 2). Но, къ сожалѣнію, исторія молчитъ о послѣднихъ подвигахъ князя Вишнивецкаго—Димитрія Корибута 3).

Въ сіе время (1559 г.) князья Вишнивецкіе, находясь въ 20 верстахъ отъ Почаева, вмѣстѣ со многими другими вспомоществовали Аннѣ Гойской, владѣтельницѣ м. Орла, къ распространенію славы Божіей въ м. Почаевѣ. Когда Анна Гойская, получивъ отъ греческаго митрополита Неофита въ подарокъ икону Божіей Матери, и видя отъ нея чудеса, подарила эту икону въ почаевскую обитель и надѣлила ее помѣстьями,—князья Вишнивецкіе также пожертвовали на украшеніе храма много золота и серебра и для обезпеченія православныхъ иноковъ — нѣсколько сотъ квадратныхъ саженей земли 4).

1563 г., когда московскій государь Іоаннъ, окруженный хитрыми и лукавыми царедворцами, съ нравомъ подозрительнымъ,—началъ вести жизнь очень строгую,—князь Димитрій Вишнивецкій I отсталъ отъ него, явился къ Сигизмунду и

1) Ист. Госуд. Рос. Карамз. Т. VIII, стр. 180.

2) Ист. Госуд. Рос. Карамз. Т. VIII, стр. 182.—также прим. сего тома 566.

3) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 151.

4) Вѣст. Зап. Рос. 1865—66 г. кн. IV, Т. II, стр. 89.

лъ принять имъ милостиво. Сигизмундъ такъ былъ въ это ремя расположенъ къ Вишнивецкому, что отпустилъ ему же собственнаго медика для излѣченія его отъ тяжкаго дуга, произведеннаго въ немъ, какъ полагаютъ, отравою. огда же вельможи литовскіе спрашивали государя о причинѣ гства Корибутова изъ Россіи; то Іоаннъ, отправляя гонца оего Клубокова въ Польшу, велѣлъ отвѣчать литовимъ вельможамъ на вопросъ о причинѣ бѣгства Вишнецкаго, что „пришелъ онъ къ государю нашему какъ собака, пошелъ отъ государя нашего какъ собака, и государю наму и землѣ русской убытка никакого не учинилъ“ 1).

Когда Клубоковъ отправленъ былъ въ Польшу для пояснія, между прочимъ, причинъ бѣгства Вишнивецкаго,—сей юслѣдній стоялъ тогда одною ногою въ могилѣ и не могъ ъ чрезмѣрной слабости ни ходить, ни ѣздить верхомъ. Несютря однако на свое слабое здоровье, Вишневецкій, по своіъ честолюбивымъ разсчетамъ, отправился въ Молдавію и ;мъ ускорилъ свою смерть. Призванный тамошними боярами я владычествованія надъ ними вмѣсто недостойнаго ихъ осподаря Стефана IX, Вишневецкій стремился за славою въ опровожденіи малой дружины—и былъ жертвою обмана: ибо э почести, а оковы ожидали его 2). 1564 г. Стефанъ поалъ Димитрія въ Константинополь, гдѣ Султанъ лишилъ его изни мучительнымъ образомъ: онъ былъ сброшенъ съ высоаго жилья на разставленные колья, зацѣпился за нихъ эбромъ и висѣлъ трое сутокъ испуская ужасные вопли 3), другіе утверждаютъ, будто бы онъ былъ повѣшенъ по турецому обычаю „*на гакъ*“) 4)... Въ это время страдалецъ проклиалъ Магомета.... Одинъ турокъ, немогши удержать своего эступленія—пронзилъ его стрѣлою 5).

---

1) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 115.—Нѣсѣцкій Т. IV, тр. 544.—Дипл. собр. дѣлъ между Рос. и Польск. Госуд. 1563 г.
2) Ист. Мал. Россіи. Бант. Кам. ч. I, стр. 115. — Бѣльскій тр. 612.—Енгель стр. 68.—Милл. о малоросс. народѣ.—Нѣсецкій . IV, стр. 55.
3) Енгель стр. 68.—Ист. Мал. Рос. ч. I, стр. 115.
4) Podole, Wołyń, Ukraina, tom I, str. 40.
5) Ист. Мал. Рос. Бант. Кам. ч. I, стр. 116.—Нѣмец. т. IV, тр. 545.

Нѣсецкій пишетъ, будто бы Вишневецкому предъ казнію предлагали отказаться отъ христіанства для сохраненія жизни, и что по умерщвленіи его, турки, вынувъ сердце изъ страдальца, и раздѣляя его между собою,—съѣли его въ надеждѣ получить храбрость и мужество славнаго вождя казаковъ 1).

1) Тамъ же ч. I, стр. 115. Примѣч. къ сей части стр. 15.— Лѣтописцы повѣствуютъ, что гетманъ древняго казачества, князь Димитрій Вишневецкій, замученный на колѣ въ Цареградѣ, именовался Байдою, и получилъ такое названіе при вступленіи въ казацкое войско. (Ист. сѣчи Скальковск. часть I, стр. 319).— И какъ двигатель народной жизни, прославившійся военными подвигами и казацкою удалью, еще до временъ козачества,—онъ воспѣтъ въ народныхъ пѣсняхъ, которыя дышатъ геройскою отвагою и чувствомъ народнаго простора.... Но къ концу XVI-го вѣка времена уніи и польскаго ига перемѣшали этотъ характеръ южно-русскихъ пѣсней, смѣшавъ его съ польскимъ элементомъ. (Вѣст. Зап. Рос. за 1864 г. кн. X, отд. III, стр. 2 и 3).—Приведемъ для примѣра одну изъ лучшихъ пѣсней, воспѣвающихъ Байду Вишнивецкаго, которая въ старину была воспѣваема въ числѣ войсковыхъ, или военныхъ пѣсней, и которой характеръ не такъ искаженъ унитскимъ игомъ.—Вотъ самый текстъ ея:

Ой у Кыевѣ, да на рыночку,
Тамъ пьетъ Байда да горѣлочку.
Ой пье-же вонъ да подпивае:
Да на Турецького Царя похваляе.
Ой кликнувъ Царь на свои гайдуки:
„Да возьмите Байду въ добрыи руки,
Да возьмите Байду да свяжите,
Да на гакъ ребромъ почепите!"
Да высить Байда, не день, не два,
Не двѣ ноченьки, не двѣ годиночки:
„Ой ты Джуро молоденькій (*)!
Що на тобѣ жупанъ голубенькій:
„Подай минѣ лучокъ и стрѣлокъ пучокъ
Да забачивъ я трехъ голубочокъ."
Якъ ударить Царя
Да по середъ чела,
А царыцю у потылыцю,
А царевночку у головочку:
Отъ ее тебѣ Царю,
Да за твою кару!
Що ты не умѣвъ Байды якъ покараты

(*) Говоритъ Байда турецкому служителю.

По смерти Димитрія, остался братъ его Михаилъ II, каштелянъ кіевскій, изъ біографіи котораго извѣстно весьма немногое, онъ оставилъ по себѣ двухъ сыновей: Юрія, который прежде всѣхъ князей Вишпивецкихъ перешолъ отъ греческой вѣры въ р.-католичество,—и Михаила III, старосту овруцкаго, который женился на Могилянкѣ, дочери волошскаго господаря. Этотъ князь воевалъ на Волыни и тамъ окончилъ жизнь 1). Онъ оставилъ по себѣ Іеремію, въ послѣдствіи прославившагося своими подвигами и жестокостью 2).

Въ 1569 г. открытъ былъ знаменитый сеймъ въ Люблинѣ, для переговоровъ объ уніи, на которомъ присутствовали многіе военачальники и послы: Понта, Рима, Швеціи, Турціи, Москвы и проч.,—и между ними канцлеръ литовскій Стефанъ Корибутъ—Вишнивецкій 3).

Въ семъ же году княжна, жена Александра Вишнивецкаго, Екатерина, вмѣстѣ съ сыновьями своими,—княземъ Михаиломъ, старостою черкаскимъ и каневскимъ и княземъ Александромъ — Вишнивецкими, въ числѣ прочихъ князей и пановъ, отказалась отъ явки во владимирскій замокъ,—а вмѣстѣ съ ними и Андрей Ивановичъ Вишнивецкій 4).

Було-бъ тобѣ Байдѣ съ плечь голову сняти,
Да на козацькую славу отдати!...

Примѣчаніе: Эта дума, воспѣваемая въ древности въ числѣ войсковыхъ пѣсней, хотя здѣсь и говоритъ, что Байда застрѣлилъ турецкаго царя, однако этотъ вымыслъ согласенъ съ историческими свидѣтельствами. Извѣстно, что Вишнивецкій казненъ мучительнымъ образомъ въ Константинополѣ 1564 г.; Солеманъ II, тогдашній турецкій султанъ, умеръ чрезъ два года послѣ этого происшествія, во время венгерскаго похода; а потому, вѣроятно, вѣсть въ южную Россію о смерти того и другаго дошла одновременно,—спустя два года по умерщвленіи Димитрія,—что и подало поводъ сослуживцамъ Байды сочинить въ честь его богатырскую думу. См. Малоросс. и червонорусскія народныя думы и пѣсни. Спб. 1836 г. отд. I, Байда, стр. 10 и 11,

1) Похороненъ вмѣстѣ съ женою въ м. Вишнивцѣ, въ каменномъ склепѣ, подъ старою замковою церковью (нынѣ внѣ замка находящеюся), гдѣ также въ гробы ихъ, говорятъ, положены величайшія драгоцѣнности.

2) Podolie, Volyń, Ukraina t. I, str. 40.

3) Hist. Litwaniae Cojalowicz par. II, Lib. VIII 486—487.

4) Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни ч. I, стр. 22

1571 г. князь Андрей Ивановичь Вишнивецкій присутствовалъ при записи княжны Маріи Юрьевны Гольшанской, въ томъ, что она даритъ имѣніе Осьлиповичи князю Курбскому, каковой листъ и подписалъ собственною рукою 1).

1573 г. князь Андрей Ивановичь Вишнивецкій, съ княземъ Александромъ Вишнивецкимъ присутствовали на элекціи во владимирскомъ замкѣ, куда были призваны на сеймъ вмѣстѣ съ ними и многіе другіе князья и вельможи польскіе 2).

Тогожъ 1573 г. марта 16, сенаторы, высшіе польскіе сановники, князья, урядники земскіе и придворные и все рыцарство шляхетскаго сословія,—приглашенное княземъ, воеводою волынскимъ, съѣхались въ Берестечкѣ, въ опредѣленный срокъ, назначенный воеводою—и постановили, чтобы съѣхаться на элекцію въ с. Камень подъ Варшавою. При чемъ договоромъ въ Берстечкѣ князь Константинъ I Вишнивецкій, староста житомирскій, избранъ былъ воеводою волынскимъ: и по общему согласію положено было, чтобы подъ начальствомъ Вишнивецкаго, съ помощію Божіею, и подъ знаменемъ волынской хоругви отражать непріятеля. Съ другой стороны ограничено было, чтобы Вишнивецкій поступалъ согласно съ стародавнимъ обычаемъ, не нарушая ни въ чемъ какъ вновь составленой росписи, такъ и правъ и вольностей польскихъ, нарушитель этихъ постановленій долженъ будетъ за каждаго коня заплатить по 25 копъ грошей 3).

1575 г. князь Андрей Вишневецкій, каштелянъ волынскій и воевода брацлавскій, по причинѣ своихъ наѣздовъ на имѣнія князя Курбскаго, находился съ послѣднимъ въ раздорѣ: вслѣдствіе чего князь Курбскій вступилъ въ городскій владимирскій судъ съ письменною жалобою на князя Вишневецкаго, и съ донесеніемъ, что князь Андрей Ивановичь Вишневецкій, воевода брацлавскій дѣлаетъ самъ постоянно наѣзды на королевскія земли и насылаетъ урядниковъ, слугъ, бояръ и крестьянъ своихъ ведуцкихъ и соминскихъ, и велитъ имъ причинять насильства, разбои, грабежи и великій вредъ, насильственно въѣзжая въ соковѣчныя земли, въ господарскія,

1) Жизнь кн. Курбскаго ч. I, стр. 31.
2) Тамже стр. 49.
3) Тамже стр. 49—50.

ковельскія, въ лѣса и поля, захватываетъ ихъ и присвояетъ себѣ. Именно: 7 авг. 1575 г. князь Курбскій жаловался, что въ воскресенье самъ князь, воевода брацлавскій, съ множествомъ ооруженныхъ слугъ, бояръ, и крестьянъ своихъ, конныхъ и пѣшихъ, съ разнымъ холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, ищелями и ружьями, наѣхалъ открытою силою на собственную королевскую землю ковельскую подъ село Поридубы и подъ село Селища, велѣлъ безъ всякой причины слугамъ своимъ захватить и отогнать въ имѣніе двора своего ведуцкаго два стада коней, воловъ, коровъ, телокъ, озимокъ, овецъ, козъ, свиней, — отъ мала до велика все что только было въ тѣхъ стадахъ, а четырехъ пастуховъ — Степана, Сергѣя, Ивана и Іанька, велѣлъ поймать, связать и побить. Крестьяне мои поридубскіе и селищскіе имѣютъ реэстръ, въ которомъ подробно исчисленъ захваченный скотъ. И когда крестьяне поридубскіе и селищскіе прибѣжали и увѣдомили; то я (пишетъ Курбскій) послалъ къ князю брацлавскому шесть человѣкъ съ посторонними людьми, чтобы спросить для чего Вишневецкій нападаетъ на имѣніе,—но Вишневецкій не допустилъ даже до себя слугъ, и велѣлъ своимъ слугамъ поймать и убитъ ихъ; просилъ отрядить вознаго, который бы освидѣтельствовалъ насильства, разбои и грабежи, и осмотрѣлъ-бы слугъ, убитыхъ и раненыхъ 1).

Того же 1575 г. августа 7-го дня, князь Курбскій, въ свою очередь, нанесъ обиды князю Вишневецкому, въ слѣдствіе чего сей послѣдній вступилъ также съ жалобой на грабежи и разбои, причиненные людьми князя Курбскаго, а именно: августа 17-го дня (пишетъ Вишневецкій), въ воскресеніе, послѣ обѣда, около перваго часа по полудни, князь Андрей Михайловичъ Курбскій наслалъ открытою силою изъ ковельскихъ имѣній урядниковъ своихъ съ нѣсколькими стами вооруженныхъ пѣшихъ и конныхъ людей съ ружьями, рогатинами, луками и возами. Эти люди напали на собственную землю князя Вишневецкаго, принадлежащую къ дворцу зачернецкому,—на поле, гдѣ стояли въ копнахъ сжатые снопы и здѣсь побили и поранили крестьянъ, стерегшихъ хлѣбъ и начали складывать

1) Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни ч. I, стр. 54, 55 и 56.

хлѣбъ на возы. Когда урядникъ выѣхалъ въ поле съ служащимъ Вишневецкаго и началъ уговаривать подосланныхъ Курбскимъ людей, то многіе изъ нихъ ушли съ хлѣбомъ, а другіе начали стрѣлять изъ разныхъ орудій и нѣкоторыхъ убили, а многихъ ранили людей и лошадей,—что заявлено было и предъ судомъ 1).

Затѣмъ, августа 13 дня вступило новое донесеніе litвознаго о разбоѣ и грабежѣ, причиненномъ княземъ Вишневецкимъ въ имѣніи князя Курбскаго,—а именно: возный жаловался, что Вишневецкій открытою силою, съ вооруженными людьми наѣхалъ на поля поридубскіе и селищскіе и забралъ стада рогатаго скота и лошадей, а слугъ велѣлъ поймать и побить, и убитыхъ взялъ съ собою 2).

1579 г. Князь Михаилъ II Вишневецкій, сынъ Александра (по 1-й линіи), съ княземъ Константиномъ Острожскимъ напали на Черниговъ, обстроенный воеводами русскими и зажгли его со всѣхъ сторонъ.

Князь Михаилъ II Вишневецкій былъ первымъ каштеланомъ кіевскимъ, старостою каневскимъ, черкаскимъ и любецкимъ. Онъ умеръ въ кіево-печерскомъ монастырѣ 3).

1581 г. іюля 20 дня. Князь Курбскій вторично вступилъ съ жалобою, что князь Андрей Ивановичъ Вишневецкій подралъ своими бортниками пчельникъ,—гдѣ также присовокупилъ объ измѣнѣ супруги своей и ея преступныхъ связяхъ съ паномъ Мировичемъ 4).

1582 г. Нѣкто Настасья Воронецкая, ограбленная урядниками князя Курбскаго и опасаясь за жизнь свою, убѣжала подъ защиту князя Андрея Вишневецкаго въ его имѣніе Мацеевъ, а о своей обидѣ подала на кн. Курбскаго жалобу 5).

1596 г. Козаки ворвались въ Александровъ, имѣніе князя Вишневецкаго, прилежащее къ границѣ московской, — надъ

1) Тамже часть I, стр. 58—61.

2) Ист. Мал. Россіи. ч. I, стр. 130. См. Лѣтопись Конискаго, описаніе гетманства кн. Михаила Вишневецкаго за 1569 по 1574 г. Ист. объ Уніи стр. 34.

3] Жиз. кн. Андр. Курб. въ Лит. и на Вол. ч. I, стр. 63 и 64.

4] Тамже ч. I, стр. 211 и 212.

5) Тамже часть II, стр. 128.

рѣкою Сулай, въ 150 верстахъ отъ Путивля,—и произвели здѣсь значительныя опустошенія разбойническимъ образомъ 1).

(*Продолженіе впредь*).

ПОТОМКИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ЛИТОВСКАГО ОЛГЕРДА, КНЯЗЬЯ ОЛЕЛЬКОВИЧИ, ЗАЩИТНИКИ ПРАВОСЛАВІЯ И РУССКОЙ НАРОДНОСТИ ВЪ ЛИТВѢ И НА РУСИ.

Великій князь литовскій Олгердъ Гедиминовичъ (въ православіи Алексѣй), еще при жизни своей далъ удѣлы своимъ 12 сыновьямъ: старшему сыну Владиміру Кіевское княжество; Ивану Зодѣвиту Подольское, Симеону Лингвинею Мстиславское, Андрею Вингольту—Полоцкое, Константину Коригеллѣ—Черниговское съ Чарторійскомъ, Ягайло, въ православіи Яковъ, получилъ въ удѣлъ Витебскъ и Крево и проч. 2) Даниловичь, издавшій: Skarbek diplomatow, почему-то сомнѣваеся въ существованіи нѣкоторыхъ князей. Утверждаетъ между прочимъ, что не было, будто, Константина Черниговскаго, и лѣтописцы выдумали это имя для родства князей Чарторійскихъ 3) и потому считалъ у Олгерда 11 сыновей. Но что Даниловичь ошибается, это доказывается переписаннымъ съ древнѣйшаго синодикомъ или помянникомъ—Монастырь Всемилостиваго Спаса Новогородскаго, который (синодикъ) «за благословеніемъ высоце въ Богу преподобнѣйшаго Отца Никона Архимандрита Новгородка Сѣверскаго споряжоный въ року 1703.» Тамъ на страницѣ 11 на оборотѣ, въ родословіи великихъ князей Черниговскихъ помѣщены имена великаго князя Константина Олгердовича и сыновъ его Давида, Глѣба и Александра. Тамъ упоминаются и другіе князья Олгердовичи: Іоаннъ (Казиміръ) Скиргайло, и братъ его Димитрій 4) и проч.) Олгердъ больше дру-

---

1] Zrżodło do dziejow Polsk. wydaw. przez Michaiła Grabowskiego i Alexandra Przezdzieckiego t. I, str. 72 izd.

2) Narbutt, Tom. V, 1839, pod. 235—240.

3) Skarbek diplomatow, Tom. I, pod. 225—226.

4) Владиміръ, князь кіевскій родился 1316 г. Симеонъ Линчевскій, князь мстиславскій умеръ 1370 г. Андрей Полоцкій род. 1325 г., ум. 1399 г., Ягайло род. 1348, ум. 1434 г. Скиргайло,

тихъ дѣтей любилъ Ягайлу и подъ вліяніемъ матери его Іуліаніи онъ назначенъ послѣ Олгерда великимъ княземъ литовскимъ, хотя по праву первородства великокняжескій престолъ долженъ былъ перейдти къ первому сыну Олгерда, Владиміру. Такое назначеніе не имѣло бы особеннаго вліянія на судьбу Литвы, если бы не примѣшалось къ тому католичество. Поляки говорятъ, что Польша до XVII и XVIII столѣтія не называлась католическою, потому что она не обращала въ вѣру язычниковъ, а въ Литвѣ введено христіанство Миндовгомъ и Гедиминомъ (слѣдовательно и православіе). При Сигизмундѣ Августѣ не было въ Польшѣ господствующей религіи. Папскихъ клятвъ Польша не принимала, часто разнилась въ наукѣ съ римскимъ дворомъ, соборъ тридентскій отвергала» 1). Однако этого нельзя сказать о времени Ягайлы, когда іезуиты возъимѣли вліяніе на Литву. Не безпристрастны были и послѣдующіе короли Польши въ отношеніи къ православію, какъ увидимъ.

Не всѣ признаютъ Владиміра Кіевскаго первымъ сыномъ Олгерда, нѣкоторые изъ польскихъ писателей бездоказательно утверждаютъ, что Олельковичи не потомки Владиміра и Олгерда. Но истину этого доказываютъ русскіе и польскіе лѣтописцы, равно и синодики кіево—печерской лавры и слуцкаго Свято-Троицкаго монастыря. Такъ, напр. Стрыйковскій говоритъ: «первый и старшій сынъ Олгерда былъ названъ Владиміромъ; онъ имѣлъ въ удѣлъ Кіевское княжество, и родилъ Александра, по русски Олелька, который строилъ (т. е. послѣ разоренія татарами возобновилъ) Слуцкъ, и размножилъ родъ и славную фамилію слуцкихъ князей Олельковичей» 2). Историческая судьба князей Олельковичей

въ православіи Иванъ, въ латинствѣ Казиміръ умеръ въ Кіевѣ въ православіи 1394 г. Димитрій Корнбутъ Сѣверскій умеръ 1399 г. Константинъ (Коригелло) Черниговскій ум. 1390 г. (Narbutt. Tom. V, 1839, род. 238—240. Skarbek diplomatow Daniłowicza, Tom. I, род. 226.) Новогородсѣверскій Синодикъ, стран. 4-я на оборотѣ въ 14 и 15-й строкахъ поминаетъ: „князя Димитрія Олгердовича и княгиню его Анну, и сыновъ его князя Іоанна, князя Михаила“.

1) Łotniki pismiennictwa Tułaczki Polskiei, Bruxella, 1859, pag 184, 188.

2) Въ прибавленіи къ Ипатіевской лѣтописи говорится: „По

зичей связывается съ исторiею и состоянiемъ православiя въ древнемъ Литовско-Русскомъ княжествѣ. Потому излагая исторiю князей слуцкихъ, мы будемъ касаться состоянiя православiя въ Литвѣ, котораго они были защитниками.

Пока Ягайло, преемникъ Ольгерда, оставался въ православiи, до тѣхъ поръ его православные братья мирно правили своими удѣлами. Но этотъ миръ нарушился съ принятiемъ Ягайлою латинства. Уже изъ рѣчи брата Ягайлова Бориса, сказанной имъ въ 1385 году, во время своего посольства, матери Ядвиги королевѣ Елисаветѣ (супругѣ умершаго венгерскаго и польскаго короля Людвика) видна была цѣль брака Ягайлы съ Ядвигою. Отъ имени Ягайлы Борисъ завѣрилъ королеву и польскихъ пановъ, что съ рукою Ядвиги Ягайло приметъ римско-католичество съ своими братьями, шляхтою и людьми своей земли, что онъ соединитъ съ Польшею русскiе и литовскiе земли на вѣчныя времена. Ягайло больше обѣщалъ, чѣмъ могъ сдѣлать. Обѣщать за братьевъ и русскiй народъ Литвы принять латинство слишкомъ было много, чтобы безъ потрасенiй и народныхъ бѣдствiй привести его къ концу. Ягайло, какъ бы забылъ, что при его родителѣ Олгердѣ язычники, кромѣ трехъ мучениковъ Антонiя, Iоанна и Евстафiя, замученныхъ въ началѣ Олгердомъ язычникомъ, никого изъ православныхъ болѣе не преслѣдовали, напротивъ сами принимали православiе, а 14 францисканцевъ поляковъ, которыхъ привелъ въ Вильну воевода Гастольдъ, убили именно потому, что не хотѣли принимать римской вѣры. «Въ тотъ часъ, говоритъ лѣтописецъ, коли былъ князь великiй Олгердъ на Москвѣ, а при немъ былъ воевода его Петръ Гастольдъ, и собравшись мѣщане

долгомъ опустѣнiи Батыевомъ оправлена Церковъ Печерская пресвятыя Богородицы, коштомъ великимъ отъ благовѣрнаго князя Симеона Олельковича или Александревича, внука Владимера Олгердовича, князей Слуцкихъ" (П. Собр. Рус. Лѣт. Т. 2, стр. 358) Смотр. Kronika M. Stryikowskiego, Tom. II, Warszawa 1846 rok. Rozd. XIII, pag. 57. Тоже говоритъ: Нарушевичъ (Tom. IX Lipsk, 1836. Tablice Geneologiczne, XI—XIX), Кояловичъ (Historia Litwaniae, Antwerp. 1669, P. I, род. 353), Стебельскiй (Przydatek do Chronologii 1783 Wilno, род. 109). Даниловичъ (Skarbek Diplomatow, Tom. I, Wilno, pag. 224—227 № 460) и другiе.

виленскія погане, и пришли моцю великою у кляшторъ (разум. францисканскій), не хотячи христіанства закону римскаго мѣти, и кляшторъ сожли, и мниховъ семь стяли (отрубили головы), а другую семъ мниховъ розвязавши на крыжъ и пустили по Вели (Виліи) внизъ, мовячи: зъ захода есте слонца пришли, и на заходъ засъ пойдите» 1). Ягайло не сказалъ тогоже римскимъ миссіонерамъ, что сказалъ имъ св. равноапостольный князь Владиміръ, и обѣщалъ принять латинство съ народомъ русскимъ. 14 февраля 1386 года, по прибытіи въ Краковъ съ братьями, Ягайло перекрещенъ въ римскую вѣру и вмѣсто Якова, какъ назывался въ православіи, принялъ имя Владислава. Съ нимъ перекрещены двоюродный братъ его Витольдъ, названный, какъ и въ православіи назывался, Александромъ 2), братья Скиргайло Казиміромъ, Свидригайло, въ православіи Левъ, Болеславомъ и Вигундъ Кревскій, въ православіи Василій, Александромъ. Прочіе братья, въ числѣ ихъ и Владиміръ князь кіевскій, бывшій здѣсь, рѣшительно отвергли необходимость перекрещиванія въ латинство для пополненія недостатковъ исповѣдуемой ими православной вѣры, какъ утверждали латинскіе миссіонеры и духовенство. Хотя всѣ они дали Ягайлѣ присягу въ вѣрности 3), но не могли равнодушно относиться къ православію и русской народности, которымъ угрожалъ Ягайло. Въ началѣ 1387 года Ягайло возвратился въ Вильну, чтобы сдѣлаться апостоломъ и провозвѣстникомъ римской вѣры, какъ называютъ его польскіе писатели 4).

---

1) Pomniki do dziejow Litewskich Narbutta, Wilna, 1846: kronika Litewska Buchowca, pag. 21—22.

2) Narbutt. Tom. V, pag. 238—240.

3) Naruszewicz, Tom. 10, 1837 r., pag. 203, 208, 216, 217. Римскіе миссіонеры латинскихъ епархій кіевской, виленской, луцкой и жмудской требовали перекрещиванія отъ православныхъ, присоединяющихся къ римской церкви на томъ, какъ говорили, основаніи, что форма того и другаго крещенія неодинакова. Но такъ какъ это служило большою помѣхою къ совращенію православныхъ, то папа Александръ VI-й буллою 1501 года, на основаніи правилъ флорентійскаго собора, отмѣнилъ перекрещиваніе православныхъ, принимающихъ латинство. (Dzieje y Prawa kościoła Polskiego, Ostrowskiego, Tom. II, Warszawa, 1793 roku, pag. 616—617).

4) Mowy Wyborne, 1784 roku, Tom. II, Wilna, pag. 45—51.

ъ это время половина жителей Вильны, такъ называемая рус-
кая сторона, уже исповѣдывала православную вѣру. Нѣкоторая
асть была римско-католиковъ (францисканe, которыхъ Гастольдъ
юва привелъ въ Вильну, долго жили въ предмѣстіи города, на
Гѣскахъ). А другая половина оставилась въ идолопоклонствѣ.
ъ Ягайломъ прибыли въ Вильну его братья, въ томъ числѣ и
ладиміръ кіевскій. Составленъ былъ сеймъ, первый въ этомъ
одѣ, на которомъ разсуждали о средствахъ распространенія рим-
каго-католичества въ Литвѣ 5). Безъ сомнѣнія православные
нязья не подавали голоса въ пользу совращенія православныхъ.
апротивъ здѣсь-то и родилась между ними и приверженцами ла-
инства вражда, продолжавшаяся и между ихъ потомками. Пре-
анные Польшѣ и латинству хотѣли посредствомъ римской вѣры
лить русскій народъ и политически и религіозно. Борьба между
ратьями Ольгердовичами и Кейстутовичами и русскаго народа съ
Іольшею показываютъ, какъ на это смотрѣли тѣ и другіе. Не
мотря на такое сознаніе православными князьями народности и
вѣры, на сеймѣ утвержденъ, между прочимъ слѣдующій законъ:
«Желая распространить одну католическую вѣру, мы постановили
и строго приказываемъ, чтобы ни одинъ литвинъ и руссинъ обо-
его пола не вступали между собою въ супружество, пока самымъ
дѣломъ не отдадутъ себя въ послушаніе римской церкви 6). Кре-
стившимся за тѣмъ язычникамъ было раздаваемо бѣлое сукно на
эпанчи, а русскихъ православныхъ силою обращали въ латин-
ство 7). Послѣ того послано было посольство къ папѣ Урбану
VI-му, чрезъ которое Ягайло съ новообращенными отдавалъ себя
въ послушаніе римской церкви 8). Возвращаясь въ Польшу Ягай-
ло оставилъ послѣ себя великимъ литовскимъ княземъ не Влади-
міра, православнаго и старшаго своего брата, но Скиргайла, на-
дѣясь, безъ сомнѣнія, что онъ, принявши римско-католичество,
будетъ, подобно ему, заботиться о его распространеніи. Такое

---

5) Narbutt. Tom. V, pag. 400—405.
6) Narbutt. Tom. V, 1839, pag. 400—405. Wilna Prawosławna Kulesza 1704, Wilna, pag. 153.
7) Wilna, Kraszewsk. Tom. I, 1840, pag. 175.
8) Kulesza Wiara Praw., pag. 154.

предпочтеніе меньшаго брата старшему и римско-католичества православію было причиною большихъ смутъ между братьями и всегдашнихъ жалобъ православныхъ потомковъ Владиміра Олгердовича на несправедливое устраненіе ихъ отъ занятія ими, какъ слѣдовало, велико-княжескаго престола въ Литвѣ. Самъ Ягайло оставленъ на Литовскомъ княжествѣ Ольгердомъ, не потому что имѣлъ на это особенное какое либо право, а потому что былъ особенно любимъ родителями и по вліянія второй супруги Ольгерда, матери Ягайловой, Іуліаніи, княжны тверской, которой не хотѣлось видѣть на литовскомъ престолѣ не своего сына, а сына первой жены Олгерда, Маріи Витебской. Въ 1567 году Иванъ Дмитріевичъ князь Бѣльскій, ушедшій въ Москву изъ Польши вслѣдствіе притесненій, испытываемыхъ имъ за православіе, писалъ польскому королю Сигизмунду Августу, что ему и его предкамъ принадлежало Великое Княжество Литовское, потому что его прадѣдъ Владиміръ былъ сынъ Олгерда, и Ольгердъ ради второй супруги отдалъ Великое Княжество Ягайлѣ. «Но какую честь оказывалъ нашему прадѣду Владиміру князь Ягайло?» писалъ онъ далѣе. «Какъ обходился съ младшими его братьями Лигвинеемъ (Симеономъ Мстиславскимъ) и Свидригайломъ, а равно съ дальнѣйшими младшими братьями? Всѣмъ извѣстно, какъ бѣдствовала и страдала въ его время наша отчизна. Кто изъ православныхъ христіанъ не знаетъ, какимъ предательнымъ способомъ дѣдъ твой (Сигизмунда Августа) Казиміръ убилъ родственнаго намъ князя Михаила Олельковича и завладѣлъ его отчиною, а себя вознесъ на великокняжескій престолъ Литвы?.» Впрочемъ Скиргайло, оставленный въ Вильнѣ великимъ княземъ, не оправдалъ надеждъ Ягайлы. Онъ былъ преданъ православной вѣрѣ (въ православіи онъ носилъ имя Ивана) и русской народности. Русскіе его любили. Это непріятно было Ягайлѣ. Онъ уже прежде обѣщалъ Витольду великокняжескій престолъ, когда самъ утвердится на польскомъ престолѣ. Теперь представилась возможность исполнить обѣщанное. Витольдъ съ помощію прусскихъ крестоносцевъ пошелъ войною на Литву добывать себѣ престола. Скиргайло, не будучи въ состояніи выдержать напоръ Витольда принужденъ былъ согласиться, при посредничествѣ Ягайла, уступить

товское Княжество Витольду, если въ замѣнъ его ему данъ будетъ другой удѣлъ. А Витольдъ обѣщалъ помагать Ягайлѣ въ исполненіи плана объединенія Литвы съ Польшею и въ распространеніи римской вѣры. Такимъ образомъ въ 1392 году Витольдъ сдѣлался великимъ княземъ Литвы 9). Утвердившись въ Вильнѣ Витольдъ пошелъ войною противъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, православныхъ литовско-русскихъ удѣльныхъ князей Димитрія Корибута Владиміра Кіевскаго и Волынскаго, и родственника Θеодора Коріятовича Подольскаго, и Глѣба Святославича Смоленскаго. Польскіе писатели различно объясняютъ причины нападенія Вильтольда на означенныхъ князей. Но главная изъ нихъ была безъ сомнѣнія та, что православные князья, чрезъ Литву боясь поглощенія Руси Польшею, крѣпко держались союза между собою и не желали подчиниться Витольду, имѣвшему меньше правъ на занятіе престола, чѣмъ Владиміръ Кіевскій и Витольдъ побѣдилъ ихъ послѣдовательно одного за другимъ. Сперва поразилъ онъ въ войнѣ Димитрія Корибута, новгородсѣверскаго князья, держалъ его нѣсколько времени въ заключеніи, а потомъ далъ ему Волынь. За тѣмъ пошелъ войною на кіевскаго князя Владиміра Олгердовича. Витольдъ гнѣвался на Владиміра и Корибута за то, что когда онъ былъ у прусскихъ рицарей, они препятствовали ему въ достиженіи великокняжескаго престола. Владиміръ надѣялся на справедливый судъ, потому что онъ получилъ удѣльное Кіевское княжество отъ своего отца Олгерда и, будучи роднымъ братомъ (по отцу) Ягайлы, не считалъ нужнымъ давать присягу двоюродному своему брату Витольду, и потому рѣшился защищаться всѣми силами. Весною 1394 года Витольдъ силою завладилъ Овручемъ и Житоміромъ, и отдалъ ихъ Скиргайлу, и приблизился къ Кіеву. Но Ягайло, тайный участникъ этого дѣла, постарался помирить Владиміра съ Витольдомъ посредствомъ послов. Владиміръ не могъ противиться двоимъ князямъ и принужденъ былъ уступить Кіевъ съ принадлежащими ему городами Витольду, а онъ уступилъ его Скиргайлу въ замѣнъ отнятой у него Вильны. Вмѣсто Кіева Владиміръ получилъ въ потомствен-

---

9) Skarbek diplomatow Daniłowicza, Tom. II, pag. 326.

ное владѣніе Копыль (Минской губ.) со всѣми вокругъ его городами, землями, фольварками, начиная отъ устьевъ Немана, гдѣ находится Копыль, до мѣстечка Піотркова и того мѣста, гдѣ Случь впадаетъ въ Припеть, а Припеть въ Днѣпръ, въ длину и ширину болѣе 30-ти миль 10). Такимъ образомъ въ концѣ 14-го и въ началѣ 15-го вѣка въ землѣ древнихъ дреговичей образовалось подъ верховною властію литовскихъ князей, Копыльско-Слуцкое княжество, имѣвшее въ тогдашнее время значеніе въ отношеніи православія и русской народности въ Литвѣ. Съ того времени Слуцкъ имѣлъ ближайшее отношеніе къ Кіеву, потому что сынъ Владиміра Александръ, въ просторѣчіи Олелько, наслѣдовавшій послѣ отца Слуцкъ, получилъ опять въ удѣлъ Кіевское княжество, оставаясь княземъ слуцкимъ, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже, и трудами князя Александра Владиміровича былъ возобновленъ этотъ городъ, послѣ частыхъ разореній его татарами, такъ что лѣтописцы называютъ этого князя создателемъ Слуцка 11). А потомки князя Александра или Олельки назывались Олельковичами 12).

Подчинивъ своей власти своихъ родственниковъ и князей русскихъ, Витольдъ обратилъ вниманіе на религію своихъ подданныхъ. Онъ желалъ съ одной стороны сблизиться съ папою, чтобы получить отъ него королевскую корону и вообще имѣть его своимъ покровителемъ 13), а съ другой разорвать религіозную связь сво-

---

10) Narbutt. Tom. V, pag. 458—460.
11) Narbutt. Tom. V, pag. 5315—35.
12) Stryikowsky kronika, издан. 1846, Tom. II, pag. 102, 103.
13) Время первоначальнаго основанія Слуцка неизвѣстно. Въ лѣтописяхъ онъ упоминается въ XII-го вѣкѣ. Такъ подъ 1116 годомъ говорится, что во время княжескихъ смутъ Глѣбъ Васильевичь Минскій, не желая повиноваться Владиміру Мономаху, сжегъ Слуцкъ и его окрестности. Мономахъ побѣдилъ его; однако, по его просьбѣ, оставилъ ему въ управленіе Минскъ. А Слуцкъ безъ сомнѣнія оставался подъ властію Мономаха. Георгій, сынъ Владиміра Мономаха, по вступленіи въ 1149 году на кіевскій великокняжескій престолъ, по мирному договору, отдалъ Слуцкъ съ другими городами Святослову Ольговичу. Когда же сему послѣднему данъ былъ въ 1158 году Черниговъ, въ Слуцкъ приходилъ Рогвольдъ Борисовичъ искать себѣ у дреговичей волости, но вѣроятно

хъ православныхъ подданныхъ съ подданными Москвы. Сблизиться съ папой онъ неиначе могъ, какъ дать въ Литвѣ преимущество имско-католичеству предъ православіемъ для того, безъ сомнѣнія, чтобы споспѣшествовать распространенію папства. Для этой ѣли на городельскомъ сеймѣ 1413 года даны были особенныя реимущества исповѣдующимъ римскую вѣру, а неисповѣдующіе е лишены правъ на это преимущество. Вотъ нѣкоторые изъ тихъ правъ и преимуществъ:

1) Литовскія земли соединяются, придаются, уравниваются ъ Королевствомъ Польскимъ.

2) Костелы литовскихъ земель сохранятъ всѣ вольности, свободу, права, имѣнія, обычаи, какъ это существуетъ въ Польскомъ Королевствѣ.

3) Бароны, шляхта и бояры литовскихъ земель пользуются одарками и преимуществами на равнѣ съ поляками, лишь бы они принадлежали римской церкви и имѣли данные имъ гербовые знаки 14), и лишь бы они не отпали отъ единства съ костеломъ и не были невѣрными. Отстраненіе русскихъ православныхъ отъ наданныхъ вольностей, правъ и достоинствъ и унижение самой православной вѣры произвело сильный ропотъ между русскими вельможами и князьями изъ рода Олгерда 15). Въ 1416 году, по настоянію Витольда, избранъ и посвященъ былъ соборомъ русскихъ іерарховъ,

Слуцкомъ скоро и самовольно овладѣлъ Владиміръ Мстиславскій, братъ кіевскаго князя Ростислава Мстиславича. Ибо въ 1162 году Рурикъ Ростиславичъ, Святополкъ Юрьевичъ Туровскій, Святославъ Всеволодовичъ съ братомъ Ярославомъ и Олегомъ Святославичами и другими князьями пошли къ Слуцку и отняли его у Владиміра Мстиславовича. Въ замѣнъ Слуцка Ростиславъ далъ ему Триполь съ четырьмя другими городами. Съ того времени до завоеванія Кіева и другихъ русскихъ земель литовскимъ княземъ Гедиминомъ (1320), о Слуцкѣ не говорится въ Лѣтописяхъ. Послѣ разоренія Ботылва, вѣроятно, Слуцкъ съ другими землями по правую сторону Днѣпра находился подъ властію галицкаго князя Даніила Романовича, владѣвшаго, по словамъ лѣтописи, русскою землею. (Собр. Рус. Лѣт. Том. 2, 1848, стр. 7,15, 88, 91, 307, 340, 341, 185).

14) Narbutt. Tom. VI, pag. 340.

15) Skarbek diplomatow, Daniłow. Tom. II, 1868, pag. 16—18. № 1025.

вмѣсто митрополита Фотія, особый митрополитъ для Литвы и Кіева Григорій Цимьлахъ. Этотъ святитель былъ преданъ православію и самаго князя обличалъ за принятіе латинства, но долженъ былъ уступить настояніямъ Витольда ѣхать въ Римъ и писать констанскому собору о соединеніи церквей. Успѣха въ своемъ посольствѣ онъ, безъ сомнѣнія не имѣлъ и, какъ писалъ митрополитъ Фотій, былъ за это осужденъ константинопольскимъ патріархомъ Евфиміемъ 16). Витольдъ съ Ягайломъ съ своей стороны въ 1416 году отправили своихъ пословъ на констанскій соборъ съ увѣдомленіемъ, что они позаботятся всѣми средствами подчинить подвластныхъ имъ русиновъ римской церкви. «Я весьма радъ тому, писалъ Ягайло собору, о чемъ пишутъ къ намъ, что думаете выслать достойнаго мужа изъ числа кардиналовъ, который вмѣстѣ съ львовскимъ и виленскими бискупами прибудутъ сюда съ цѣлію обращенія къ вѣрѣ русиновъ и учрежденія властію св. собора каѳедральныхъ и приходскихъ церквей и монастырей, сколько того нужно. Потому обѣщаемъ вмѣстѣ съ свѣтлѣйшимъ братомъ нашимъ Александромъ Витольдомъ, великимъ княземъ литовскимъ, усильно позаботиться, сколько намъ Богъ позволитъ о всемъ томъ, что окажется необходимымъ для соединенія народовъ съ общею матерію костеломъ. Если бы непрепятствовали продолжительныя войны, то означенные народы (т. е. русскіе) и другіе давно перешли бы изъ обряда греческаго на лоно общаго костела. И такъ просимъ вышлите тѣхъ, которыхъ вы рѣшились выслать. Ибо обширны нивы и обѣщаютъ богатый плодъ, но мало дѣлателей 17). Чтобы умножить ревностныхъ дѣятелей для обращенія православныхъ русиновъ въ латинство, Ягайло еще въ 1400 году обновилъ краковскую академію (основанную Казиміромъ, въ 1347 г.), чтобы изъ ней выходили для этой цѣли образованные римскіе богословы 18). За такую ревность къ обращенію русиновъ и литвиновъ въ латинство папа согласенъ былъ украсить Витольда королевскимъ званіемъ. Но не согласилась на это польская рада, чтобы этимъ не допустить совершеннаго отдѣленія

16) Przełożenie praw Grekow nieunitow y dissydent. 1773, pag. 14.
17) Skarbek diplom. Tom. II, pag. 40, 41.
18) Ibid. Tom. I, pag. 321. Narbut. Tom. VI, pag. 340, 341.

литвы отъ Польши и тѣмъ не ослабить Польша. Польша сильна была Литвою. Такимъ образомъ обманутый Витольдъ, съ грусти умеръ, въ 1430 г., не дождавшись королевской короны.

Зная мысли поляковъ русскіе и литовскіе князья и паны, старались достигнуть того чего не достигъ Витовтъ, т. е. разрыва съ Польшею. Они долго совѣтовались, кого бы избрать на Великое Княжество Литовское. Одни подавали голосъ за Олелька Владиміровича, князя слуцкаго, другіе за Корибута—Сигизмунда Дмитріевича, князя сѣверскаго и збаражскаго, внуковъ Олгердовыхъ. А нѣкоторые, особенно изъ русскихъ, хотѣли избрать Болеслава Свидригайла, въ православіи Льва, брата Ягайлова, потому что онъ былъ преданъ православію, хотя и былъ въ Краковѣ перекрещенъ въ римскую вѣру. Избранію его, по братской любви, благопріятствовалъ и Ягайло съ неудовольствію поляковъ 19). Получивши великокняжескій престолъ Свидригайло всегда держалъ сторону русскихъ противъ поляковъ, заключилъ союзъ съ русскими князьями, съ ихъ помощію онъ выступилъ въ бой съ поляками и взялъ много городовъ. Но Ягайло пригласилъ противъ него Витовтова брата Сигизмунда Кейстутовича, обѣщая изгнать Свидригайла и отдать ему Литовское Княжества. Сигизмундъ дѣйствительно выгналъ Свидригайла изъ Литвы и овладѣлъ княжествомъ. За то Свидригайло удержалъ власть въ Бѣлоруссіи, Кіевѣ и во всей Руси, потому что въ этомъ ему помогали русскіе, зная его преданность православію 20). Однакожъ Сигизмундъ Кейстутовичъ не довольствовался Литвою и отбиралъ одни за другими отпавшіе города. Свидригайло, не имѣя возможности одолѣть его, ушелъ въ Валахію и тамъ скрывался до смерти Сигизмунда 21). Между тѣмъ Сигизмундъ удовлетворялъ свою месть на оставшихся князьяхъ. Онъ казнилъ смертію князя Корибута, троцкаго воеводу Монивида, литовскаго маршала Рамбольда, завладѣлъ изъ сокровищами, овладѣлъ княжествомъ Мстиславскимъ, а господствовавшаго тамъ князя Юрія Лингвиневича, потомка Олгердова, заключилъ въ Трокскій замокъ, и наконецъ около 1440 года схватилъ въ Копылѣ князя Олелька Вла-

19) Narbutt. Tom. VII, pag. 3.
20) Stryikowski Tom. II, pag. 177, 182, 183, 186.
21) Narbutt. Tom. VII, pag. 214.

димировича, князя слуцкаго съ женою и дѣтьми Симеономъ и Михаиломъ и овладѣлъ Копылемъ и Слуцкомъ. За тѣмъ Олелька заключилъ въ Керновѣ, а его супругу и дѣтей—въ Уцянахъ. Поводомъ къ такому своему дѣйствію онъ выставлялъ клятвенный противъ него союзъ Олелька и прочихъ князей съ Свидригайломъ. Мало того, кровожадный Сигизмундъ имѣлъ намѣреніе въ одинъ разъ истребить всѣхъ ближайшихъ къ себѣ по крови князей, а также господъ и высшихъ лицъ. Для этой цѣли въ 1440 году онъ назначилъ всеобщій съѣздъ на Пасху, будто бы для совѣщанія о дѣлахъ края, а въ самомъ дѣлѣ, чтобъ разомъ вырѣзать всѣхъ этихъ лицъ. Узнавъ объ этомъ воеводы виленскій Довгердъ и трокскій Лелюшъ вступили въ тайные переговоры съ князьями Иваномъ и Александромъ Чарторыйскими, составили заговоръ на смерть Сигизмунда и утвердили его клятвою. Выполнить это дѣло взялся Александръ Чарторыйскій. Будучи конюшимъ князя, онъ снесся съ подконюшимъ, которому поручилъ въ назначенный часъ свезти въ княжескій дворъ триста возовъ сѣна, собраннаго съ крестьянскихъ сѣнокосовъ. А между тѣмъ въ каждомъ возу скрыто было по два человѣка. Кромѣ того при каждомъ возѣ былъ погонщикъ, всѣхъ слѣд. было 900 человѣкъ. Триста этихъ возовъ пришли въ трокскій замокъ, въ недѣлю вайй утромъ, и тотчасъ 900 человѣкъ съ возовъ окружили княжескій домъ. Чарторыйскій и Скобейко хитростію вошли въ домъ князя и убили его. Это было въ томъ же 1440 году 22). Узнавъ о смерти Сигизмунда Свидригайло возвратился изъ Валахіи, и русскіе сами отдали ему Луцкъ, находившійся подъ властію литовскихъ князей. Слуцкій князь Олелько съ женою и дѣтьми, равно и прочіе князья, получивъ свободу, возвратились въ свои княжества.

При избраніи новаго князя, нѣкоторые изъ литовскихъ вельможъ хотѣли избрать великимъ княземъ Литвы Олельку Владиміровича Олгердовича, какъ православнаго и преданнаго русскому народу. Но приверженцы Польши и римскаго-католичества стояли за родъ Ягайловъ, потому на литовскій престолъ избранъ Казиміръ Ягайловичъ король польскій. Сынъ убитаго Сигизмунда Ми-

22) Narbutt. Tom. VII, pag. 228—231.

вилъ, недовольный лишеніемъ его отцовскаго престола, подобилъ себѣ много сторонниковъ и угрожалъ Литвѣ войною сожженіемъ іева и другихъ городовъ. Потому въ 1443 году былъ вызванъ ь Вильну Олелько Слуцкій для совѣта, какъ бы оградить Кіевъ гъ опасности. Послѣ долгихъ домогательствъ поляковъ о приюединеніи Кіевскаго княжества къ Польшѣ, наконецъ отдали его юльку Владиміровичу на томъ основаніи, что оно было удѣломъ о отца, но съ условіемъ, чтобы оно по смерти Олелька было рисоединено къ Польшѣ. За Олелькомъ оставили и Слуцкое княжегво. Такимъ образомъ Олелько Владиміровичъ спокойно управилъ Кіевскимъ княжесгвомъ, до смерти своей, послѣдовавшей ь 1445 году 23).

Коронованіе Казиміра польскою короною происходило въ 1447 оду, и въ томъ же году, по его волѣ, собранъ былъ въ Люблинѣ ейнъ, на который со стороны Литвы изъ числа православныхъ нязей прибыли: Георгій Лангвиневичъ, Георгій Семеновичъ Олельо Копыльскій, Василій Красный, князь Бѣльскій, Левъ князь Острожскій и многіе другіе. Они представили чинамъ Польскаго Коюлевства слѣдующія требованія: «Народъ литовскій находитъ для юбя певыгодпымъ и низкимъ тѣ условія соединепія Литвы съ Іольшею, которыя поставили Ягайло съ Витовтомъ, потому литовскіе прелаты, князья и паны желаютъ, чтобы выраженія: wcieenie, połączenie wieczne (вчиненіе, соединеніе вѣчное) были исключены изъ договоровъ между двумя народами, имѣющими послѣдовать на этомъ сеймѣ, потому что выраженія этихъ словъ наводитъ па мысль, что этимъ весь литовскій народъ отдается въ подданство польской коронѣ. А также Подольская земля, замки съ уѣздами: Олескомъ, Вѣтлицею, Лопатиномъ и Городнею должны остаться за Литвою, потому что этими замками владѣлъ прежде Витовтъ, а по смерти его несправедливо отняли ихъ поляки. А Подоль издавна занята была татарами, но Олгердъ изгнавши ихъ оттуда, раздѣлилъ тотъ край между сынами своего брата Коріата. Коріатовичи то построили замки: Смотричь, Бакоту, Каменецъ и другіе и заселили ихъ христіанами. Когда

23) Stryikow. Tom. II, pag. 197—212. Narbutt. Tom. VIII, pag. 3, 40, 41.

умеръ Константинъ Коріатовичъ, Олгердъ назначилъ обладателемъ всей Подоли брата Константинова Θеодора. Но поелику Θеодоръ стремился къ самостоятельности, то Подоль сначала сдѣлана была литовскою провинціею, а по смерти Витовта Ягайла присоединилъ ее къ Польшѣ. Тоже должно сказать и о Галичѣ, Львовѣ и Волыни.» На эти требованія литовцевъ поляки отвѣчали, что Ягайло, принимая польскую корону и руку Ядвиги, обѣщалъ съ одной стороны принять римско-католическую вѣру со всѣмъ своимъ народомъ, а съ другой всѣ земли, которыми онъ владѣлъ, включить въ Польское королевство на вѣчныя времена и проч. Сеймъ продолжалъ 10-ть дней. Поляки не уступили литовцамъ, и сіи послѣдніе разошлись врагами ихъ болѣе прежняго 24). Русскіе князья и большая часть литовскихъ пановъ была недовольна избраніемъ одного короля для Литвы и Польши и совѣтовались, кого бы возвести на престолъ Литовскаго княжества. Взоры ихъ какъ прежде, обратились на родъ Олельковичей. По смерти мудраго и дѣятельнаго кіевскаго князя Олелька Владиміровича, его дѣти Симеонъ и Михаилъ хотѣли подѣлиться между собою не только Кіевскимъ княжествомъ, но и самимъ Кіевомъ. Но Казиміръ не согласился на это, а отдалъ Симеону Кіевъ на правахъ леннаго владѣнія, а Михаила заставилъ довольствоваться Слуцко-Копыльскимъ княжествомъ 25). Поелику Казиміръ не жилъ въ Вильнѣ, то недовольные имъ, собравшись въ 1456 году, положили разорвать связь съ Польшею, если не возвратятъ Литвѣ Подоля и Волыни и возвести на престолъ княжества Литовскаго, Жмудскаго и Русскаго Симеона Олельковича, кіевскаго князя, потому что онъ происходитъ отъ Олгерда безъ примѣси польской крови, и потому ревностнѣе будетъ заботится о правахъ Литвы. Особенно желалъ этого возведенія виленскій воевода Гастольдъ и Александръ Судомунтовичъ, полоцкій намѣстникъ. Но исполненію желаній всѣхъ этихъ лицъ помѣшалъ Монивидъ, трокскій воевода, съ другими приверженцами короля. Узнавши объ этомъ Казиміръ пріѣхалъ въ Литву и старался разными обѣщаніями отклонить на

24) Narbutt. Tom. VIII, pag. 73—80.
25) Stryikow. Tom. II, pag. 248.

емя намѣреніе литовскихъ вельможъ. Въ 1461 году Сигизндъ снова прибылъ въ Вильну и составилъ тамъ литовскій імъ, на которомъ литовскіе паны просили его, чтобы онъ или гавался жить въ Литвѣ, или возвелъ на Литовское княжество меона Олельковича, прямаго наслѣдника изъ рода великихъ ливскихъ князей. Но король на это не согласился, отложивши о до другаго времени 26). Между тѣмъ знаменитый родъ Олрдовичей и преданность ихъ православію были извѣстны всему сскому народу. Домъ Олгердовъ на Руси сравнивали съ домомъ . Владиміра Великаго, и потому не только кіевляне, но и новродцы желали имѣть князя изъ рода Олгердова. Сіи послѣдніе іставили на видъ польскому королю намѣреніе великаго московаго князя Іоанна Васильевича сдѣлаться единовластителемъ всей юссіи и просили его дать имъ отъ себя князя изъ потомковъ гerда. Такимъ княземъ посланъ былъ имъ Михаилъ Олельковчъ Слуцкій. Онъ прибылъ въ Великій Новгородъ 8 ноября 1470 эда и былъ принятъ новгородцами съ великою честію. Но онъ е могъ ужиться съ Мареою Борецкою, которая сама неограниченой власти въ Новгородѣ. Узнавъ о болѣзни брата своего имеона Кіевскаго и о нападеніи на Кіевъ Татаръ, Михаилъ 15-го арта 1471 года оставилъ Новгородъ, и хотя царь Іоаннъ Васиіевичъ выступалъ противъ Новгорода съ войскомъ, Михаилъ не озвратился на помощь новгородцамъ, а поспѣшилъ въ Кіевъ ъ больному брату. Симеонъ Олельковичъ скончался 4-го деабря того же 1471 года 27). Тяжка была для Кіева и всей ливской Руси смерть Олельковича. Псковская лѣтопись говоритъ, го «Симеонъ честно оберегалъ отчину свою, градъ Кіевъ, отъ рдинскихъ царей и отъ татаръ. Тѣмъ же и превознесся во сей Руси и въ иныя далекія земли, якоже и великихъ Кіевкихъ князей древнихъ честно имя его» 28). Извѣстно, что Кіеопечерская обитель и храмъ Успенія Богоматери со времени нашествія Батыя (1237) до послѣдняго разоренія Кіева въ 1416 г.

26) Stryikowsk. Tom. II, pag. 259.
27) Latopisec Litwy i Chronika Ruska, 1827, pag. 257—258. Narutt. Tom. VIII, pag. 176—183.
28) Stebelsk. Chronolog. Tom. II, pag. 105,

татарскимъ предводителемъ Едигеемъ находились въ крайнемъ запустѣніи. Эту св. обитель и храмъ возобновилъ и исправилъ кіевскій князь Симеонъ Александровичъ или Олельковичъ Олгердовичъ. Потому какъ возобновитель храма по смерти онъ погребенъ въ немъ. По свидѣтельству Кальнофойскаго надъ его гробомъ сдѣлана была слѣдующая надпись, приводимая нами по-русски: «Христіански умершему въ 6979 (1471) году Симеону Александровичу Олельковичу, наслѣдственному господину Кіевской земли, слуцкому князю, возстановителю св. Печерскаго храма, который имъ возобновленъ при королѣ Казимірѣ и при почтенномъ отцѣ архимандритѣ Іоаннѣ, 3 декабря 6978 (1470)».

Смерть Симеона Олельковича освободила короля Казиміра отъ условій, данныхъ Симеону въ отношеніи къ Кіевскому княжеству. Симеонъ оставилъ по себѣ малолѣтними сына Василія и дочь Александру, вышедшую въ замужество за Константина князя Острожскаго. Умирая онъ поручилъ ихъ чрезъ своихъ пословъ королю, пославши ему кромѣ того въ подарокъ стрѣлы, лукъ и бѣлаго своего коня, съ которыми онъ поражалъ татаръ. Но жестокій король, по совѣту нѣкоторыхъ пановъ, противниковъ русской народности и вѣры, забывъ подвиги и заслуги Симеона Олельковича и отнявши навсегда у его потомковъ Кіевское княжество, обратилъ его въ воеводство и поставилъ въ немъ старостою или воеводою литвина Мартина Гастольда,—римской вѣры. Кіевляне воспротивились этому назначенію и просили назначить имъ княземъ Михаила Олельковича, брата Симеона, или кого либо изъ православныхъ князей, или наконецъ кого либо изъ своихъ сыновъ. Казиміръ не согласился на ихъ просьбу. Михаила Олельковича онъ считалъ своимъ измѣнникомъ, потому будто, что самовольно оставилъ Новгородъ и съ Георгіемъ Ольшанскимъ не хотѣлъ поспѣшить на помощь Новгороду, когда Іоаннъ Васильевичъ въ 1471 году осадилъ его. Выше сказано, что Михаилъ поспѣшилъ въ Кіевъ какъ по причинѣ болѣзни брата, такъ для защиты Кіева отъ татаръ. Защищать Новгородъ отъ царя московскаго въ пользу поляковъ онъ, безъ сомнѣнія, не хотѣлъ. Такъ какъ Новгородъ былъ потерянъ для Польши, и кромѣ того Михаилъ Олельковичъ, князь Θеодоръ Бѣльскій и Георгій Ольшанскій, со-

гавив заговоръ противъ короля, хотѣли лишить его жизни, но король, предувѣдомленный объ этомъ, велѣлъ схватить ихъ. Ѳедоръ Бѣльскій на другой день послѣ своего брака, ушелъ въ Россію. Михаилъ Олельковичъ и Ольшанскій, схваченные, казнены смертію въ Вильнѣ въ 1479 году. Сына Симеонова Василія Казиміръ заставилъ довольствоваться однимъ Слуцко—Копыльскимъ княжествомъ 29).

Съ этого времени слуцкіе князья Олельковичи не могли имѣть такого обширнаго вліянія на защиту православія и русской народности. Они обратили вниманіе съ одной стороны на борьбу съ татарами, а съ другой на покровительство и поддержаніе православной вѣры въ Слуцко-Копыльскомъ княжествѣ. Не будемъ здѣсь распространяться о подвигахъ ихъ противъ татаръ, описанныхъ подробно Нарбутомъ, Бѣльскимъ, Стрыйковскимъ, Кояловичемъ и другими. Мы только упомянемъ имена защитниковъ Руси отъ татаръ. Это были князь *Симеонъ Михайловичъ*, разбивалъ татаръ въ 1503 году и въ томъ же году скончившійся, *Юрій Семеновичъ* храбро поразившій татаръ въ 1511 и 1527 и скончившійся въ 1542 году. Его дѣти: Семенъ и Юрій Юрьевичи въ 1557 году выставили конное и пѣшее войско свое въ помощь противъ магистра ливонскаго Фюретенберга. По смерти Семена Юрьевича братъ его Юрій Юрьевичъ одинъ княжилъ въ Слуцкѣ, отличался благочестіемъ и въ 1578 году 6-го октября оставилъ дух. завѣщаніе, въ которомъ онъ дѣлаетъ жену свою Екатерину Тенчинскую опекункою трехъ своихъ сыновей: Юрія, Ивана-Симеона и Александра, раздѣлилъ имъ свое княжество и городъ Слуцкъ на три части. Дѣтей своихъ онъ увѣщивалъ, чтобы они были общими строителями и покровителями православного слуцкаго монастыря св. Троицы, чтобы данныхъ этому монастырю имѣній князья не отнимали и не раздѣляли ихъ между собою, чтобы архимандритъ этого монастыря былъ избираемъ всѣми сословіями княжества, чтобы тотъ архимандритъ былъ мужъ достойный, ученый и хорошо знающій догматы православной греческой церкви. Наконецъ онъ за-

29) Stryikowsk. Tom. II, pag. 272. Stebelsk. Tom. II, pag. 103, 104.
30) Stryikow. Tom. II, pag. 293, 327, 330, 336, 362, 427. Starożytna. Polska, Balińsk. Tom. III, pag. 671.

вѣщивалъ своимъ дѣтямъ, чтобы они всегда вѣрно держались и никогда не отступали отъ вѣры своихъ отцовъ.» Памятникомъ благочестія князя служитъ находящееся въ ризницѣ слуцкаго свято-Троицкаго монастыря Евангеліе, собственноручно имъ писанное 30). Этотъ достойный князь въ томъ же 1578 году и погребенъ въ великой церкви кіевопечерской лавры въ гробѣ своихъ предковъ 31). Благочестивому примѣру отца подражалъ одинъ старшій сынъ его Юрій Юрьевичъ. Онъ былъ твердъ въ православіи, покровительствовалъ св. храмамъ; онъ имѣлъ жену Екатерину Кишчанку, и отъ сего брака имѣлъ дочь Софію—послѣднюю отрасль Олельковичей. Но къ сожалѣнію, сей послѣдній православный князь слуцкій скончался рано въ 1578 году, не поживъ и года съ женою. Онъ погребенъ въ древней соборной слуцкой церкви, называвшейся замковою (теперь здѣсь же новая церковь, построенная въ настоящемъ столѣтіи вмѣсто древней, сгорѣвшой въ 18 столѣтіи) 32). Мать ихъ Екатерина Тенчинская вступила вторично въ бракъ съ Криштофомъ Радзивилломъ, воеводою виленскимъ, а князья Александръ и Янъ Симеонъ, подъ вліяніемъ іезуитовъ, измѣнили вѣрѣ своихъ предковъ, вопреки воли своего благочестиваго отца и приняли римско-католичество. Они рано и безпотомственно умерли, Александръ 1591 года, погребенный въ Краковѣ, а Янъ Симеонъ въ 1593 году въ Люблинѣ въ іезуитскомъ костелѣ 33). Такимъ образомъ, польское правительство постепенно стесняя православныхъ слуцкихъ князей и отнимая у нихъ принадлежащее ихъ крови довело до того, что послѣдніе изъ нихъ Александръ и Янъ Симеонъ, приняли римско-католичество. Православные слуцкіе князья, какъ потомки литовскаго князя Олгерда, имѣли мѣсто въ литовскомъ сенатѣ, какъ бы въ утѣшеніе за лишеніе Кіевскаго княжества. Но при Сигизмундѣ I-мъ они лишены были и этого мѣста, по ненависти, какъ къ защитникамъ православія и русской народности. Благочестивый Юрій Юрьевичъ II-й старался возвратить своему роду право

31) Stebelski, Tom. II, pag. 99.
32) Starozytna Polska, Balińsk. Tom. II, pag. 668.
33) Niesiecki, Tom. VII, pag. 71, 72.

а мѣсто въ литовскомъ сенатѣ, и въ 1572 году ему дали мѣсто) виленскомъ бискупѣ 34).

Княгиня Софія Юрьевна, послѣ долгихъ споровъ между паріями Радзивиловъ и Ходкевичей, вступила въ бракъ съ княземъ нушомъ Радзивилломъ. Она скончалась отъ родовъ дочери, умерей также съ нею въ 1612 году 35) и погребена въ свято-Троицомъ монастырѣ. Надъ ея гробомъ находится слѣдующая надись: «1612 г. марта 19-го преставися благовѣрная Софія княжна гуцкая Олельковна Юревичевна, Ольгердово племя, положена бысть ь Слуцку, въ монастыру святое живоначальное Троицы.» Имѣія князей слуцкихъ перешли въ домъ Радзивиловъ, но благочэтивая память о нихъ сохраняется въ Слуцкѣ и его окрестностяхъ ı въ наше время.

Въ заключеніе нашей статьи помѣщаемъ здѣсь родъ князей луцкихъ Олельковичей Олгердовичей, списанный съ Синодика Кіею печерской лавры. Помяни Господи:—Вел. Кн. Владиміра, князя Инока Александра (Олелька), князей: Симеона, Василія, Василія, Іоанна, Андрея, Іоанна, Глѣба, князя инока Евфимія, Іоанна, Андрея, Симеона, Симеона, Юрія, Василія, Іоанна, Даніила, Глѣба, Андрея, Симеона, Димитрія, Давида, Димитрія, Владиміра, Андрея, Василія, Іоанна, Михаила, Θеодора, Романа, Симеона, Василія, Іоанна, Симеона, Михаила, Іоанна, Юрія, Θеодора, Симеона, Θеодора, Стефана, Θеодора, Димитрія, Θеодота, Василія, Іоанна, Василія, Симеона, Димитрія, Михаила, Іоанна, Іоанна, Макарія, Іоанна, Патрикія, Андрея.»

Архим. Модестъ.

---

34) Ibid. pag. 73.
35) Stebelski Tom. II, pag. 98.

ПОПЫТКА ВОЗВЕСТИ ВО СВЯТЫЕ ДВУХЪ Р.-КАТОЛИЧЕСКИХЪ МОНАХОВЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДѢЯНІЙ ПОЛЬСКАГО МОНАШЕСТВА ВЪ XVIII ВѢКѢ.

*(Окончаніе *).*

Въ высшей степени любопытны и достойны вниманія совѣты, которые даются о томъ, какъ устроить переносъ тѣла Станиславова изъ подземелья въ новое, нарочно устроенное въ костелѣ, мурованное помѣщеніе. Адвокатъ велѣлъ просить на это разрѣшенія у мѣстной епархіальной власти. «И такъ-совѣтую вамъ, (пишетъ Вишнескій генеральному препозиту), по полученіи разрѣшенія, сдѣлать для Станислава мурованный гробикъ въ углу, у стѣны, повыше, дабы не проходила сырость, и сверху устроить потолще крышку, на случай—Боже сохрани!—огня, и помуремуръ, не очень впрочемъ высокій, лишь бы вошелъ гробъ. А когда получено будетъ разрѣшеніе, то на томъ основаніи, что гробы скоро гніютъ, перенести, его туда, и сверху надписать—чей гробъ: это никакой особой почести не означаетъ. (Такъ именно совѣтуетъ адвокатъ, потому что и въ Римѣ такъ же дѣлаютъ, если какой изъ рабовъ Божіихъ умеръ въ чаяніи святости). Святыя кости его, обмывъ водою, красиво уложить въ гробъ и покрыть одеждою изъ бѣлой матеріи, ничего— если бы и самой дорогой. Умыть кости, уложить ихъ и облачить считаю способнѣйшимъ на Нарцисса. На голову слѣдуетъ возложить беретъ,—самого облачить въ стулу, свѣтлаго цвѣта, самую дорогую,—подъ голову положить подушку, какъ можно побогаче,— зелья въ гробъ никакого не класть, ради сырости. На это оновеніе и уборъ особаго разрѣшенія не нужно. Пристроенную такимъ образомъ гробницу хорошенько сперва просушить, гробъ тоже старательно высушить и самое тѣло, хотя на короткое время, подержать гдѣ либо въ сухомъ мѣстѣ—чтобы все сухое уже потомъ наглухо замуровать; все же это чинить при закрытыхъ дверяхъ. Можно вынести куда нибудь въ келью и тамъ уложить все, какъ слѣдуетъ: для этого также ненадобно особаго разрѣшенія, лишь бы дѣлать все такъ, чтобы лица посторонніе не разбирали останковъ. Прахъ, который останется послѣ опрятанія костей, можно также вложить въ особенный сосудъ и въ такомъ

*) См. 4 кн. Вѣст. Зап. Россіи.

видѣ хранить его».... За симъ слѣдуетъ замѣчательная приписка. «NB. Прежде-же, чѣмъ приступлено будетъ къ исполненію вышесказаннаго, нужно велѣть сдѣлать съ боку отверстіе подъ большой престолъ,—но такъ, чтобы ни одна живая душа не знала, для чего это,—и посмотрѣть, нѣтъ ли подъ нимъ какого тѣла, ибо ходилъ слухъ, что кс. Августинъ Зміевскій задумывалъ вдвинуть тѣло Станислава подъ большой престолъ. Если тамъ ничего не найдется, то, конечно, это и есть настоящее тѣло» (т. е. которое теперь лежитъ въ костельномъ подпольи) «пот. что, когда я спрашивалъ тѣхъ, которые хоронили его, и нашихъ монаховъ: то ли это мѣсто? Они всѣ мнѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что мѣсто и гробница—тѣ самыя. Это можно было узнать и по гробу: одному только и отцу сдѣланъ былъ нарочно устроенный гробъ, всѣхъ же прочихъ хоронили въ землѣ;—тутъ же, гдѣ лежало святое тѣло, еще и дно отъ гроба оставалось,—лежали и стѣнки, хотя и погнившія; видно было, что хотя и гнилой, а былъ все таки гробъ—съ умысломъ сбитый желѣзными гвоздями (что едвали дѣлалось для прочихъ). Впрочемъ, для вящшей вѣрности, я спрашивалъ, гдѣ похоронены другіе, и всѣхъ ихъ нашелъ закопанными въ землю; велѣлъ я также перебрать и осмотрѣть и все подполье. Значитъ, если нѣтъ ничего подъ великимъ алтаремъ, то—конечно, это именно его тѣло. Впрочемъ—все таки, во избѣжаніе всякаго сомнѣнія, ты осмотри алтарь,—но пусть никто не знаетъ—зачѣмъ, а говори просто, что хочешь посмотрѣть, не будетъ ли удобно положить тѣло подъ алтарь. Предостергаю однако, что, если бы и дѣйствительно это было удобно; то — ничьего гроба класть туда нельзя, кромѣ канонизованнаго святаго или блаженнаго, также и ни подъ какой либо другой престолъ. Ты притворись, какъ будто не знаешь этого,—или выдумай какой нибудь другой политичный предлогъ, за коимъ понадобилось тебѣ отверстіе. — Что касается омовенія и облаченія костей, — то они обыкновенно такимъ способомъ совершаются надъ слугами Божіими; иные умываютъ еще виномъ, но лучше этого не дѣлать: отъ вина кости чернѣютъ, отъ воды—нѣтъ. Въ Португалію также могутъ взять съ собою одну изъ большихъ костей — отъ руки или ноги; голова однако должна оставаться цѣлою. На счетъ того, можно ли взять останки, я совѣтовался съ адвокатомъ: говоритъ — можно, лишь бы занесено было въ протоколъ, куда кость взята и кѣмъ. Можно взять также одно изъ реберъ. Слѣдуетъ смотрѣть, не уцѣлѣло

ли что изъ внутренностей—языкъ наприм. или мозгъ: такіе предметы отложить и хранить ихъ особо въ архивѣ, въ замкнутомъ ящичкѣ; монахи же, если случатся при этомъ, пусть тоже осмотрять и своеручно подпишутся, что все было именно въ такомъ видѣ. Изъ постороннихъ никого не забывать. Подобные останки, хотя бы даже совсѣмъ почернѣли, имѣютъ большое преимущество предъ прочими останками послѣ рабовъ Божіихъ и зовутся praecordiae Servorum Dei. Если бы вообще нашлось какое либо густое вещество, такое отложить, какъ тоже сходное съ останками. Впрочемъ, нашедши что либо значительное, напримѣръ сердце, языкъ или мозгъ, должно заблаговременно увѣдомить объ этомъ свое начальство. Въ случаѣ же, не найдется ничего подобнаго, то и не нужно; ибо весьма многіе святые, да и большая часть, истлѣли, а почитаются за великихъ святыхъ, таковы: Игнатій, Филиппъ Нерскій, Станиславъ Костка и друг.; тѣло же блаженнаго Іосифа Каласантскаго обратилось въ ничто, кости сильно почернѣли, а голова, которая выставляется на престолѣ, вся покрылась слоемъ болотнаго вида; впрочемъ языкъ и сердце найдены цѣлыми и также выставляются на публичное чествованіе; но они черны и сухи, хотя и цѣлы». — За симъ, еще подтвердивъ, что старый гробъ слѣдуетъ высушить и спрятать, Вышинскій велитъ всѣми силами подбивать сеймовыхъ пановъ на складчину для произведенія Станислава въ ликъ блаженныхъ. Вмѣстѣ съ письмомъ Казиміръ шлетъ полную папскую индульгенцію всѣмъ, кто въ родительскую недѣлю посѣтитъ одинъ изъ маріанскихъ костеловъ и помолится въ нихъ о «согласіи между христіанскими государями, объ искорененіи ересей и расширеніи св. матери церкви (р.-кат.)», и при этомъ замѣчаетъ: «Считаю особеннымъ знаменіемъ провидѣнія Божія, что индульгенція намъ недорого стоитъ, всего 6 цехиновъ. Конечно, только предстательствомъ Матери Божіей случилось это, что канцелярія взяла съ меня такъ дешево; за такія самыя грамоты берутъ обыкновенно по нѣскольку десятковъ и даже по нѣскольку сотъ зол. О таковой милости Дѣвы Маріи стоитъ вписать въ протоколъ, потому что, по увѣренію всѣхъ, эта грамота должна была мнѣ стоить нѣсколько десятковъ скуди: здѣсь вѣдь за простое право построить часовню берутъ по сту и болѣе скуди».—Весьма замѣчательно подробное наставленіе, какимъ торжествомъ должно сопровождаться объявленіе настоящей индульгенціи—между прочимъ и въ чисто русскихъ мѣстностяхъ. Выпук-

ными чертами обозначаются какъ общія особенности вѣроисповѣднаго матеріализма, такъ и частныя отличія—католицизма полонизирующаго. «Велите (пишетъ Казиміръ) нарисовать образъ, хотя бы даже на полотнѣ клеевыми красками, поставить его въ рамы или убрать матеріями. На образѣ должна быть изображена Пресвятая Дѣва, непорочно зачатая, въ бѣлой одеждѣ; рука у ней—одна у персей, а другая простерта внизъ—будто бы къ душамъ, заключеннымъ въ чистилищѣ; лице, сострадущее душамъ, воздвигнуто къ Богу; а сама она будто въ облакахъ; а подъ нею чистилище съ душами въ пламени; два маріанскіе монаха будто на скалѣ надъ чистилищемъ стоятъ на колѣняхъ, одинъ—ксендзъ съ книжкой, другой—простой братъ съ четками въ одной рукѣ,—въ другой же держитъ воду, которою заливаетъ чистилищный огонь. Этотъ образъ, вмѣстѣ съ копіею привиллегіи, прилично ихъ изукрасивъ, помѣстить гдѣ нибудь въ полѣ за селомъ. Нарисовать также на большихъ листахъ души умершихъ, по одной и по двѣ, и разставить ихъ по разнымъ мѣстамъ. Такихъ рисованныхъ душъ сдѣлать какъ можно болѣе, дабы и по стѣнамъ костела и на челѣ его—ихъ было въ изобиліи, въ разныхъ положеніяхъ и разныхъ состояній: старики и молодые съ шкаплерами, воины—въ шишакахъ и проч.; снабдить же все это приличными подписями изъ библіи. Нашъ костелъ долженъ быть весь убранъ въ жалобу, уставленъ и увѣшанъ черепами и смертями разнаго сорта, особенно же — душами въ пламени, съ подписями. У большаго престола ничего жалобнаго ни череповъ не надобно; уберите его какъ можно торжественнѣе въ бѣлое, а на немъ и съ боковъ его можно повѣсить души умершихъ въ пламени... По среди костела должна стоять, на особомъ возвышеніи, погребальная урна съ трупами, смертями и душами; кругомъ нея — свѣчи, а вмѣсто ножекъ — четыре черепа». Опускаемъ дальнѣйшія наставленія о церемоніалѣ, съ которымъ должно быть совершено внесеніе въ костелъ означеннаго образа и привилегіи. Наприм. сопровождающій народъ долженъ пѣть кантички о непорочномъ зачатіи,—или же—кто посрамотнѣе, пусть читаетъ ихъ вслухъ. Можно бить и въ бубенъ, «но (замѣчаетъ Казиміръ) только не жалобно, потому что совершается торжество по случаю событія, особенно радостнаго для заключенныхъ съ чистилищѣ, коимъ приносится прохлада». Проповѣдь непремѣнно должна яркими красками расписать великое значеніе ордена для умершихъ. А въ заключеніе всего «служащій

долженъ медленно благословить народъ крестнымъ знаменіемъ, подъ тихіе звуки органа, безъ боя въ барабаны, — а народъ въ это время пусть троекратно поетъ—«Вѣчную память».—Истинно ловко!

Какъ ни заманчивы были всѣ подобныя наставленія и какъ ни упорна настойчивость Казиміра, генеральный препозитъ твердилъ одно: «дѣло не начато, нѣтъ на это средствъ». «Нужно для этого (пишетъ онъ къ Вышинскому отъ 5 іюля 1752 г.) не три, а безъ малаго пять тысячь; откуда же мнѣ взять такую большую сумму? На сборъ же, о которомъ пишешь, положиться не могу, ибо нынѣ сборы очень туги, и къ тому же—извѣстно тебѣ, что польскіе паны нынѣшняго вѣка скорѣе готовы сами взять, чѣмъ дать кому; а на сеймахъ и сеймикахъ, извѣстно, какія клеветы раздаются на духовенство: здѣсь усиливаются болѣе разрушать, чѣмъ созидать,—а потому, не положивъ основанія, не могу пуститься на такое дѣло, по слову евангельскому: кто хочетъ строить, думаетъ сперва объ основаніи». Препозитъ впрочемъ началъ хлопоты въ Варшавѣ, а съ ними начались проволочки. Для начатія процесса слѣдовало прежде всего получить формальное разрѣшеніе. Въ Варшавѣ отвѣчаютъ, что наведутъ справки у бернардиновъ,—что нужно время— приготовить, — пришлютъ съ оказіею на мѣсто;—а чрезъ три мѣсяца:—готово, но не подписано,—не хлопочи, отче, самъ: пришли кого нибудь; и т. д. Нечего дѣлать: вручилъ, кому слѣдовало, для ускоренія дѣла, червонецъ.

Изъ Рима тѣмъ временемъ шли новыя подтвержденія; о томъ же, каковы должны быть свидѣтели и какъ ихъ подготовить къ предстоящему процессу, преподаны слѣдующія замѣчанія:—«Третьяго дня (пишетъ Вышинскій отъ 29 іюля 1752 года) былъ я у кс. Будріоли, іезуита, котораго всегда пользуюсь благосклоннымъ расположеніемъ вслѣдствіе того, что онъ самъ—почитатель непорочнаго зачатія Пресвятой Дѣвы Маріи и пишетъ объ этомъ книги. Этотъ патеръ пользуется отъ всѣхъ большимъ уваженіемъ, потому что присутствуетъ на совѣщаніяхъ Св. Отца по церковнымъ дѣламъ, притомъ-же былъ нѣкогда учителемъ нынѣшняго папы, который имѣетъ обычай запросто ходить къ нему, въ іезуитскій садъ, совѣтоваться. Этотъ-то іезуитъ спросилъ меня: «Хорошо ли идетъ предъ мѣстною властію процессъ о вашемъ основателѣ? «Когда я отвѣтилъ, что процессъ еще не начинался,— тогда онъ, рассердившись, сказалъ: «чтожъ вы дѣлаете? Зачѣмъ

оттягиваете? слѣдуетъ отложить въ сторону всѣ прочія дѣла, хотя бы и самонужнѣйшія,—потому что это дѣло—изъ всѣхъ для вашего ордена важнѣйшее и главнѣйшее. Развѣ, можетъ быть, сами вы сомнѣваетесь въ святости своего основателя: въ этомъ, разумѣется, наибольшее препятствіе успѣху. Если собственныя дѣти небрежны, что же скажутъ объ этомъ посторонніе»? При этомъ онъ предостерегъ, что, если не начнемъ, пока еще живы свидѣтели-самовидцы, то послѣ, хотя бы явились безчисленныя чудеса, мы съ милліонными суммами того не сдѣлаемъ, что теперь могли бы сдѣлать съ малыми издержками, опираясь на свидѣтелей, хотя бы и не было чудесъ и знаменій. Ибо теперь самое главное—засвидѣтельствовать его святость и добрую славу о его жизни и нравахъ. Теперь, пока еще есть свидѣтели, процессъ можетъ быть веденъ предъ мѣстною властію,—а когда они умрутъ, тогда пришлось бы уже вести процессъ церковной, такъ называемый Compulsorialie, съ неисчислимыми издержками, которыя покрыть едва ли въ состояніи было бы цѣлое королевство. Посему—онъ совѣтуетъ и желаетъ, чтобы слѣдствіе было начато какъ можно скорѣе; мѣстную же власть надобно упросить, чтобы отобрала показанія свидѣтелей-очевидцевъ, сколько ихъ тамъ есть; а затѣмъ уже пусть процессъ тянется себѣ хоть десять лѣтъ, потому что самое главное въ процессѣ—показанія самовидцевъ. А причиною того, что мы такъ поздно приступили къ дѣлу, онъ велѣлъ намъ выставить предъ судьями—преслѣдованіе, которое терпѣлъ нашъ орденъ даже отъ своей собратіи, (какъ напримѣръ подобное же было въ процессѣ Іосифа Каласантскаго), также войны, моръ и нерадивость нашихъ предшественниковъ,—наконецъ—и убожество нашего ордена. Затѣмъ первѣе всего собрать стариковъ: конечно, мы всѣ не знаемъ ни дня, ни часа своего, но все же они—ближе прочихъ къ смерти». Присовокупивъ еще нѣсколько наставленій по тому же предмету, съ укоромъ, что ни одинъ изъ основателей новыхъ орденовъ не былъ такъ пренебреженъ своими учениками, Вышинскій продолжаетъ: «Этотъ же кс. Будріоли говорилъ мнѣ, чтобы монахъ, который отъ насъ будетъ отряженъ ходатаемъ по этому дѣлу, прежде чѣмъ ставить свидѣтелей предъ судей, хорошенько ихъ наставилъ, ибо свидѣтели могутъ быть двухъ родовъ: одни, подущенные показывать ложно (таковыхъ, разумѣется, отнюдь не должно быть),—и другіе, которые только хорошо направлены и наставлены. На судъ должны быть

представлены такіе свидѣтели, которые показываютъ о томъ, что знаютъ навѣрное; но — такъ какъ они не способны хорошенью изложить судьямъ свои показанія, то нуждаются въ наставленіи и направленіи, потому что—либо изъ памяти у нихъ иное вышло либо не разумѣютъ, на какой конецъ дѣлалъ тó или другое слуга Божій; ходатай, естественно, обязанъ таковымъ напомнить и внушить, для чего то или иное было отцемъ нашимъ сдѣлано или не сдѣлано. Такія внушенія дозволительны, и непремѣнно должны быть сдѣланы прежде, чѣмъ свидѣтели станутъ предъ судьями. Дозволено также ходатаю, если увидитъ, что какой либо свидѣтель хочетъ свидѣтельствовать о чемъ либо непристойномъ, таковаго не допускать,—а наипаче, еслибы свидѣтель захотѣлъ надурить по зависти или ненависти къ ордену и его основателю. Много также можетъ найдтись свидѣтелей, которые, по простотѣ или по забывчивости своей, стали бы не по настоящему объяснять поступки слуги Божіяго,—такъ напримѣръ иной, видя его воздержность въ пищѣ и питіи, его пощенія, почелъ бы его, пожалуй, за это скупымъ, скрягой; другой — поступки его, внушенные любовію, объяснитъ желаніемъ награды; или онъ сдѣлалъ что либо согласно съ справедливостью, а простакъ понялъ, что это сдѣлано въ гнѣвѣ, и под. Иной опять забылъ нѣчто по старости: слѣдуетъ помочь ему вспомнить,—но болѣе выпытывать у него, не помнитъ ли того или инаго,—выпытывая же, узнавать и о другомъ—не знаетъ ли напримѣръ еще кого нибудь, кто бы это слышалъ или помнилъ, и т. д. Такіе-то свидѣтели зовутся хорошо направленными и настроенными къ пристойнѣйшему изъясненію истины, а вовсе не къ тому, чтобы ложь выдавать за истину или истину за ложь». Понятенъ духъ этихъ золотыхъ наставленій посѣдѣвшаго въ козняхъ іезуита; непонятно лишь, отчего сами послѣдователи Лойолы иногда терпѣли неудачи, отъ которыхъ, повидимому, обезпечивала ихъ широкая безнравственность правилъ, подобныхъ сейчасъ приведеннымъ. Но обратимся къ Вышинскому. Письмо свое онъ заключаетъ опасеніемъ, какъ бы за долгими сборами не потерять совсѣмъ португальскаго мѣста. Король такъ ревностно исповѣдуетъ непорочное зачатіе, что легко можетъ быть возбужденъ—основать новый особый орденъ для этой цѣли. Увлеченіе короля подобными религіозными предметами такъ сильно, что онъ велѣлъ выписать къ себѣ изъ Рима разныхъ художниковъ и музыкантовъ, — и въ довершеніе ревности,

заказалъ въ Римѣ отлить серебряную статую во весь ростъ Богоматери, которая и была отправлена въ Португалію.

Наконецъ 19 августа, Вышинскій уже «съ плачемъ,» по его выраженію, пишетъ. Съ горячею искренностью убѣждаетъ онъ, что самая будущность ордена сомнительна, если не удастся начать должнымъ порядкомъ процессъ о причисленіи Станислава къ лику Божіихъ угодниковъ. Этакъ, пожалуй, конгрегація кс. Турчиковича найдетъ снова случай — возвыситься. Турчиковичъ имѣетъ гораздо болѣе покровителей и мнителей его святости, нежели нашъ ч. отецъ, среди даже самихъ насъ; умри только онъ, его ученики, разумѣется, скорѣе нашего взялись бы за его прославленіе. Изъ за этого я каждый день здѣсь препираюсь. Одни говорятъ, что не знаютъ про нашего отца, кто онъ былъ; другіе, что онъ утонулъ, и проч., а все оттого, что подвиги и заслуги отца нашего сокрыты, по нашей небрежности, подъ спудъ. Турчиковичъ напротивъ и въ Литвѣ, и въ Римѣ ославленъ благопріятелями своими, какъ человѣкъ святой жизни и присоединитель къ р. католицизму многихъ невѣрныхъ. А вотъ напримѣръ на дняхъ здѣсь являлся къ свят. отцу папѣ одинъ свѣтскій ксендзъ, который обратилъ въ окрестностяхъ Кіева много схизматиковъ (т. е. православныхъ), такъ что его трудами нѣсколько приходовъ приняли унію, такъ онъ, имѣя рекомендаціи отъ короля и нѣкоторыхъ польскихъ пановъ, получилъ у св. отца много себѣ милостей и привиллегій, и сдѣланъ апостольскимъ миссіонеромъ въ тѣхъ странахъ,—а въ добавокъ получилъ полномочіе — дѣйствовать на будущемъ сеймѣ свободно, независимо отъ епископовъ, этотъ ксендзъ ревностный приверженецъ Турчиковича и хлопочетъ за него, а потому слѣдуетъ опасаться, чтобы, соединившись, они чего либо не склепали противъ насъ. А насъ Римъ не знаетъ ни съ пера, ни съ мяса, т. е. ни къ нашимъ, ни къ Станиславовымъ заслугамъ не будетъ внимателенъ, когда они начнутъ величаться; о трудахъ же и заслугахъ нашего отца не будетъ и помину совсѣмъ, между тѣмъ именно отъ его прославленія будетъ зависѣть вся наша сила, и самое наше существованіе, потому что онъ былъ великій чтитель непорочнаго зачатія. Слѣдовательно, процессъ его теперь самое первое дѣло, ежели хотимъ видѣть дальнѣйшее возрастаніе свое; пусть бы даже пришлось для этой цѣли потерять одинъ или два фундуша. Ибо иначе надобно опасаться, чтобы сами адвокаты святыхъ, видя тщетность трудовъ своихъ по изготовленію надлежащихъ инструкцій и

усомнившись въ исходѣ нашего процесса, не подали руки противной сторонѣ и, примѣтивъ наши недостатки, не обратились противъ насъ, слыша большія похвалы кс. Турчиновичу. Я постоянно получаю вопросы, нерѣдко отъ самихъ кардиналовъ: кто вашъ основатель; причтенъ ли уже къ блаженнымъ, или признанъ ли по крайней мѣрѣ честнымъ въ конгрегаціи обрядовъ или по крайности начинается ли процессъ его предъ мѣстною властію? Такой же вопросъ предложатъ намъ и въ Португаліи король, вельможи и разные монахи, и если услышатъ въ отвѣтъ, что нами ничего не сдѣлано, то потеряютъ доброе о насъ мнѣніе.» Вышинскій такимъ образомъ рѣшается даже угрожать, что онъ и не тронется въ Португалію, пока не начнется процессъ, а въ случаѣ надобности готовъ даже самъ лично явиться въ Польшу хлопотать. «Лишь бы, говоритъ, только начать, а для дальнѣйшаго производства найдемъ въ Португаліи достаточно денегъ и много ревности въ королѣ.»

Препозитъ, подавленный настояніями изъ Рима, самъ также вполнѣ сознавалъ справедливость доводовъ и соображеній своего собрата, но угнетаемый домашнею нуждою, главнѣе денежною, онъ, въ отвѣтъ на все, могъ лишь послать въ декабрѣ 12 червонцевъ, да прибавить въ общихъ фразахъ увѣреніе, что скоро надѣется получить разрѣшеніе начать процессъ, и намекаетъ, какихъ все это стоитъ приношеній, кому слѣдуетъ, въ Варшавѣ. Впрочемъ надежда обманула препозита. Въ Варшавѣ, напротивъ, измыслили новое препятствіе: «нужно, говорятъ, намъ самимъ сперва получить бреве изъ Рима, иначе же будетъ намъ отъ куріи выговоръ.» Въ январѣ 1753 г. препозитъ Ветицкій смиренно проситъ Вышинскаго выхлопотать таковое апостольское бреве. При этомъ онъ не скрываетъ безнадежнаго своего положенія, увѣдомляя, что главные свидѣтели святой жизни Станислава умерли и между ними главнѣйшая свидѣтельница—мать опата Карскаго. Впрочемъ, случилось и новое чудо: «дочь господина судьи смертельно заболѣла вередомъ; и когда мать, по совѣту о. Нарцисса (маріана) поручила ее покровительству Станислава, больная чрезъ часъ же выздоровѣла.» Какъ ни убѣдительно просилъ генеральный препозитъ о бреве, Вышинскій стоялъ на томъ, что Римъ въ это дѣло вмѣшиваться не долженъ, пока сперва мѣстное епархіальное управленіе не начнетъ процесса обычнымъ порядкомъ. Вѣроятно, и дѣйствительно это было справедливо, потому что и кс. Фишеръ—преемникъ въ Римѣ Вышинскаго, отвѣчалъ тоже самое на основаніи папскихъ декретовъ. Да

сяного спустя, и самъ архіепископъ познанскій оказался благосклоннѣе; изъ этого, кажется, довольно ясно открывается, что противопоставленныя прежде препятствія въ Варшавѣ происходили исключительно по личнымъ видамъ епархіальныхъ чиновниковъ.

Вышинскій, въ одномъ изъ послѣднихъ римскихъ писемъ своихъ, подтверждая вновь прежнія настоянія, выражаетъ удовольствіе тому, что прахъ Станислава переложенъ въ новый гробъ, и замѣчаетъ по этому поводу: «если тамъ внизу онъ будетъ гнить, то лучше, безъ всякой щепетильности, снести его вмѣстѣ съ тѣломъ на верхъ, въ келью, и тамъ просушить; кости же пообмыть душистой водой и губкой. Ничего, что святое тѣло полежитъ въ кельѣ: это не значитъ чествовать его публично». Повторивъ, какія необходимы предосторожности, продолжаетъ: «если бы кто и молиться сталъ передъ гробницею, частнымъ образомъ,—это также не составитъ публичнаго чествованія, лишь бы не оглашалось, что онъ канонизованъ»... А для того, чтобы дѣйствительнѣе побудить препозита къ дѣйствію, Вышинскій предизображаетъ новую опасность для ордена: «здѣсь появился новый орденъ. Двѣнадцать богослововъ саламанскаго университета, крѣпкихъ ратоборцевъ непорочнаго зачатія Богородицы, прибыли въ Римъ съ просьбою утвердить ихъ уставъ, прибавивъ (къ обыкновеннымъ тремъ обѣтамъ) четвертый—бороться до крови за непорочное зачатіе пресвятой Дѣвы... Утвержденіе получить имъ довольно трудно, потому что имъ противодѣйствуютъ и за насъ стоятъ францисканцы. Но, такъ какъ они народъ отборный и съ характеромъ, то не хлопочи мы о славѣ своего основателя, кто знаетъ—не пришли бы они скорѣе насъ въ цвѣтущее состояніе. Вотъ, если бы мы успѣли сдѣлать что либо для его славы, то, разумѣется, подобные ордены не могли бы насъ пересилить или по крайней мѣрѣ вынуждены были бы примкнуть къ нашему основателю, какъ великому чтителю непорочнаго зачатія»... Въ другомъ письмѣ (16 февр. 1753) съ горечью неподдѣльною Казиміръ сѣтуетъ, что «проживъ попусту въ чужомъ домѣ, мы даемъ только этимъ поводъ къ дурной о себѣ молвѣ, якобы напрасно мы только являемся въ Римъ, не думая нимало объ орденѣ и его славѣ. Однажды я собственными ушами слышалъ въ сакристіи: «вотъ—затратники, у которыхъ никакаго нѣтъ порядка.» Чѣмъ будетъ нашему ордену похвалиться въ Португаліи, пока не оглашенъ канонически блаженнымъ нашъ основатель? и т. д. «Недавно (пишется отъ 17 февр.) одна важная особа спросила меня: какого орде-

ніе и за симъ возразила мнѣ: это не орденъ вовсе, а вѣчное страшилище... Главное, у насъ въ Польшѣ всѣ ошибочно думали, будто для возвышенія рабовъ Божіихъ необходимѣе всего чудеса, а здѣсь въ Римѣ, напротивъ: требуется только жизнь, проведенная въ святости и добродѣтеляхъ.» Впрочемъ Казиміръ не имѣлъ счастія дождаться въ Римѣ исполненія своихъ задушевнѣйшихъ желаній. Въ мартѣ 1753 г. онъ отправился въ Португалію, обнадеживъ братію, что тамъ-то онъ соберетъ достаточно денегъ для веденія процесса. Мы еще встрѣтимся съ этою интересною личностью, въ обстоятельствахъ, весьма важныхъ для нашего предмета.

30 іюля 1753 г. послѣдовало, наконецъ, письменное разрѣшеніе познанскаго архіепископа, князя Θедора Чарторыйскаго начать процессъ. Кромѣ стряпчаго отъ правительства, членами суда назначены были все лица духовныя, на чемъ особенно Вышинскій настаивалъ; имъ дано также право передавать свои полномочія и другимъ духовнымъ лицамъ, если бы встрѣтилась надобность. Видимъ, что даны такимъ образомъ условія, самыя удобныя и безопасныя для монаховъ. Препозитъ Ветицкій поощрялъ братію— пѣть послѣ утрени и вечерни по нѣскольку лишнихъ противъ устава гимновъ, дабы «Духъ Святой (по его словамъ) просвѣтилъ свидѣтелей для вящшаго возращенія убогаго нашего сонмища.» Не оставилъ онъ конечно написать и варшавскому провинціалу піаровъ Кипріану Комаровскому, чтобы тотъ побудилъ къ свидѣтельству старыхъ піарскихъ ксендзовъ, знавшихъ благочестивую жизнь Станислава, «какъ нѣкоторые изъ нихъ разсказывали нашимъ монахамъ.» Благопріятныя домашнія обстоятельства приращались и хорошими вѣстями изъ Португаліи. Тамошній отрядъ маріанскихъ монаховъ былъ принятъ хорошо, снабженъ содержаніемъ и недвижимостями, и; что всего важнѣе, молва о Станиславѣ удачно распущена. Успѣли уже будто-бы совершиться два чуда, изъ которыхъ одно надъ монахомъ францисканскаго ордена, метрополіи маріанъ. Вышинскій пишетъ, что францисканецъ получилъ исцѣленіе, лишь только поручилъ себя молитвамъ Станаслава и взялся въ благодарность перевести на португальскій языкъ его жизнеописаніе, требуя только побольше чудесъ и благочестивыхъ подвиговъ. Тамъ-же были заказаны и распущены гравированные образки Станислава, и даже одинъ изъ духовныхъ дѣтей Вышинскаго, послѣ исповѣди, выразилъ готовность заказать большую рѣзную статую преп. о. основателя. «Лишь бы только (прибавляетъ въ восторгѣ Казиміръ) безостано-

очно шла агитація о процессѣ, потому что отъ этого много зависитъ расширеніе славы матери Божіей. Пусть только у васъ тамъ начнется процессъ, а здѣсь въ Португаліи найдутся благотворители, готовые помочь, хотя бы для этой цѣли пришлось даже послать за сборомъ въ Бразилію. Уже нашлись двое, которые согласны поѣхать туда, но, такъ какъ эти лица довольно пожилыя, то пришлите мнѣ лучше кого нибудь изъ Польши, если найдется такой охотникъ» (письмо отъ 13 іюля 1753).

Закипѣло хорошо направленное дѣло, предвѣщая, повидимому, конецъ небезъуспѣшный. Начались дѣятельныя приготовленія къ предварительному слѣдствію, которому надлежало законнымъ образомъ засвидѣтельствовать славу святой подвижнической жизни Станислава Папчинскаго. Къ сожалѣнію, именно за все время предварительнаго процесса переписка прерывается и мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ велось слѣдствіе. Только подъ 1771 г. занесены въ протоколѣ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, два заявленія: одно—Андрея Кучевскаго, который собственноручно свидѣтельствуетъ, что сынъ его страдалъ будто-бы 12 сутокъ (ровно 12!) конвульсіями и сталъ здоровъ немедленно, когда отецъ поручилъ его молитвамъ Станислава; другое заявленіе—одной изъ княгинь Радзивиллъ, которая, послѣ родовъ, была будто-бы оставлена уже всѣми врачами, но, поручивъ себя тому же Станиславу, благополучно выздоровѣла: это заявленіе безъ подписи. Оба заявители обязуются свидѣтельствовать объ этихъ «чудесахъ» и предъ оффиціальными производителями процесса. Другихъ данныхъ не знаемъ,—но хотя бы и всѣ прочія были такого же характера и значенія, а какими онѣ, вѣроятно, были, можно сообразить по вышеприведеннымъ наставленіямъ Вышинскаго); это, однакоже, какъ сейчасъ видимъ, ни на волосъ не показалось убѣдительнымъ римской куріи. Какъ бы то ни было, предварительное слѣдствіе тянулось безъ малаго 20 лѣтъ. Не имѣемъ точныхъ основаній—объяснять такую проволочку денежными затрудненіями ордена,—но, по нѣкоторымъ сохранившимся намекамъ, можемъ, кажется, съ вѣроятностію допустить, что процессъ подвигался такъ скоро, какъ скоро уставали маріане пріискивать денежныя суммы для подарковъ нужнымъ лицамъ. Въ такомъ-то дѣлѣ и было брать или за труды въ случаяхъ несомнѣнныхъ или за благоволеніе въ случаяхъ сомнительныхъ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ, все дѣло, т. е. весь предварительный

процессъ въ подлинникѣ представленъ былъ въ Римъ. По заведенному порядку, онъ долженъ былъ поступить на разсмотрѣніе въ такъ называемую римскую конгрегацію обрядовъ (J. Congr. Rituum), которая, нашедши процессъ удовлетворительнымъ, имѣла бы уже право начать настоящее каноническое дѣло о причтеніи Станислава къ блаженнымъ. Любопытно, что всѣ три польскіе епископа, приславшіе въ Римъ ходатайства о начатіи таковаго каноническаго процесса, единогласно отзываются, что слава святости Станислава издавна и далеко распространена въ ихъ епархіяхъ, а познанскій—Млодѣевскій утверждаетъ даже, что и по всему королевству. Еще любопытнѣе, что о начатіи процесса они просятъ курію не только отъ своего лица, но также отъ лица пасомыхъ своихъ. Такая беззастѣнчивость объясняется развѣ тѣмъ только, что съ одной стороны маріане дѣятельно старались, дарили и заискивали, а съ другой сами епископы хотѣли казаться искренно убѣжденными, что въ ихъ просьбахъ не содержится ничего, какъ они выражаются, «противнаго величію Божію и пользѣ вѣрныхъ» (письма епископ. познанскаго Млодѣевскаго—14 февр. 1772,—владиславскаго Островскаго 16 марта и холмскаго Оконтскаго—20 марта).

Въ Римѣ со стороны маріановъ ходатаемъ по этому дѣлу былъ нанятъ адвокатъ Г. В. Аллегіани, человѣкъ, по всему видно, ловкій, съумѣвшій прибрать монаховъ къ рукамъ и, наживаться на ихъ счетъ, сколько позволяла ему совѣсть. Когда еще Вышинскій былъ въ Римѣ, Аллегіани предложилъ свои услуги. И такъ какъ ремеслу его нисколько не вредила, была напротивъ полезна, продолжительность процесса, то ему оставалось только вести дѣло съ наибольшею пользою для себя. Нельзя сказать, что онъ ничего не дѣлалъ, напротивъ онъ не оставлялъ монаховъ своими совѣтами во время предварительнаго процесса, заблаговременно предупредилъ ихъ, какіе концы слѣдуетъ спрятать и что выставить на видъ. Онъ же давалъ имъ совѣты и чисто юридическіе, такъ какъ онъ самымъ ремесломъ своимъ обязанъ былъ въ точности знать римское каноническое право, въ особенности же сочиненія Бенедикта XIV о канонизаціи святыхъ. Онъ, напримѣръ, выискалъ монахамъ статью, по которой дозволено отбирать свидѣтельскія показанія не безотмѣнно въ засѣданіяхъ суда, а просто гдѣ случится *). За то, какъ же немилосердно и тянулъ онъ съ мо-

*) При вторичной справкѣ мы не могли сыскать въ актахъ от-

наховъ деньги и какихъ только не выдумывалъ къ тому предлоговъ, обѣщая каждый разъ сдать въ свое время подробный отчетъ. 11 августа 1770 г. онъ получилъ 380 скуди (около 500 руб.); «хотя (замѣчаетъ) ихъ недостаточно для производства дѣла, но до времени обойдемся.»— 30 марта 1771 г.: «хотя вы и прислали мнѣ 200 угорскихъ червонцевъ на это дѣло, но ихъ никакъ не хватитъ на всѣ текущіе расходы, чтобы назначена была надлежащая коммиссія; а потому надобно, чтобы вы нужную сумму выслали мнѣ.» 17 апрѣля проситъ еще денегъ, по отосланной смѣтѣ. 10 декабря увѣдомляетъ, что получилъ еще 100 золотыхъ. 18 числа (мѣсяцъ неизвѣстенъ) 1772 проситъ еще нѣсколько скуди для художника, который нарисовалъ нужную для дѣла историческую картину заслугъ Станислава. 4 сентября 1773 упоминаетъ о полученіи еще 100 угорск. червонцевъ, „de illis (по обычаю) suo tempore exactam redditurus rationem.“ и т. д. Къ несчастію ордена, ловкость адвоката превозмогла простоту монаховъ; успѣхъ же дѣла не соотвѣтствовалъ расходамъ и усердію, съ какимъ доставлялись нужныя суммы. Наконецъ, съ того самаго мгновенія, когда прямое, непосредственное ходатайство адвоката въ римской куріи сдѣлалось наиболѣе необходимо, въ его письмахъ начинаетъ проглядывать двусмысліе и худо скрытое желаніе подготовить монаховъ къ неблагопріятнымъ извѣстіямъ. Кажется, не будетъ оскорбительно для человѣческаго достоинства подозрѣніе, что адвокатъ былъ въ собственномъ смыслѣ двоедушенъ относительно монаховъ, своихъ довѣрителей. Не даромъ еще прежде Вышинскій дѣлалъ намеки, что адвокаты, не получая достаточной уплаты за труды свои, могутъ перейти на сторону противниковъ ордена. Въ развращенномъ Римѣ прошлаго вѣка понятія о безнравственности торговли совѣстію не удерживали отъ безсовѣстныхъ поступковъ, и едва ли безупречна была честь адвокатовъ, предлагающихъ противной сторонѣ за нѣсколько сотъ скуди отступиться отъ своихъ кліентовъ. Вышинскій имѣлъ время прекрасно изучить Римъ, воочію видѣлъ всеобщую тамъ продажность, наблюдалъ шумный перебой перекрестныхъ, большею частію взаимно враждебныхъ домогательствъ разныхъ орденовъ и, вѣроятно, не на обумъ высказалъ свое предположеніе насчетъ адвокатовъ. Маріане же, конечно, доста-

---

носящагося къ этому письма; но, кажется, тамъ дозволеніе сіе дается „въ случаѣ сильныхъ морозовъ.“

точно имѣли въ Римѣ враговъ, которымъ ихъ возвышеніе было противно, можно сказать, по принципу. Маріане стояли подъ вліяніемъ францисканов ъ, — могли ли же доминикане и прочіе исконные противники францисканъ простить эту зависимость ихъ сподручникамъ? Маріане добивались утвердить новый орденъ непорочнаго зачатія,—но и Турчиновичъ стремился къ тому же и хотя былъ, повидимому, до времени обезоруженъ,—но его партія не переставала дѣйствовать, пользуясь въ семъ случаѣ услугами доминиканцевъ. Выраженія: «концепціоналисты — орденъ безъ всякаго порядка, вѣчное страшилище» и другія подобныя достаточно свидѣтельствуютъ, какимъ недоброжелательнымъ духомъ проникнуты были противники маріанъ,— неразборчивость же ихъ въ средствахъ борьбы видна изъ того, что они безсовѣстно перехватывали маріанскія письма. Здѣсь шла борьба о самыхъ существенныхъ, чисто эгоистическихъ орденскихъ интересахъ,—борьба, изъ которой нерѣдко и слагается исторія р.-католическихъ монашескихъ орденовъ. Къ тому же, утвердить торжественнымъ каноническимъ актомъ высокое значеніе ордена маріановъ, значило бы— и нравственно, и юридически признать законнымъ самовольное отдѣленіе Станислава изъ ордена піаровъ. Такому же обороту ни въ какомъ случаѣ не могли сочувствовать высшіе представители піарскаго ордена, который въ прошломъ столѣтіи всюду и въ особенности въ Польшѣ получилъ громадное общественное значеніе. И такъ, если довольно было противниковъ и недоброжелателей маріанскаго ордена,—то—чтоже могло удержать адвоката заработывать хлѣбъ свой отъ обѣихъ сторонъ, дѣлая для обѣихъ ровно столько, сколько требовалось для полученія съ нихъ денегъ? Съ первой же поры 1770 года адвокатъ, которому, безъ сомнѣнія, въ точности было извѣстно отъ Вышинскаго, какіе свидѣтели и о чемъ будутъ свидѣтельствовать,—что такое самъ мнимый святой Станиславъ, — чего собственно добивается орденъ и пр., — начинаетъ относиться къ дѣлу такъ, какъ бы онъ и руки къ нему не прилагалъ. Онъ, который, можно сказать, продиктовалъ Вышинскому весь планъ дѣйствій и неразъ увѣрялъ, что все кончится благополучно,—вдругъ почему-то начинаетъ сожалѣть, что мало собрано свидѣтельствъ и мало въ предварительномъ процессѣ доказательной силы. «Весьма опасаюсь (пишетъ онъ отъ 26 сентября 1770 года), какъ бы конгрегація обрядовъ не снарядила дополнительнаго слѣдствія, дабы нѣсколько поболѣе собрать доказа-

ельствъ». Начинаются требованія такихъ бумагъ, которыхъ, навѣрное, доставить къ адвокату было невозможно, — напримѣръ свидѣтельства отъ познанскаго епископа, что обвиненный нѣкогда Станиславъ ни въ чемъ невиненъ, и под. Послѣ этого, что утѣшительнаго могло быть для монаховъ въ томъ, что адвокатъ собралъ и напечаталъ сводъ выводовъ изъ предварительнаго слѣдствія! Притомъ же адвокатъ грозитъ: «безъ этихъ документовъ praedicta causa ulteriorem progressum habere non potest» (7-го декабря 1771). Скрѣпя сердце, слали монахи по неволѣ деньги, прилагая кое-какіе клочки бумагъ Станислава, — но адвокатъ неумолимо продолжалъ свое. Такъ — вдругъ неожиданно извѣщаетъ (9-го февраля 1772), что подлинные документы, относящіеся къ дѣлу Станислава, находятся не у него—адвоката, какъ записано въ слѣдственномъ актѣ,—но взяты были Вышинскимъ въ Португалію, откуда и надобно ихъ выписать. Не говоря уже о томъ, что эту ссылку на давно умершаго Вышинскаго трудно было провѣрить,—развѣ адвокатъ, уже почти 2 года имѣвшій въ рукахъ слѣдственный актъ, не могъ благовременнѣе предупредить монаховъ о такомъ затрудненіи. Еще проволочка,—новая переписка для несчастныхъ маріановъ, а еще Богъ знаетъ, правду ли сказалъ Аллегіани. 18 іюля 1772 г. письмо адвоката проникнуто сожалѣніемъ о несчастіяхъ, которымъ подверглось бѣдное польское королевство—(годъ перваго раздѣла); радуясь рѣшимости препозита, не смотря на это, продолжать предъ мѣстною властію дальнѣйшее производство дѣла, онъ однакожъ хитро замѣчаетъ: «будьте и впредь увѣрены, что я не оставлю извѣщать васъ о самыхъ *основательныхъ опасеніяхъ* и соображеніяхъ, по коимъ дѣло ваше тянется такъ долго. Остается мнѣ только посовѣтовать вамъ, чтобы свидѣтели говорили хорошенько и съ толкомъ, потому что при дѣйствительномъ изслѣдованіи они свидѣтельствовали такъ мало, кратко и сухо, что я сильно опасаюсь, не признала бы свящ. конгрегація обрядовъ этихъ свидѣтельствъ недостаточными». Очевидно, адвокатъ уже, почти не скрывая, даетъ ясно понять, что дѣло погибло; но личина его такова, что онъ точно и не виновенъ въ этомъ, и точно прежде не предвидѣлъ, какія только и могутъ быть даны свидѣтельства въ настоящемъ случаѣ. Если свидѣтельства кажутся голословны, отчего бы ему давно не предупредить, что они должны быть многорѣчивѣе; напротивъ—замѣтно, что онъ самъ внушалъ—по возможно-

сти свидѣтелей сдерживать. 12 декабря идутъ новыя, совсѣмъ уже неутѣшительныя вѣсти, къ которымъ, какъ видимъ, Аллегіани такъ искусно умѣлъ подготовить. Въ одномъ римскомъ архивѣ открыты документы піарскаго ордена, (сообщенные въ копіяхъ) изъ которыхъ несомнѣнно явствуетъ, что Станиславъ, бывши піаромъ, велъ жизнь весьма безчинную. Посланный въ Германію, онъ, безъ позволенія начальства, бѣжалъ въ Польшу, сталъ здѣсь разсѣевать между піарами вредныя мысли противъ піарскихъ уставовъ и папскихъ буллъ и, сѣя расколы (disseminando schismata), увлекъ нѣкоторыхъ къ возмущенію противъ ордена. Когда его посадили за это въ карцеръ, онъ бѣжалъ и скрылся. Генеральный препозитъ піаровъ предписываетъ ему, въ теченіи двѣнадцати дней снова явиться въ карцеръ. «Если же не явишься, то будешь подверженъ отлученію и прочимъ наказаніямъ, положеннымъ для бѣглыхъ схизматиковъ и бунтовщиковъ». Станиславъ, разумѣется, не явился. «Такъ какъ ты (сказано въ другомъ предписаніи) показалъ себя бѣглецомъ, упрямцемъ, раскольникомъ, сварливцемъ и бунтовщикомъ, то и подвергаешься отлученію» и пр. Кончилось же все это тѣмъ, что, по проискамъ Станислава, доходившаго до самаго Рима, предписано было піарамъ — уволить его изъ ордена.—Адвокатъ прибавляетъ, что и кромѣ того, открылись хронологическія и разныя другія противорѣчія сказанныхъ документовъ съ тѣми свѣдѣніями, которыя почерпнуты были изъ маріанскихъ источниковъ, такъ что возникаетъ основательное нареканіе на достовѣрность послѣднихъ. По словамъ адвоката, процессъ не можетъ быть продолжаемъ, пока не сдѣланъ будетъ всего этого основательный разборъ и опроверженіе, къ чему онъ будто бы и приступилъ. Впрочемъ, теперь уже нисколько не скрывая истины, онъ прямо увѣдомляетъ, что въ конгрегаціи обрядовъ одинъ изъ ея членовъ, такъ называемый споспѣшникъ вѣры (Promotor fidei), составилъ весьма рѣзкія замѣчанія на сдѣланный адвокатомъ сводъ свидѣтельскихъ показаній и прочихъ доказательствъ въ пользу святости Станислава. «По причинѣ, говоритъ, слабости нашихъ доказательствъ, я совершенно основательно опасаюсь, не признали бы ихъ недостаточными,—а потому необходимо ихъ подтвердить и усилить другими свидѣтельствами. Въ противномъ же случаѣ *лучше совсѣмъ прервать процессъ* и остановить дальнѣйшее производство дѣла». Изъ сопоставленія всего сказаннаго не открывается ли почти съ достовѣрностію, что

адвокатъ Аллегіани работалъ и для другой стороны? Какъ иначе объяснить это внезапное появленіе піарскихъ документовъ, которыми мнимый святой вдругъ низведенъ до степени взбалмошнаго искателя приключеній? Адвокатъ внимательный и добросовѣстный развѣ не могъ во время предусмотрѣть подобнаго обстоятельства, и если не предупредить его, то по крайности благовременно избавить орденъ отъ безполезныхъ расходовъ? Хорошо совѣтовать—бросить процессъ, когда деньги взяты и не предвидится болѣе вѣрныхъ средствъ запутывать дѣло.

Недостатокъ мѣста, къ сожалѣнію, не позволяетъ намъ подолѣе остановиться надъ возраженіями, сдѣланными поспѣшникомъ вѣры. Они состоятъ изъ 30 пунктовъ и, дѣйствительно, разоблачаютъ съ неумолимостію все это дѣло, которое и предпринято было по чисто матеріальнымъ разсчетамъ ордена, и запутываемо была такъ долго единственно изъ корысти адвоката. На основаніи тѣхъ же документовъ, которыми ходатаи старались доказать святость Станислава, Promotor fidei пришелъ напротивъ къ слѣдующимъ выводамъ:—Свидѣтелей святости Станислава спрошено только шестеро. Явный знакъ, что молва о немъ была извѣстна лишь въ самыхъ ограниченныхъ предѣлахъ. Свидѣтели спрошены только чрезъ 67 лѣтъ по смерти Станислава, такъ что ни одного нѣтъ очевидца: тѣмъ хуже. Ссылаться напримѣръ на Франциска де-Шапталь и Франциска Караччіоли ходатаи не имѣютъ права: тамъ были другія обстоятельства, да и не было никакого *подозрѣнія въ обманъ*. Сами ходатаи сознаются, что свидѣтелей очень мало, да и показанія ихъ недостаточны, кратки и сухи. Напрасно только приводятъ въ извиненіе то, что польскій народъ трудно заставить говорить подъ присягой, которой тамъ будто бы очень боятся; — другіе народы не менѣе поляковъ уважаютъ присягу. Напрасно говорятъ, что, по затруднительности сообщеній въ обширномъ королевствѣ, трудно было доставлять свидѣтелей на мѣсто:—вѣдь Станиславъ провелъ почти всю свою жизнь въ варшавской епархіи, значитъ и свидѣтелей довольно было пригласить только отсюда, но все же — въ достаточномъ числѣ. Напрасно также ссылаются на гражданскія смуты королевства; — смуты эти начались только недавно. Между тѣмъ, изъ документовъ, представленныхъ ходатаями, видно, что Станиславъ, 10 безъ малаго лѣтъ пробывшій піаромъ, стяжалъ общую ненависть къ себѣ товарищей, былъ подъ судомъ и въ заключеніи,—былъ вынужденъ

даже въ самомъ Римѣ оправдываться касательно возмущенія ордена. Такой человѣкъ—сомнителенъ. Впрочемъ онъ оставилъ піарскій орденъ; для чего же? Слѣдуя ли внутреннему голосу свыше, призывавшему его, какъ говорятъ, основать новый орденъ,—или убѣгая отъ гоненій и непріятностей у піаровъ, какъ и то и другое одинаково, не безъ взаимнаго противорѣчія, утверждается имъ въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій? Но въ такомъ случаѣ за что же на него эти нападенія? Стараются настаивать на томъ, что Богъ намѣренно испытываетъ святыхъ своихъ разными страданіями и гоненіями отъ людей:—правда; но въ настоящемъ случаѣ ни чѣмъ не доказано, что Станислава именно Богъ испытывалъ. Свидѣтели же объ этомъ разногласятъ: по однимъ—гоненія были за то, что онъ слишкомъ ревностно исполнялъ піарскіе уставы, по другимъ, напротивъ—за то, что онъ вовсе не исполнялъ ихъ и задумалъ основать свой особый орденъ. Кому же вѣрить? Не правдивѣе ли—предположить, вмѣсто Божія испытанія, что самъ этотъ человѣкъ имѣлъ предосудительныя качества и поступки? И дѣйствительно, не странно ли, что этотъ Божій человѣкъ расхаживаетъ по городу въ бѣлой одеждѣ и въ палліи,—что многіе жалуются на его насмѣшливыя и вздорныя выходки,—иные же, и притомъ лица достойныя, осуждаютъ его? Доказываетъ ли его добродѣтели то, что онъ, какъ изъ всего видно, слишкомъ преданъ былъ похоти, обвинялъ свою мать (?) и съ самой молодости еще предавался разврату? Положимъ, что ходатаи ссылаются на діавола,—положимъ, что это и случилось (какъ увѣряютъ они) «по винѣ одного учителя, который былъ совершенно опутанъ узами пороковъ и, прибѣгнувъ къ діавольскому обману, подъ видомъ добраго дѣла вовлекъ въ плотскіе пороки невиннаго Станислава, неразумѣвшаго грѣха»,—допустимъ и то, что нерѣдко подобные грѣхи покрываются искреннимъ раскаяніемъ,—но ни изъ чего не видно, чтобы Станиславъ-то принесъ плоды, достойные покаянія. Напротивъ — этотъ человѣкъ не имѣлъ въ себѣ ни капли смиренія, — хвасталъ и величался такъ нагло, какъ не только человѣкъ добродѣтельный, но и просто никакой благовоспитанный человѣкъ никогда себѣ не позволитъ. Еще хуже, что онъ не имѣлъ нисколько христіанской любви къ ближнимъ, — а напротивъ—бранилъ и преслѣдовалъ своихъ враговъ, какъ только могъ жесточе—нерѣдко совсѣмъ невинныхъ,—и даже не задумался печатно увѣковѣчить эти качества свои. Наконецъ, этотъ хва-

ступъ, который такъ сладкорѣчиво повѣствуетъ о своей готовности умереть за католическую вѣру,—который совершенно добровольно двукратно принималъ на себя обѣтъ нищеты, оказался однако, по завѣщанію, человѣкомъ весьма и весьма разбогатѣвшимъ. Прибавить ли, что и все пресловутое завѣщаніе его, на которое съ особеннымъ торжествомъ ссылаются ходатаи, преисполнено, кромѣ самой наглой лжи и хвастовства, такими противорѣчіями иноческимъ обѣтамъ, что сами его собратья отказались принять это завѣщаніе?—Таковы вкратцѣ замѣчанія споспѣшника вѣры. Надобно отдать справедливость, они составлены умно и проникнуты почти нескрываемымъ презрѣніемъ ко всѣмъ такого рода дѣламъ. Каждое замѣчаніе—насмѣшка. Promotor fidei, словно дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый, спокойно зритъ на эти ежедневныя неправды, которыя сотнями можетъ быть прошли чрезъ его неповинныя руки. Онъ свое сдѣлалъ—не допустилъ быть каноническому процессу. Если это немало говоритъ о его умѣ и ловкости, обнаруженныхъ впрочемъ противъ соперниковъ очень слабыхъ; то нисколько, признаться, не доказываетъ его честности. Потому ли его возраженія ѣдки и мѣтки, что его совѣсть возмущена неправдою? Едва ли. Вѣроятнѣе—потому, что противъ процесса были въ Римѣ сильные люди, и между прочими — піары, которыхъ Promotor fidei видимо особенно чествуетъ въ своихъ замѣчаніяхъ. Не напрасно о. Кандидъ Спурни, который нѣсколько времени спустя былъ въ Римѣ и лично говорилъ съ адвокатомъ о подробностяхъ настоящаго дѣла, счелъ себя въ правѣ сказать: «замѣчаю, что эти возраженія внушены пристрастіемъ къ сторонѣ противной, — но что разъ напечатано, то уже трудно поправить» (письмо 1777 г.) Много ли получилъ Promotor fidei отъ противной стороны—не знаемъ; но что онъ взялъ и съ маріановъ, это подтверждается слѣдующими словами адвоката: «Сіятельнѣйшаго кардинала споспѣшника вѣры, за то, что сдѣлалъ и передалъ мнѣ свои замѣчанія (!), я немедленно съ избыткомъ, деньгами и подарками, ублаготворилъ за его труды, хотя вовсе къ этому не былъ обязанъ» (письмо отъ 4 сент. 1773 года). Не станемъ же бездоказательно говорить о смущенной совѣсти достопочтеннаго мужа: напротивъ — онъ спокойно взялъ деньги отъ ходатаевъ за то, что своими замѣчаніями нанесъ примѣрное пораженіе ихъ ходатайству. Вѣдь это было въ Римѣ.

Въ итогѣ оказалось, что никакія святости и чудеса не помогли

Станиславу Папчинскому стать выше того, чѣмъ онъ дѣйствительно былъ—человѣкомъ вздорнымъ, ограниченнымъ, болтливымъ и въ нравственномъ отношеніи довольно пошлымъ. Ни собачки, ни гребешокъ, ни чудеса, ни даже само явленіе Станиславу умершихъ духовъ на поляхъ Украйны—не спасли дѣла отъ крушенія. Не погрѣшимъ противъ славы Божіей предположеніемъ, что для ея возвышенія совершенно не потребна была святость этого самозваннаго пустосвята. Напротивъ, совершенно согласна будетъ съ идеями истинной правды — увѣренность, что сей святоша надобенъ былъ единственно и исключительно для своекорыстныхъ цѣлей расширенія и обогащенія ордена.

Рѣшительное пораженіе, нанесенное споспѣшникомъ вѣры, было для настоящаго дѣла окончательнымъ. Адвокатъ еще вызвался написать свои отвѣты на возраженія,—но уже въ каждомъ письмѣ сталъ все настойчивѣе требовать прекращенія дѣла, «дабы, какъ онъ выражается, не терять намъ даромъ масла и трудовъ.» Когда же, въ отвѣтъ на его окончательный отказъ, орденъ рыданіемъ возрыдалъ, то онъ, ловко прикрывшись плащемъ честности, въ утѣшеніе держалъ имъ такую рѣчь: «вѣрьте, что этотъ совѣтъ мною данъ вамъ исключительно по моей честности, которая не дозволяетъ мнѣ вводить васъ въ дальнѣйшія издержки пустой надеждой на благополучный исходъ, который не только по моему разуму, но и по мнѣнію искуснѣйшихъ мужей, не можетъ наступить ни въ какомъ случаѣ, по причинѣ препятствій роковыхъ и непреоборимыхъ.... Вы видѣли (продолжаетъ), что я напрягалъ всѣ свои силы и выдумывалъ всевозможные доводы, причины и подходы, чтобы сбить замѣчанія споспѣшника вѣры, но ихъ не признаютъ удовлетворительными, потому что дѣйствительно множество затрудненій препятствуютъ сему.» (Письмо изъ Рима 30 сент. 1775). Не зная отвѣтовъ адвоката, не знаемъ, насколько онъ, здѣсь лукавитъ, но по крайней мѣрѣ одинъ изъ позднѣйшихъ прокураторовъ Голковскій увѣряетъ, что они были написаны крайне холодно и вяло. Несчастнымъ монахамъ осталось только, въ утѣшеніе, воспользоваться адвокатскимъ полномочіемъ на то, чтобы, не испрашивая ничьего разрѣшенія, придать Станиславу титло Venerabilis; а также усердно раздавать желающимъ разныя бывшія при дѣлѣ бумаги въ пользу Станислава, которыхъ притомъ же адвокатъ сулитъ имъ прислать еще полный коробъ (пис. 2 дек. 1775). Для чего имъ это понадобилось, понятно само собою.

Ложь, какъ и истина, способна возрождаться подъ разными идами и дерзко искать себѣ новыхъ торжествъ. Неправда не бросила личины. Пораженіемъ Станислава заключился лишь перый актъ ;—вдругъ же начатъ другой. Маріанскій орденъ усильно алъ ходатайствовать о причтеніи къ лику блаженныхъ и святыхъ азиміра Вышинскаго. Вновь является предъ нами этотъ человѣкъ, отораго характеръ и правила мы достаточно изучили въ его письахъ. Гадалъ ли онъ, что, соблюдая Станислава, готовитъ себя въ о мѣсто? Не прихотливая ли игра страстей?

Мы видѣли, что въ 1753 году Казиміръ отправился въ Поргалію, начальникомъ маріанской колоніи. Въ благодатной Поргаліи эти передовщики ордена съ перваго же раза хорошо устроись. Казиміръ имѣлъ все право быть однимъ изъ тѣхъ духовныхъ вождей, которыхъ изумительная настойчивость и творческая ила поражаютъ насъ въ исторіи р. католическихъ орденовъ. Видъ абожности, неуклонная стремительность въ достиженіи выгодъ своей бщины, пресмыкательствъ съ его же способностію свершить ступчивую почву—въ изобиліи принадлежали этому ревнителю неворочнаго зачатія. Впрочемъ—смерть въ 1755 г. остановила его амыслы, но его духъ перешелъ къ подчиненнымъ, для которыхъ келанія наставника ихъ воплотились въ живыя правила дѣятельюсти. Мы не знаемъ, преподалъ ли самъ Казиміръ имъ наставленія, какъ воспользоваться его кончиною съ наилучшею пользою для ордена,—видимъ однакоже изъ послѣдующаго, что они прекрасно поняли положеніе ордена и свои обязанности. Не успѣла еще покрыться весеннею зеленью свѣжая могила Казиміра, а его преемникъ уже составилъ «на память потомству» формальный актъ о его святой и чудесной кончинѣ. Здѣсь между прочимъ читаемъ: «Блаженнѣйшая Богоматерь Дѣва Марія съ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, восхотѣвъ (какъ благочестиво вѣруемъ) наградить его заслуги, призвали его къ вѣчной славѣ 21 октября прошлаго 1755 года. Это свидѣтельствуется чистымъ и голубинымъ естествомъ Казиміра Вышинскаго, привлекавшимъ къ нему птицъ небесныхъ, кои добровольно, безъ всякаго опасенія прилетали къ нему на постель и дружественно его питали, не улетали же изъ кельи до тѣхъ поръ, пока онъ самъ знакомъ не давалъ своего согласія. Тоже утверждается и явленіемъ иной птицы, которая видомъ, цвѣтомъ и голосомъ для всѣхъ показалась весьма чудна: передъ кончиною блаженный отецъ Казиміръ позвалъ ее,—когда же онъ умиралъ, она при-

вѣтствовала его кончину сладостно пріятнѣйшимъ пѣніемъ и потомъ въ глазахъ всѣхъ исчезла. Тому же доводомъ служитъ и необычайная мягкость всѣхъ частей его тѣла, замѣчательная красота лица, обильное изліяніе крови при вскрытіи жилы и пріятнѣйшее благовоніе, которое и до сихъ поръ остается въ его постели. За все это пользуется величайшимъ почтеніемъ ото всѣхъ жителей Загорья.» (Elogium funebre, 20 мая 1756 г.).— Ктожъ не пойметъ съ перваго взгляда, для какой цѣли и по какимъ побужденіямъ введены въ этотъ актъ райскія птицы, благовоніе и пр.? Но важнѣе всего, что признательные ученики, какъ бы въ невольномъ увлеченіи славою своего учителя, придаютъ ему заблаговременно имя «честнаго и блаженнаго.» Такимъ образомъ, процессъ о причтеніи его, для славы ордена, къ святымъ можетъ быть начатъ безпрепятственно; главное похвальное свидѣтельство современниковъ святаго увѣковѣчено; исходъ, повидимому, не сомнѣненъ. И хотя въ письмахъ португальскихъ монаховъ къ своимъ однозаконнымъ въ Польшу ничего не упоминается о чудесныхъ явленіяхъ, а просто лишь сказано, что Казиміръ умеръ отъ злокачественной лихорадки,—но кто же станетъ въ частныхъ письмахъ искать истины, обильно открываемой свидѣтельствами оффиціальными. Каноническій процессъ дѣйствительно начатъ; минуя подробности, отмѣтимъ существенное.

Чѣмъ болѣе меркла надежда возложить вѣнецъ святости на Станислава, тѣмъ настойчивѣе старался адвокатъ Аллегіани убѣдить монаховъ заняться увѣнчаніемъ Казиміра. Всѣ послѣднія письма его имѣютъ свое ceterum censeo: «дѣло Станислава не удалось, за то Казимірово пойдетъ прекрасно, и только присылайте необходимое на издержки.» Само собою, что теперь адвокатъ уже всячески предостерегаетъ насчетъ свидѣтелей: пусть будутъ не такъ скупы на слова, какъ были въ прошломъ процессѣ. Настоятельно также внушаетъ, чтобы не хлопотали много о чудесахъ: «засвидѣтельствуйте только добродѣтели и славу святости.» Монахи послушались увѣщаній и вновь напрягли всѣ свои силы. Такъ какъ Казиміръ жилъ поочередно въ Польшѣ, въ Римѣ и въ Португаліи, то и предварительное слѣдствіе должно было производиться въ трехъ мѣстахъ. Португальскіе монахи отличались особеннымъ усердіемъ и набрали множество свидѣтелей; адвокатъ не безъ ироніи замѣчаетъ, что они ставили предъ судей и старыхъ и малыхъ, при чемъ судьи, конечно, питали полную увѣренность, что малые ребята сознательно говорятъ о добродѣтеляхъ боговдохновенныхъ, при-

твенныхъ и проч. Что касается польскихъ монаховъ, то одинъ изъ нихъ патеръ Василевскій какъ-то проговорился предъ судьями, что при жизни Казиміра его никто не называлъ рабомъ Божіимъ, и стали придавать ему это имя и заговорили о его святости только тогда, когда прислано было изъ Португаліи упомянутое похвальное слово. Promotor fidei не преминулъ, съ обычнымъ сарказмомъ, воспользоваться этой нерасчетливой обмолвкой: — «о прекрасное свидѣтельство честнаго свидѣтеля! (восклицаетъ онъ) теперь ясно все дѣло, и мое предположеніе чудесно подтверждается.» Предположеніе же его состоитъ въ томъ, что польскіе монахи сами, вѣроятно, никогда бы и не догадались искать въ Казимірѣ какой либо святости, если бы не навели ихъ на эту мысль португальскіе монахи, ловко составленнымъ панегорикомъ Казиміру. Труднѣе было вести съ успѣхомъ предварительное слѣдствіе въ Римѣ,—но и тамъ нашлось нѣсколько экс-іезуитовъ, которые съ величайшею готовностію согласились свидѣтельствовать о какихъ угодно добродѣтеляхъ и подвигахъ Казиміра. Кандидъ Спурни, который отряженъ былъ по дѣламъ ордена въ Римъ, не можетъ, въ наивности своей, довольно надивиться той готовности, съ какою вдругъ согласился дать показаніе о святости Казиміра іезуитъ, бывшій духовникъ его: «а прежде (говоритъ Спурни) сколько разъ я, бывало, бесѣдовалъ съ этимъ іезуитомъ,—никогда онъ даже и не упоминалъ мнѣ о Казимірѣ.» Не смотря однакожъ на всѣ эти благопріятности, нѣсколькихъ щекотливыхъ пунктовъ нельзя было обойдти иначе, какъ только посредствомъ формальнаго подлога: этими мелочами стоило ли затрудняться? Упомянутое прежде сочиненіе (Templum Misticum,) которое Казиміръ выдавалъ въ Римѣ за принадлежащее Станиславу, Спурни теперь выдаетъ за написанное самимъ Казиміромъ. Не доставало въ дѣлѣ правильнаго метрическаго свидѣтельства, Спурни составилъ и его: «посылаю (пишетъ онъ начальнику ордена) *подложное* метрическое свидѣтельство, подъ печатью Coenaculi Domini, данное будто-бы отъ имени ксендза, которое мы съ адвокатомъ постарались»... (Письмо изъ Рима отъ 22 іюня, 1777). Для большей вѣрности, найдены покровители дѣлу въ неприступной конгрегаціи обрядовъ; деньги смягчили самого кардинала, споспѣшника вѣры, который самыя замѣчанія свои сдѣлалъ только для виду. Ибо, не смотря на то, что собранныя о Казимірѣ данныя онъ призналъ совершенно ничтожными въ юридическомъ отношеніи, не удержалъ однакожъ своего благосклоннаго «дозволяется,» для дальнѣйшаго

продолженія дѣла. Главнѣйшею всему помѣхой была нарочитая медлительность, прекрасно помогавшая адвокату выманивать у монаховъ деньги. Напоминанія о нихъ по прежнему обильно разсѣяны въ адвокатскихъ и прокураторскихъ письмахъ. Впрочемъ случилось такъ, что нашелъ дока на доку: былъ хитеръ адвокатъ, но и Спурни самъ тоже былъ не простъ, и дѣло у нихъ, по случаю одного счета, дошло до формальнаго разрыва. Адвокатъ подалъ на Спурни жалобу, что этотъ не хочетъ ему платить; Спурни съ своей стороны жаловался, что адвокатъ его грабитъ. «За что онъ меня обжаловалъ? (пишетъ Спурни 1 января 1781 г.) за то ли, что я отказываю въ его претензіяхъ, прямо противныхъ постановленіямъ Бенедикта XIV? что онъ хочетъ сто, гдѣ таксою положено 10,— что съ 1758 года по число моего прибытія въ Римъ онъ требовалъ себѣ за каждый годъ по 37 скуди? что прежнее дѣло (о Станиславѣ) тянулъ столько лѣтъ, дабы только вводить насъ въ расходы? что за какую нибудь пустую записку считалъ по 6 скуди! что клалъ въ счетъ такіе расходы, которыхъ никогда не дѣлалъ! что всячески мѣшалъ мнѣ подвигать дѣло о Казимірѣ, ибо еще не успѣлъ выжать съ меня столько денегъ, сколько положилъ себѣ! что за труды мои хочетъ получать плату онъ? за два письма о Станиславѣ онъ хочетъ 6 скуди, а чтожъ бы онъ взялъ за столько писемъ, сколько я составилъ о Казимірѣ?» и пр. и пр. Разсчетъ адвоката дѣйствительно былъ такъ грабительски составленъ, что самъ судья кардиналъ призналъ требованія неумѣренными и собственною властію сбавилъ значительное число скуди. Отъ такого разорителя адвоката Спурни, по словамъ его, радъ бы всею душею избавиться, да пожалуй позовутъ его потомъ во свидѣтели и все дѣло бездѣльникъ испортитъ. Въ свою очередь адвокатъ жалобнымъ гласомъ вопіялъ: «Спурни со мной обошелся, какъ съ воромъ и разбойникомъ.... Избавьте меня отъ необходимости имѣть дѣло съ такимъ несноснымъ человѣкомъ».—Какъ бы ни было впрочемъ, а съ 18 января 1777 по 29 іюля 1783 г. Аллегіани получилъ 577 скуди, а все таки прибавляетъ: «кромѣ сказанныхъ, съ 1 января 1780 по декабрь 1783 года было много еще другихъ издержекъ, которыя предъявлены мною къ уплатѣ на особомъ счетѣ».—«Я, пишетъ Спурни, въ глаза говорилъ адвокатамъ, что они берутъ здѣсь и за то, что по комнатѣ пройдутся, или на меня взглянутъ, или кое-куда сходятъ. Вѣдь адвокатъ напримѣръ писалъ въ счетъ: за проходъ одинъ, за проходъ другой—

о 3 или по 5 скуди»? и проч. Вообще двѣ пружины всего ѣла съ начала и до конца: деньги и вторая—тоже деньги.

Слѣдуетъ замѣтить, что процессъ о причтеніи Казиміра къ ику святыхъ служилъ только основой, по которой прихотливое юбялюбіе монаховъ ткало иные роскошнѣйшіе узоры. Теперь-то, огда, повидимому, счастливо шло такое смѣлое предпріятіе, теперь было самое время добиться для ордена великихъ выгодъ, преимуществъ и обезпеченій. Мало теперь — выпрашивать новыхъ ндульгенцій: «мы и то столько ихъ имѣемъ, что скоро нельзя удетъ по корридору ступить безъ особой индульгенціи» (письма на Незабитовскаго изъ Рима 33 іюня 1777). Что за выгода въ апостольскомъ утвержденіи ордена въ настоящемъ его подчиненномъ положеніи: «это значило бы на вѣки собственными руками заковать себя въ позорное рабство францисканцамъ». Шире выше полетъ разыгравшейся мечты: «добьемся во чтобы ни стало кончательной и полной самостоятельности ордена, формально увѣковѣченной буллою святаго отца папы». И вотъ теперь священная задача, къ разрѣшенію которой мнимая святость Казиміра—могущественнѣйшее средство. Не хватитъ мѣста перечислить всѣ выходки раздраженныхъ маріановъ противъ своихъ верховниковъ-францисканцевъ: чего только не взваливаютъ на нихъ, а надъ всѣмъ носится общая мысль, что именно по винѣ францисканцевъ маріанскій орденъ доселѣ не могъ процвѣсти матеріальными богатствами. Францискане, говорятъ, съ намѣреніемъ все такъ устроили, чтобы, не давъ намъ никакого ходу, изъ подданства нашего извлекать себѣ деньги и почетъ. Для этого не устыдились они прибѣгнуть къ подлогамъ, въ первые дни существованія маріанскаго ордена,—не усрамились даже коварно совѣтовать маріанамъ—изъ денежныхъ записей принимать лишь большія суммы, а маленькихъ не брать. Послушаемъ пѣснь угнетеннаго монаха о золотой свободѣ: «когда перестанемъ полагаться на хитрые совѣты этихъ друзей, настанетъ для насъ блаженнѣйшее время. Каждый изъ насъ любезнѣе будетъ давать здравые совѣты, зная, что дѣлаетъ это вольно и смѣло, и что нѣтъ болѣе надъ нимъ обуха. Все будетъ между своими. Исчезнетъ страхъ, что за рѣчи не по шерсти выбросятъ за порогъ. И за уставы не будетъ препирательствъ: всякій охотнѣе будетъ исполнять ихъ, зная, что предписываютъ ихъ не фарисеи, Христомъ осужденные, которые завязываютъ то, чего сами не исполняютъ,—но собственные отцы

и братія, полагающіе правила для самихъ себя не противъ силы, но по Евангелію. Развѣ не польза — сберечь всѣ тѣ расходы, которые теперь не безъ тяжелыхъ чувствъ приходится дѣлать нашимъ конвентамъ для пріѣзда францисканскихъ коммиссаровъ и которые межь тѣмъ принимаются ими съ неблагодарностію, недовольствомъ и ропотомъ на малость, предложенную отъ нашихъ недостатковъ и бѣдности? Не справедливѣе ли — обратить эти деньги на возвышеніе почестей собственнаго своего начальника, который постъ занимаетъ высокій, а долженъ волочиться по свѣту хуже всякаго жида? Чужому, который гораздо насъ богаче, по вѣжливости совѣстимся дать менѣе пятка или десятка,—а своему начальнику хорошо, когда вручимъ двойку, а не то — просимъ извинить! и безъ всего прочь пойдетъ. Непремѣнно прибудетъ и членовъ ордена, когда узнаютъ, что онъ самъ собою правитъ, самъ себѣ воленъ и подлежитъ одному папѣ. Перестанутъ говорить: пойду въ маріане, а подчинюсь реформатамъ (францисканцамъ); скажутъ: останусь, чѣмъ есть, и буду самъ править маріанами. Найдемъ себѣ благосклонность и у прочихъ орденовъ и избѣгнемъ той ненависти, которую теперь, хотя и невинно, испытываемъ, пока состоимъ во власти тѣхъ, коихъ всѣ ненавидятъ за ихъ хитрость и высокомѣріе и зовутъ ихъ іезуитами, болѣе пронырливыми, чѣмъ настоящіе іезуиты, теперь уничтоженные. У свѣтскихъ ксендзовъ и епископовъ будемъ тоже имѣть иной почетъ, когда увидятъ, что слѣдуемъ уставамъ своего основателя и не гонимся за реформой. У пановъ и королей будемъ имѣть ласку, и своихъ недоброжелателей обратимъ въ покровителей; ибо отъ кого большее гоненіе на монаховъ — каптурниковъ, какъ не отъ епископовъ, — а за что, какъ не за высокомѣріе? И фундушей будетъ у насъ болѣе, когда избавимся отъ этихъ злосовѣтниковъ, чрезъ которыхъ потеряно столько фундацій» и т. д. (письмо изъ Рима отъ Яна Незабитовскаго, 14 сент. 1777). Словомъ всѣ бѣды отъ францисканцевъ, и маріане ожесточились противъ нихъ до того, что на нихъ же взвалили самую неудачу свою—сдѣлать святымъ Станислава. Жребій брошенъ; война — ужасная война. Неумѣстно здѣсь прослѣдить подробнѣе извитія борьбы двухъ орденовъ, которая между прочимъ представила бы намъ не мало доказательствъ, что подчиненіе орденскихъ монаховъ непосредственной власти епископовъ не всегда казалось для первыхъ особенно страшнымъ. Маріане, напротивъ, готовы были признать епископ-

скую власть съ удовольствіемъ, лишь бы сбыть съ плечь ненавистную опеку чужаго ордена,—«а потомъ (говорили) мы спихнемъ въ свое время и епископовъ и подчинимъ себя одному папѣ». Любопытно, что признанные Екатериною II іезуиты дѣйствовали совершенно по такому же математически вѣрному разсчету. И вообще, можно, кажется, безошибочно допустить, что Іосифъ Австрійскій и Великая Екатерина одинаково ошибались, думая руками католическихъ епископовъ сдержать орденское самовластіе. Великая ли выгода—обезоружить монаха и сдѣлать вдвойнѣ сильнѣйшимъ епископа, — не вѣрнѣе ли, что въ итогѣ сильнѣе будутъ оба? Не тою или другою частною мѣрою, не временнымъ усиліемъ ума, хотя и великаго, обуздывается могучая историческая сила, которой роковой гнетъ сказывается мірскими притязаніями католицизма....

Для того, чтобы отвоевать независимость, надобно было ее заслужить,—слѣдовало представить ручательства, что орденъ и по внѣшнему своему положенію, и по внутреннему устройству имѣетъ достаточно залоговъ къ совершенно самобытному существованію, съ пользою для р.-католической церкви. Орденъ малочисленный и съ грѣхомъ пополамъ размѣщенный въ немногихъ убогихъ сожитіяхъ, независимости едва ли достоинъ. Необходимо было маріанамъ—являть себя въ славѣ и блескѣ всякому, кто бы осмѣлился усомниться въ ихъ заслугахъ. Правда, орденъ дѣйствительно убогъ—и числомъ членовъ, и фундушами, и приносимою церкви пользою: но — чтожь изъ того? въ Римѣ можно все это скрыть, можно прихвастнуть, можно безъ мѣры возвеличить себя лживыми выдумками: благая цѣль развѣ не оправдываетъ этихъ не совсѣмъ невинныхъ средствъ? Дома же пріобрѣсти довольное число преданныхъ ордену сторонниковъ тоже не трудно, — слѣдуетъ только поладить съ приходскимъ духовенствомъ и добромъ расположить ихъ къ себѣ: еще будетъ послѣ время—силою ворваться въ ихъ паствы. «Прошу и предостерегаю (пишетъ изъ Рима Канд. Спурни 22 ноября 1777), чтобы съ ксендзами быть въ наилучшемъ согласіи, и которые изъ нихъ имѣютъ какой либо вѣсъ у епископовъ, въ тѣхъ заискивать, — съ самими же епископами, сколько можно, быть предупредительнѣе, потому что скоро намъ это понадобится. Пускать о себѣ огласку, въ особенности предъ реформатами и бернардинами, что мы имѣемъ 15 монастырей въ Польшѣ,—говорить, что есть они и въ Курляндіи и Лифляндіи, иные—

въ странахъ воображаемыхъ (in spatiis imaginasiis). Монаховъ въ орденѣ считать слишкомъ 260», и. т. д. Въ другомъ письмѣ, онъ въ числѣ монастырей совѣтуетъ показать и тѣ мѣстности, въ коихъ кто либо когда либо думалъ основать монастырь, (но не основалъ), а также и тѣ, о которыхъ можно имѣть надежду, что со временемъ когда нибудь тамъ оснуются монастыри; монаховъ же совѣтуетъ, если нунцій спроситъ, показать теперь уже круглымъ числомъ 300. Намъ, говоритъ, нужно возвеличивать себя изо всѣхъ силъ, помня, что лишь вслѣдствіе францисканскихъ происковъ мы—въ такомъ жалкомъ положеніи. Они довели насъ до такой подлости, что мы считаемъ теперь свою общину не болѣе, какъ «убогенькимъ общежитьицемъ» (paupercula Congregtio),—своихъ верховниковъ зовемъ не генералами, а просто ксендзами,—своихъ монаховъ титулуемъ не ксендзами, а только братьями. Они намъ и во время стола позволили читать не исторію напримѣръ церковную, не право церковное или гражданское либо другія какія книги, достойныя общаго чтенія,—а только одни хроники своего ордена, дабы мы, глядя на эти огромные фоліанты, разумѣли по нимъ, какова значитъ предъ нами сила и важность францисканцевъ, и за симъ всегда оставались подъ ихъ игомъ и закономъ и ничего бы не измышляли для возвышенія и пріумноженія своего собственнаго ордена... Кто же можетъ предписать намъ — чествовать ихъ, точно божковъ языческихъ»? (изъ письма, непомѣченнаго числомъ).

Но если спросятъ: что же орденъ сдѣлалъ добраго и къ чему онъ способенъ? Приняты мѣры и на этотъ случай. Правда, орденъ ничего особеннаго не дѣлалъ, но—развѣ нельзя приписать себѣ такихъ заслугъ и трудовъ, которыхъ никогда и въ помышленіи не было? «Когда я (пишетъ Янъ Незабитовскій отъ 23 іюня 1777) сказалъ въ Римѣ, что мы, для народнаго назиданія, устраиваемъ миссіи, а также помогаемъ приходскому духовенству въ совершеніи таинствъ,—то услышалъ за это похвалу намъ. Ибо въ Римѣ здѣсь хотя ксендзовъ больше, чѣмъ жидовъ въ Польшѣ, но когда кто нибудь изъ нихъ съ крестомъ въ рукахъ станетъ посереди улицы и начнетъ говорить проповѣдь мальчишкамъ и черни, то заслужитъ этимъ ото всѣхъ болѣе почета, нежели тотъ, кто вѣчно стоитъ за псалтыремъ». Если же въ Римѣ такъ высоко цѣнится общественная дѣятельность духовенства, то и маріанамъ слѣдуетъ всякими правдами и неправдами выдавать себя за

ревностнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей. По мнѣнію кс. Спурни, для этого должно нѣкоторыхъ польскихъ сановниковъ духовныхъ и свѣтскихъ, склонить подписать слѣдующую рекомендацію, (которую Спурни самъ напередъ заготовилъ и теперь высылаетъ): «отцы маріане, именуя себя помощниками приходскихъ ксендзовъ, дѣйствительно по дѣламъ присвоиваютъ себѣ это имя, пот. что они изо дня въ день, изъ года въ годъ, всячески радѣютъ о такомъ благочестивомъ дѣлѣ, — и всѣмъ извѣстно, сколько ихъ разсѣяно по приходамъ для вспомоществованія мѣстному духовенству», и т. д. «Всѣхъ важнѣе будутъ для насъ и всего легче намъ достать свидѣтельства оо. приходскихъ благочинныхъ (декановъ), о томъ именно, съ какимъ усердіемъ трудимся мы по ввѣреннымъ имъ приходамъ; слѣдуетъ лишь дать имъ форму, о чемъ писать и въ чемъ рекомендовать насъ, а форма эта коротка:—служимъ—молъ по приходамъ и неутомимо проповѣдуемъ. А если бы они спросили: для чего это намъ, отвѣчать имъ на отрѣзъ: «хотимъ - де заняться отправленіемъ публичныхъ миссій, но не можемъ получить на это разрѣшеніе апостольской столицы, пока не представимъ свидѣтельствъ, что способны къ этому и не безъ пользы трудимся въ вертоградѣ Христовомъ». «Можно прибавляетъ, напередъ самимъ заготовить эти свидѣтельства,—они же пусть только подпишутъ, чего добиться легко» (письмо Спурни изъ Рима отъ 12 авг. 1780 г.) Происки маріановъ въ этомъ случаѣ были совершенно успѣшны и всѣ нужныя рекомендаціи получены; такъ, что въ самомъ Римѣ на это обратилъ вниманіе секретарь конгрегаціи обрядовъ и, въ недоумѣніи, замѣтилъ: «у васъ дѣла очень много; нужно, говоритъ, держаться чего нибудь одного; иначе, говоритъ, всего сдѣлать вы не успѣете».

Далѣе. Конечно, такими выдумками орденъ могъ отводить глаза римскаго синклита, но только до времени; столь непрочная слава не пережила бы конечно открытія тѣхъ воображаемыхъ странъ, которыми хвалиться совѣтуетъ о. Спурни. Необходимо было принять и какія либо дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы орденъ по возможности увеличился новыми членами, хотя бы даже иностранцами. А для этого—нѣтъ нужды требовать отъ поступающихъ строгаго исполненія монашескихъ правилъ и подчинять монаховъ всей суровости неограниченнаго послушанія и безусловнаго самоотверженія. Спурни былъ весьма огорченъ, узнавъ о выходѣ изъ своего ордена, и безъ того малочисленнаго, одного

итальянца. «Онъ могъ бы (пишетъ Спурни 15 іюля 1778 г.) вслѣдъ за собою привлечь и многихъ другихъ и съ пользою послужить дальнѣйшему нашему преуспѣянію. Не приписывали мы особливому Божію строенію его пришествіе къ намъ, зная очень хорошо, что безъ иноземцевъ ни одинъ орденъ, и нашъ въ томъ числѣ, не можетъ имѣть надлежащей представительной силы для своего процвѣтанія, расширенія и размноженія. Спросимъ сами себя: какимъ, напримѣръ, способомъ положили себѣ доступъ въ Польшу иные ордена—доминиканскій, бернардинскій, реформатскій, піарскій, театинскій и др.? Не тѣмъ ли единственно, что для этой цѣли привлекали сперва къ себѣ на родину самихъ поляковъ? Если же не будемъ или не захотимъ терпѣть у себя чужеземцевъ (которыхъ, напротивъ, слѣдовало бы заманивать, какъ пчелъ къ меду, и всячески ласкать ихъ во время перваго искуса), то нужно же по крайности стараться пріохотить къ дѣламъ ордена—дѣльныхъ польскихъ туземцевъ. Иначе, какъ можетъ существовать орденъ безъ членовъ? Во всей-то нашей конгрегаціи за всѣ 107 лѣтъ едва ли насчитаемъ болѣе 100 человѣкъ, (сравни съ прежнимъ), а перестаемъ ужь заботиться о новомъ приращеніи. Притомъ, какъ вижу, въ нашъ орденъ вкралась какая-то грубая жестокость и строгость; нѣкоторые такъ ими заражены, что, по ихъ убѣжденію, младшихъ монаховъ непремѣнно слѣдуетъ бранить, карать, всячески позорить и досаждать,—и называютъ это монашескимъ послушаніемъ, которое въ существѣ дѣла есть не что иное, какъ подлость или деспотизмъ и необузданность грубаго права. Въ свою очередь и младшіе, привыкнувъ къ этому, такъ же станутъ поступать съ другими, когда сами сдѣлаются старшими»..... «Мнѣ истинно противно (пишетъ въ другомъ письмѣ отъ 1 янв. 1781 г.) это тиранство начальниками подчиненныхъ,—эти причуды, которыми они губятъ своихъ подчиненныхъ и сживаютъ ихъ безъ вины со свѣта, доводя до сумасшествія и отчаянія, наказаніями, несоразмѣрными провинностямъ. Развѣ на тираніи, на жестокости можетъ быть основанъ нашъ или какой бы то ни было орденъ? Вѣдь чрезъ жестокость пали могущественнѣйшія монархіи, однѣ—отъ невѣрности и разрядицы внутренней, другія отъ необузданности; какъ же наше крошечное сообщество можетъ долго вѣковать подъ деспотизмомъ? Истинно, повторю вслѣдъ за св. отцемъ нашимъ Казиміромъ, все зло бываетъ отъ начальниковъ, которые не искусствомъ въ управленіи, не ласкою къ подчинен-

ныхъ, не наукою, не трудами, не расположеніемъ къ ордену, а просто однимъ самоуправствомъ слѣпо усиливаются вынудить себѣ у братіи какой-то дикій авторитетъ и безсмысленный почетъ; а чрезъ это возбуждаютъ въ подчиненныхъ ненависть къ себѣ и къ ордену и всеобщую порчу монашествующихъ». Этимъ увѣщаніямъ, проникнутымъ ненавистью къ беззаконному самоуправству человѣка надъ человѣкомъ, можно было бы только сочувствовать, если бы онѣ внушены были духомъ любви христіанской. Видимъ, напротивъ, что исключительно одинъ себя - любивый орденскій разсчетъ предписываетъ приманивать нужныхъ людей, какъ пчелъ къ меду. Съ изумленіемъ видимъ, что самъ Спурни, краснорѣчивый противникъ деспотизма, былъ самъ—изъ первыхъ деспотовъ, человѣкъ пламеннаго честолюбія, безобразнѣйшей корыстности, не щадившій ни чести начальниковъ, ни совѣсти подчиненныхъ, и въ обуяніи слѣпой страсти, нерѣдко овладѣвавшій коварно и тѣми жалкими грошами, которые перепадали его подручнымъ. Своего ближайшаго помощника, Яна Незабитовскаго (выше цитованнаго), живаго, умнаго, ученаго доктора правъ, этотъ врачь деспотизма превратилъ въ живую мумію, довелъ до совершеннаго духовнаго отупѣнія и тѣлеснаго изнеможенія и, разъ навсегда приставивъ его къ своимъ горшкамъ и сковородамъ, такъ и загубилъ человѣка. Прочихъ своихъ монаховъ онъ голодомъ и оскорбленіями довелъ до того, что одинъ умеръ,—а другіе рады были кое - какъ вырваться изъ его когтей на родину. Этотъ ли свирѣпецъ будетъ изрекать сладкіе глаголы любви.

Съ цѣлію пресѣчь возможность выхода изъ ордена вновь поступающимъ, Спурни рекомендуетъ — брать съ каждаго изъ нихъ росписку, что онъ долженъ ордену извѣстную сумму,—и при первой же попыткѣ выйти—требовать немилосердо уплаты этихъ денегъ. Тѣхъ же, съ которыхъ доселѣ не была взята подобная росписка, выпускать не прежде, пока сполна не уплатятъ за ученіе и прокормъ, во всѣ годы пребыванія въ орденѣ. Совѣты Спурни были усвоены и не остались безъ послѣдствій. Видимъ, что польскій орденъ все болѣе наполняется не только туземцами, но и нѣмцами, итальянцами, чехами,—кажется—даже и южными словянами. Въ орденскихъ школахъ мальчики получаютъ надежное приготовленіе для поступленія въ монахи. Встрѣчаемъ въ орденѣ людей всякихъ спеціальностей — архитекторовъ, живописцевъ, ученыхъ. Орденская молодежь совершенствуется въ наукахъ

въ вѣнскомъ университетѣ, съ римскихъ коллегіяхъ. Сношенія расширяются. Видимъ маріанъ въ Португаліи, Прагѣ, Неаполѣ; завязаны ими связи съ Дубровникомъ. Орденъ идетъ въ силу, настойчиво добиваясь независимости. Нѣтъ нужды, что эта разноплеменная толпа причинитъ потомъ не мало хлопотъ и трудовъ. Находимъ множество писемъ, переполненныхъ кляузами этихъ подвижниковъ. Въ особенности пронырливые итальянцы внушаютъ серьезныя опасенія орденскимъ властямъ безпорядочнымъ, совсѣмъ не монашескимъ поведеніемъ, вздорностью и коварствомъ. Кто ославилъ въ Римѣ польскихъ монаховъ пьяницами и забіяками? Кто стремится подставить ногу своему старшему? Кто терпѣть не можетъ поляковъ и особенно поляковъ-начальниковъ и готовъ имъ ежеминутно всадить ножъ въ бокъ? Все они — итальянцы. Но это не бѣда; итальянцевъ можно сбыть съ рукъ, лишь бы орденъ все болѣе распространялъ свое вліяніе, — пускалъ глубже корни въ разные слои общества, — дѣйствовалъ одновременно во многихъ кругахъ. Это — главное; распри же были всегда во всѣхъ орденахъ и наиболѣе въ тѣхъ, которые поражаютъ извнѣ желѣзнымъ складомъ своего устройства; безъ раздоровъ ни одно общество себялюбцевъ существовать не можетъ.—

Внѣшняя представительность ордена не будетъ еще достаточно явною, пока онъ въ самомъ Римѣ, у папскаго сердца, не совьетъ себѣ гнѣзда, не посадитъ въ него своихъ вѣрныхъ птенцовъ. Добиться независимости можно только долговременными хлопотами и усиліями, столько же настойчивыми, какъ и непрерывными. Надобно, чтобы въ Римѣ ежеминутно присутствовалъ представитель ордена, генеральный прокураторъ, который будетъ неусыпно бодрствовать за всю братію и немедленно отвращать всякій грозящій ордену ущербъ. Кандидомъ Спурни начинается непрерывный рядъ орденскихъ прокураторовъ въ Римѣ, которые, отдать имъ честь, стучали во всѣ двери и брали, что могли получить. Но кто же станетъ интересоваться обществомъ какихъ-то заграничныхъ монаховъ, никѣмъ невидимыхъ, которымъ въ Римѣ и пріютиться некуда? Понадобился пріютъ—нашелся и пріютъ, именно церковь Св. Вита. Спурни употребилъ множество изворотовъ, чтобы одинъ престарѣлый прелатъ (номинальний патріархъ антіохійскій) далъ денегъ на покупку для маріанъ этой церкви. Достоинъ вниманія въ высшей степени выступающій при этомъ фактъ. Монсиньоръ Конуччи покупаетъ маріанамъ церковь и за это выговариваетъ

ебѣ у маріанъ по двѣ заупокойныя литургіи ежедневно, когда мретъ. Но маріане, вынужденные по смерть платить ему проценты на данный капиталъ, находятъ условіе тяжелымъ, и монсиньоръ на нѣкоторое время довольствуется только одной литургіей. Въ свою очередь маріане, которые разсчитали, что старикъ умретъ ще не скоро, стараются именемъ религіи убѣдить его—поручить ебя еще при жизни маріанскимъ молитвамъ; они при этомъ надѣются, что старикъ сдѣлаетъ за это какую либо денежную надбавку. Іли еще: Спурни покупаетъ для новоустроеннаго римскаго монастыря иблiотеку не за деньги, но за извѣстное число литургій; но такъ акъ ему самому не до чужихъ литургій, то проситъ—отслужить хъ полнымъ числомъ въ Польшѣ. Умѣстно замѣтить, что именю такія воззрѣнія на существеннѣйшія обязанности христіанина священника собственно и помогали всѣмъ католическимъ орденамъ въ короткое время усиливаться нравственно и вещественно. Откуда бы маріанамъ взять нужныя 8 или 10 тысячь скуди, сли бы эти бѣдняки не имѣли изобильнаго источника политургійной платы? Теперь—мечтаетъ Спурни—только присылайте сюда въ Польши поболѣе монаховъ, хотя бы даже 12 человѣкъ; теперь асъ всѣ увидятъ и узнаютъ. Не бѣда, что въ новомъ конвентѣ, кромѣ голыхъ стѣнъ, нѣтъ ничего, ни скамьи, ни горшка, текутъ крыши, обваливаются потолки. Въ свое время все будетъ исправлено. Образъ Бернарда, чужаго патрона, изъ церкви лучше убрать; вмѣсто него поставимъ прекраснѣйшій образъ Богоматери, кстати же Смуглевичъ теперь въ Римѣ задолжался, терпитъ нужду, и за какіе нибудь 8 скуди продастъ свое вдохновеніе. Разныя церковныя принадлежности тоже соберемъ какъ нибудь: Чаша одна уже есть, силою отнятая у прежнихъ владѣльцевъ церкви; «изъ Польши привезите (пишетъ Спурни) церковныхъ облаченій, — а также выстарайтесь старыхъ распоротыхъ плытъ (?) для бѣлой и траурной капъ?» (1 янв. 1781 г.) Если монаховъ не на что отправить, придутъ и пѣшкомъ; въ дорогѣ же пусть питаются, чѣмъ Богъ пошлетъ. Главное—въ Римѣ имѣется свой пріютъ. Положимъ, это было скорѣе — жалкое пристанище нищихъ, которымъ нечего было иногда ѣсть. Пусть—стоило немалыхъ трудовъ—уничтожить происки адвоката, который, мстя за удержанные у него гроши, старался испортить маріанамъ все дѣло покупки. Подчинимся и необходимости увѣриться точными фактами, что самъ покупщикъ Спурни радѣлъ наиболѣе о себѣ и

положилъ въ свой безсребренный мѣшокъ весьма значительный капиталъ. Все это справедливо; но съ тѣмъ вмѣстѣ орденъ уютно усѣлся въ Римѣ—у подножія святаго трона; а не говорилъ ли покойный Вышинскій: «намъ-бы только ногу сюда вставить, а тамъ ужь все получимъ?» Настойчивость этихъ людей въ преслѣдованіи главной цѣли изумительна и поучительна: соединенная сила ничтожной горсти одолѣваетъ препятствія, по виду необоримыя. Мало, что бѣдные монахи съ пустыми руками пріобрѣли себѣ въ Римѣ собственное обширное помѣщеніе;—въ короткое время, при содѣйствіи богатой польки, они еще исходатайствовали себѣ у священной куріи—постояннаго благосклоннаго покровителя—вліятельнаго кардинала, герцога Горскаго. Здѣсь помогла ордену и его польская національность, потому что кардиналъ считалъ себя внукомъ Яна Казиміра. «Что могло мнѣ быть (пишетъ онъ въ Польшу, къ генералу ордена, 1785 г.) любезнѣе покровительства и благосклонности къ тому учрежденію, котораго установителемъ и распространителемъ былъ дѣдъ мой, священнѣйшій и благочестивѣйшій король польскій Янъ III? Господь Всевышній, по милосердію своему, да ниспошлетъ мнѣ разумъ и силы исполнять свое дѣло къ пользѣ твоей и вашей общей и для славы и возращенія католической вѣры». За кардиналомъ открылись ордену двери и къ самому папѣ....

Вожделѣнная вещь—независимость; обстоятельства ей благопріятствуютъ. Но почти выше всякаго сомнѣнія, Римъ не дастъ ея, если прежнюю зависимость маріанъ отъ францисканцевъ признаетъ законною. А какъ же этого не признать, когда всѣ постановленія ордена, всѣ его оффиціальные документы и протоколы пересыпаны свидѣтельствами зависимости полной и непосредственной? Положимъ, легко доказать, что при самомъ первомъ зарожденіи маріанскаго ордена францисканцы допустили въ свою пользу маленькій подлогъ. Положимъ, что одинъ изъ первыхъ начальниковъ ордена увлекся постыдною уступчивостью, безъ всякаго на то согласія прочихъ членовъ. Положимъ наконецъ, что съ нѣкоторыми натяжками можно доказать, яко бы отношенія между орденами устроились на правѣ не подчиненности, но добровольнаго до времени соединенія. Тѣмъ не менѣе — точно также несомнѣнно, что фактическое преобладаніе одного ордена надъ другимъ непреложно свидѣтельствуется всѣми формальными актами и что на этомъ основаніи стремленіе маріановъ къ независимой отдѣльности

ожетъ быть просто сочтено за непозволительное возстаніе небольшой эрсти упрямыхъ монаховъ противъ своей законной власти. Остаітся одно: — изгладить всѣ слѣды францисканскаго преобладанія ли, попросту, передѣлать опасные документы. «Въ теченіи этого естилѣтія (пишетъ Спурни) намъ надобно очистить свои уставы, ь самомъ корнѣ ихъ, отъ насѣяннаго въ нихъ куколя, и велѣть отомъ перепечатать; потому что, если францисканцы осмѣлились хъ исказить, то тѣмъ паче же мы вправѣ, общимъ согласіемъ, ь соизволенія ордена, ихъ очистить» (письмо 1778 г.) Такъ ѣйствительно и было сдѣлано: пагубный куколь весь былъ исторгутъ изъ орденскихъ уставовъ, которые въ новомъ, искаженномъ, . е. очищенномъ, видѣ были перепечатаны и, по первому требоанію римской куріи, оффиціально предъявлены ей, какъ подлинныя правила ордена, издавна ему свойственныя.

Орденъ безспорно полезенъ; правила его прекрасны; слава) немъ всюду проникла; членовъ—монаховъ—сила; отчего же гзъ него не вышло мужей, прославленныхъ святостію, истинныхъ лугъ Божіихъ, на коихъ можно было бы явлено благословеніе Божіе сонму избранныхъ? Францисканцы напротивъ всегда могутъ съ гордостію указать на своихъ святыхъ, коихъ цѣлый рядъ, начиная съ Франциска, въ виду всей церкви достаточно являетъ, которому изъ двухъ орденовъ слѣдуетъ отдать преимущество во взаимной ихъ тяжбѣ. Опасность немалая, впрочемъ не непредвидѣнная. Маріане съ неподдѣльнымъ убѣжденіемъ утверждаютъ, что вѣдь у самихъ францисканцевъ, со времени такъ называемой «реформы» ихъ устава, святыхъ не явилось никого; а прежнихъ считать не слѣдуетъ. И развѣ (продолжаютъ) Станиславъ не былъ бы святымъ, когда бы эти исконные наши враги не помѣшали тому своими зловредными совѣтами? Впрочемъ, кто знаетъ, не возсядетъ ли снова на тронъ эта развѣнчанная тѣнь? Не напрасно Спурни осмѣлился намекнуть одному римскому кардиналу, что—«не смотря на воздвигнутыя препятствія, Господь не умедлитъ прославить своего святаго чудесами, и тогда онъ возведенъ будетъ въ ликъ блаженныхъ простымъ голосомъ польскаго народа» (письмо 11 марта, 1777). Но, если и не прославится усопшій грѣшникъ,—то—легко изыскать новыя святости или предъуготовить таковыя заблаговременно, а ближайшіе преемники поймутъ завѣщанный имъ намекъ. Въ такомъ именно смыслѣ изложены соображенія о. Спурни (въ отчетѣ отъ 16 дек. 1777 года): «Въ

Римѣ я съ спокойною совѣстію внесъ въ списокъ честныхъ (Venerabilium) пять человѣкъ: Бернарда Островскаго, Каетана Ветицкаго, (съ которымъ корреспондировалъ Вышинскій), Кантія Скрафера, Матвѣя Сѣдлечка и Эммануила Сорочика — мужей, украшенныхъ всякими добродѣтелями: о первыхъ я слышалъ доброе отъ другихъ, прочихъ самъ зналъ лично. Не дивитесь, достопочтеннѣйшіе отцы. Вѣдь если реформаты — своего Стрѣлецкаго, (который сперва бѣжалъ въ Римъ къ бернардинамъ и, ничего тамъ не добившись, послѣ уже принялъ реформу, свирѣпствовавшую въ то время въ Италіи), причислили въ лику честныхъ единственно за то, что онъ первый ввелъ ихъ уставъ въ Польшѣ,— то почему же намъ—не воздать должной хвалы благочестію вышеупомянутыхъ своихъ собратій и не воспользоваться проистекающимъ изъ того для ордена почетомъ? Здѣсь по монастырскимъ коррядорамъ мнѣ случалось видѣть много развѣшанныхъ по стѣнамъ граверныхъ изображеній разныхъ «честныхъ отцевъ, и когда я любопытствовалъ узнать, отчего не производятъ ихъ въ блаженные, то мнѣ весьма гладко отвѣчали; что не имѣютъ такихъ благодѣтелей, которые пожертвовали бы нужныя на то деньги. Очень хорошо; пригодится потомъ и намъ эта отговорка». — Наконецъ, въ довершеніе всего дѣло о Казимірѣ начато, идетъ прекрасно,— и не пройдетъ, быть можетъ, десяти лѣтъ, какъ явится изъ маріанъ истинный святой. Тогда окончательно въ ничто распадутся всѣ мнимыя преимущества францисканцевъ, — а завоеванная орденомъ независимость послужитъ достойнымъ на землѣ отраженіемъ священнаго сіянія новаго маріанскаго небожителя.

Съ такимъ-то искусствомъ, съ такою неуклонною послѣдовательностью идетъ орденъ къ своей цѣли. Все у него было— удачно распущенная молва, разукрашенныя похвалами заслуги, стекавшіеся отовсюду монахи, теплое гнѣздо въ Римѣ и сильный покровитель, очищенные смѣлою рукою уставы, наконецъ, честные и блаженные угодники; не доставало только одного, самаго главнаго и необходимаго—*денегъ*. Безъ денегъ можно было шататься по всему Риму, обить всѣ пороги, умаслить всѣхъ секретарей ласковыми словами, видѣть даже милостивое лицо самаго папы,— но нельзя было — добиться законной и вѣковѣчной самостоятельности. Вопли, можно сказать, раздаются изъ Рима отъ маріанскихъ прокураторовъ:—денегъ, денегъ шлите; безъ денегъ здѣсь нельзя шагу сдѣлать. Какъ тяжелый кошмаръ, гнететъ всѣ ихъ

[д]ѣйствія и ходатайства увѣренность, что тѣло безъ души мертво, [а] душа—деньги. Всѣмъ дай; кардиналамъ, адвокатамъ, секрета[ря]мъ, канцеляристамъ—вездѣ и за все нужно платить. Не только [имъ] самимъ, но и лакеямъ ихъ. Попробуй только не дать лаке[ямъ], вѣрь, что ни къ одному кардиналу, ни къ одному вліятель[но]му лицу тебя не пропустятъ,—скажутъ: «занятъ», или что иное. [П]олучишь изъ конгрегаціи какой либо декретъ, сейчасъ весь ла[ке]йскій корпусъ идетъ тебя поздравлять. Изъ кардиналовъ иной [са]мъ не беретъ,—за то спрашиваетъ чрезъ лакеевъ, да слѣдитъ [та]кже и за тѣмъ, даешь ли ты самому лакею. А есть у тебя [в]о канцеляріямъ дѣла, такъ онѣ ужь сами напоминаютъ о себѣ—[два]жды въ годъ—въ августѣ и предъ Рождествомъ; откажи, такъ [ни]чего тебѣ никогда и не сдѣлаютъ. Заѣдетъ къ тебѣ карди[на]лъ или низшій чинъ въ гости,—постарайся непремѣнно угостить, [к]акъ можешь лучше; предложи вина и шоколаду, какъ бы ни [бы]ло это расходно. И такъ безъ конца. Мы и то привели почти [со]бственныя выраженія писемъ; но можно было бы наполнить еще [ц]ѣлыя страницы дословными выписками о безчисленныхъ поборахъ, [к]оторые подъ разными предлогами вымогались отъ несчастныхъ [м]аріановъ; прокураторы сообщили даже таксы, меньше чего нельзя [д]ать: папскіе лакеи стоятъ здѣсь на первомъ мѣстѣ. Нерѣдко [б]езутѣшныя жалобы на поборы переходятъ въ горькій юморъ: [«]здѣсь служи всѣмъ не только шапкой, но и карманомъ», «не дашь, [т]акъ и запишутъ тебя на особый реестрикъ»,—«плати за печать, [п]лати и за подпись кардинала»;—«пріѣзжала сюда разная знать, [и] годика два поживши, должны были выбираться пѣхтурой от[сю]да»—подобными выходками старается смягчить свое горе проку[р]аторъ Голковскій. Главная ошибка маріановъ именно и состо[я]ла въ томъ, что они кичились славой, а забыли, что безъ денегъ [в]ъ Римѣ всякая слава—дымъ.

Такъ же точно случилось и съ ихъ вожделѣнною независи[м]остью. Самъ папа передалъ это дѣло на разсмотрѣніе конгре[га]ціи, въ которой произведены были формальныя пренія объ орде[н]ѣ, постановлено благопріятное рѣшеніе,—но—для полученія окон[ча]тельной папской буллы, всего этого было мало, — требовалось еще приложить 300 скуди. Откуда было бѣднякамъ взять ихъ? Прокураторъ Голковскій наивно объясняетъ, что и самъ папа долженъ былъ бы заплатить, если бы, вопреки обычаю, сталъ не

посредственнымъ вмѣшательствомъ торопить къ концу это дѣло. (Письмо отъ 10 февр. 1786 г.)

Къ сожалѣнію, нашъ источникъ прерывается на 1786 г. Чѣмъ кончили монахи — неизвѣстно. Вѣрно одно, что если не достали они требуемыхъ денегъ, то и не добились формальной буллы объ окончательномъ утвержденіи ихъ въ качествѣ самостоятельнаго ордена. Не имѣемъ также послѣднихъ извѣстій о Казимірѣ: былъ ли онъ, наконецъ, причтенъ къ блаженнымъ. По крайности, въ послѣднихъ письмахъ уже проглядываетъ отчаяніе — дождаться конца дѣла. Любопытно сличить мнѣнія объ этомъ въ два разные момента времени. Кандидъ Спурни отъ 20 мая 1778 г. писалъ: «внушить нашимъ монахамъ, какую чудесную и полезную во всякихъ бѣдствіяхъ, болѣзняхъ и неудачахъ помощь можетъ оказывать рабъ Божій Казиміръ; нарочно стараться заводить разговоры съ разными лицами, дабы наговорить имъ при случаѣ о его подвижническихъ добродѣтеляхъ и святости; пусть всякій постарается послужить ему, а тѣмъ паче нашъ монахъ; пусть будутъ не фискалами, а радѣтелями своей собственной славы. Если же найдутся особы какого нибудь званія, которыя когда либо, что нибудь слышали о немъ,—такихъ теперь слѣдуетъ всего болѣе настроивать, особенно же, когда можно думать, что современемъ ихъ позовутъ во свидѣтели. Но преимущественно было бы для дѣла полезно— распространять гравированные образки раба Божія», и т. д. Въ этихъ словахъ еще много энергіи и надежды. Но—другія слова, иныя чувства чрезъ 7 лѣтъ, когда прокураторъ Голковскій пишетъ (6 авг. 1785 года): «Я послалъ вамъ постановленія Бенедикта XIV о платѣ, положенной за беатификацію и канонизацію. Какъ много это стоитъ! Развѣ же можемъ мы когда нибудь имѣть такую большую и страшную громаду денегъ? Можемъ ли собрать ихъ? И вправѣ ли мы ради этихъ денегъ такъ страшно прижимать свой народъ? Невѣроятно, чтобы мы когда нибудь имѣли такую сумму, а кажется, скоро и совсѣмъ прійдется обнищать, потому что и безъ того мы бѣднѣе всѣхъ прочихъ орденовъ. По этому мой совѣтъ таковъ: покончивши процессъ, начатый въ Польшѣ, отослать его въ Римъ, и затѣмъ—конецъ, ибо не изъ чего. Пусть вѣдается Португалія: тамъ—его тѣло, тамъ—и казна,— у насъ же ничего нѣтъ, а когда приведутъ къ концу, тогда и намъ не могутъ запретить молиться ему.... Въ Римѣ здѣсь при-

дирчивы,—но, разумѣется, подсыпать имъ денежками, такъ въ мигъ же устранятся всѣ препятствія.... И, право, довольно ужь на моей памяти передавали мы денегъ въ милѣйшій Римъ, а что изъ того? Сдѣлались только бѣднѣйшими изъ людей, и безъ всякой надежды когда нибудь поправиться, пока Римъ будетъ такъ пожирать деньги. Здѣсь въ Римѣ никто никогда намъ ничего не далъ и не дастъ, потому что они любятъ только сами брать деньги съ чужеземцевъ за самые священнѣйшіе предметы, словно купцы на ярмаркѣ»....

Грустнымъ тономъ послѣдней фразы заключимъ свою замѣтку. Мы прослѣдили по самымъ выдающимся признакамъ одинъ изъ глубокихъ нравственныхъ недуговъ латинства. Достойны искренняго сожалѣнія эти слѣпцы, которые подлогами, подкупами, лжесвидѣтельствами, вымыслами мнятся службу приносить Богу. Но стократъ достойнѣе негодованія презрѣнный Римъ: желѣзнымъ кольцомъ онъ сдавилъ милліоны довѣрчивыхъ сердецъ, и нравственнымъ растлѣніемъ своимъ погубилъ послѣднюю искру чистой совѣсти во многихъ служителяхъ своихъ. Въ маріанахъ Римъ имѣлъ достойныхъ себя сотрудниковъ; но и самъ былъ достойнымъ ихъ главою. И глава и члены засвидѣтельствовали о себѣ свидѣтельствомъ непреложнымъ.

Н. С.

III.

РИМСКІЙ СОБОРЪ.

Въ концѣ 1869 года римскій первосвященникъ думаетъ созвать въ Римѣ такъ называемый имъ «икуменическій» (ηκουμενικοσ, отъ οικγμε·ος, — вселенная) или что тоже—вселенскій соборъ. Попытка эта совершенно неумѣстна и безполезна для христіанства и человѣчества; постараемся доказать эти положенія.

Самое слово—«икуменическій» показываетъ, что на богатѣйшемъ латинскомъ языкѣ нѣтъ даже приличнаго эпитета для выраженія идеи вселенскаго собора, что это слово заимствовано изъ того языка, на которомъ догматизировались теологическіе термины христіанства въ то время, когда церковь христіанскаа была единою, апостольскою, православною, истинно *вселенскою,*—въ томъ мѣстѣ, которое было средоточіемъ всего христіанскаго міра, которое просвѣщено ученіемъ, напоено кровью и потомъ Голгофскаго Страдальца, въ которомъ сбережены неприкосновенно всѣ преданія, догматизировались всѣ истины христіанства, и въ которомъ только и возможны соборы вселенскіе. Что же касается собора, который имѣетъ быть созванъ папой въ Римѣ, онъ можетъ быть названъ какъ угодно: соборомъ римскимъ, римско-католическимъ, папскимъ, наконецъ, латинскимъ какъ нѣкоторые и называють его; но отнюдъ не вселенскимъ, обще-христіанскимъ; онъ составится только изъ представителей одного изъ трехъ главныхъ христіанскихъ вѣроученій, въ немъ не будетъ того именно качества, которое составляетъ суть вселенскаго собора, не будетъ представителей *всей* церкви христіанской. Правда,

папа хочетъ пригласить на *свой* соборъ и представителей другихъ церквей; но это приглашеніе будетъ обусловлено такимъ требованіемъ, что охотниковъ воспользоваться папскимъ снисхожденіемъ не найдется: папа допуститъ къ участію въ своемъ соборѣ только тѣхъ инославныхъ, которые предварительно войдутъ въ единеніе съ римскою церковью, подчинятся, то есть, римскому первосвященнику, признаютъ его мірскую власть, его главенство надъ *всею* церковію христіанскою. Не думаемъ, чтобы во всей вселенной нашелся хоть одинъ новый Исидоръ, чтобы унія перестала быть анахронизмомъ. Могутъ, пожалуй, паписты усвоить своему собору названіе вселенскаго потому, что въ немъ будутъ принимать участіе представители р. католической доктрины со всею земнаго шара; но этотъ изворотъ, эта придирка къ слову не стоитъ опроверженія; на такомъ основаніи можетъ приглашать на «вселенскій» соборъ всякій ересіархъ, всякая секта, члены которой разсѣяны по всей вселенной. Что это за вселенскій христіанскій соборъ, постановленія котораго будутъ отрицаемы половиною христіанскаго міра, будутъ обязательны (и то можетъ быть, не для всѣхъ) для одной только части христіанъ, а не для христіанъ всей вселенной? Такой соборъ можетъ быть—снова скажемъ—названъ какъ угодно, но только не вселенскимъ.

Папскій соборъ не будетъ заключать въ себѣ характера собора вселенскаго и по своей задачѣ и дѣятельности, по тѣмъ положеніямъ, обсужденіе которыхъ составитъ предметъ его занятій. Вселенскій соборъ предполагаетъ полное согласіе выработанныхъ имъ мнѣній и постановленій, устраненіе разномыслія въ дѣлахъ вѣры, надежды и любви во всемъ христіанскомъ мірѣ. Такого именно единомыслія и единодушія менѣе всего можно ожидать отъ римскихъ католиковъ вообще и собора ихъ вчастности. Та нетерпимость, завистливость, злоба и непримиримость, съ которыми относилось въ теченіи десяти вѣковъ папство ко всякому инославію, позволяютъ намъ категорически утверждать, что римскій соборъ поведетъ не къ единенію христіанъ, а къ окончательному расторженію и тѣхъ слабыхъ нитей, какія связывали римское католичество съ со-

альнымъ христіанскимъ міромъ. Въ программу занятій имскаго собора скорѣе войдутъ только такіе дебаты, коорые будутъ способствовать къ оттолкновенію отъ папства стальныхъ христіанъ, чѣмъ къ единенію съ нимъ; римкій соборъ будетъ дѣйствовать въ личныхъ только интеесахъ р. католиковъ, діаметрально противоложныхъ инересамъ другихъ христіанъ: онъ можетъ сочинить одинѣ ругой,—противный духу выработаннаго *истинно* вселенкими соборами ученія догматъ, можетъ, наприм., догмаизировать окончательно непогрѣшимость римскихъ епиконовъ, политическое и религіозное преобладанія папъ адъ всѣми царями и царствами христіанскими, можетъ анонизовать или хоть беатизировать (произвести въ *блаженные*) двухъ и трехъ, миссіонеровъ и пропаганистовъ папства, можетъ предать анаѳемѣ какія либо прогрессивныя установленія, направленныя къ обузданію притязаній папскихъ, или къ подрыву авторитета римскаго рхіепископа и матеріальныхъ выгодъ ближайшихъ его сорудниковъ. Всѣ эти и подобныя симъ цѣли и дѣйствія имскаго собора не встрѣтятъ полнаго сочувствія со стооны даже папистовъ (италіанскихъ, австрійскихъ и даже тчасти французскихъ) и встрѣтятъ полное отрицаніе и суждение со стороны православныхъ и лютеранъ. Чтожъ то за *вселенскій* соборъ, который будетъ искать только своихъ си,» а не блага и единомыслія всего христіанкаго міра, который озаботится интересами папства, а е христіанства?...

Правда, въ послѣднее время, антихристіанское направленіе слишкомъ гордо подняло свою голову,—ересіархи Франціи и Германіи слишкомъ торжественно и ненаказаню начали глумиться надъ ученіемъ Христовымъ; правда, сть новѣйшія ереси на столько же опаснѣе древнихъ, наколько настоящее чиновничество прогрессивнѣе давно прошедшаго, что новѣйшая ересь является во всеоружіи псевонаучномъ, что она совмѣстила въ себѣ ученіе всѣхъ первовѣковыхъ ересіарховъ, посягнула на отрицаніе божественности и Христа и ученія его, но мы не думаемъ, чтоы римскій соборъ нашелъ вѣрное средство остановить тотъ потокъ нечестія и невѣрія, что его анаѳема не

проникнетъ даже сводовъ храма Петра и Павла, что въ этой самой анаѳемѣ ересь найдетъ только больше пищи и ожесточенія. Ученіе Ренановъ и К°. направлено противъ всего христіанства; всѣ христіане,—ктобъ они ни были, соединятъ свою пламенную молитву къ Господу Іисусу Христу, съ молитвою членовъ римскаго собора объ обузданіи этого пагубнаго ученія,—и только эти молитвы, а не усилія римскаго собора, могутъ разрушить совѣты нечестивыхъ, могутъ вдохнуть всѣмъ христіанамъ твердость убѣжденій, крѣпость вѣры, могутъ возбудить ихъ къ единодушному презрѣнію и ересей, и ересіарховъ, могутъ сдѣлать ихъ каинами среди всего христіанскаго человѣчества и заставить ихъ искать своего *уничтоженія*, по примѣру многихъ ихъ собратій, въ самоубійствѣ. И лучше они сдѣлаютъ, если убьютъ свое тѣло вмѣсто того, чтобъ убивать души другихъ.

Если бы римскій соборъ могъ подвинуть ультрамонтатовъ къ объявленію физической войны новѣйшей ереси,—къ воспроизведенію инквизиціи, къ сожжѣнію и книгъ антихристіанскихъ и авторовъ ихъ; все таки мѣры физическія оказались бы самыми неудачнями пріемами къ обузданію зла нравственнаго; да и времена для авто-да-фе и другихъ физическихъ насилій въ дѣлѣ совѣсти миновались невозвратно. Язвы нравственныя—и упорнѣе, и прилипчивѣе язвъ физическихъ, и лѣчить ихъ пріемами внѣшними, значитъ лить лѣкарство мимо больнаго и усиливать болѣзнь, ожесточить упорство, доставлять безумному упрямцу удобный случай восклицать съ самоубѣжденіемъ: «это недоказательство, значитъ я правъ, когда вы ничего не можете противопоставить моему убѣжденію, кромѣ физическихъ насилій!» Такое возраженіе не лишено своей силы и правды; со всякимъ врагомъ нужно бороться одинаковымъ оружіемъ: когда я выступлю съ доброю саблей противъ человѣка, держащаго на прицѣлѣ ружье, дѣлающее 10 выстрѣловъ въ минуту, попадающее въ цѣль на разстояніи 500 шаговъ, какіе у меня будутъ шансы на пораженіе такого человѣка? Всѣ почти вселенскіе соборы были вызываемы появленіемъ и распространеніемъ какой либо ереси; ни одинъ изъ нихъ не прибѣгалъ къ пыткамъ и ко-

страмъ; нравственное *отсѣченіе* еретиковъ отъ всего сонма правовѣрныхъ имѣло тогда свою силу и дѣйственность, потому что ставило еретиковъ въ изолированное положеніе, выдѣляло ихъ изъ семьи всего, тогда единодушнаго и единомысленнаго, христіанства; но теперь, когда сама церковь римская обличается въ ереси другими христіанами, анаѳема римскаго собора будетъ не дѣйствительна для никакихъ даже католиковъ, тѣмъ болѣе для людей, отрицающихъ папскую доктрину и живующихъ въ странахъ вполнѣ вѣротерпимыхъ, въ которыхъ осужденные римскою церковью найдутъ себѣ и пріютъ и, можетъ быть, адептовъ.

IV.

ЕВРЕИ ВЪ ВАРШАВѢ ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНЯГО ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА.

*(Продолженіе *).*

На одной изъ тѣсныхъ и грязныхъ до непроходимости улицъ города Варшавы,—гдѣ уныніе и печаль свили себѣ, такъ сказать, гнѣздо, гдѣ не живетъ, какъ подобаетъ человѣку, но пересмыкается, словно гады, исключительно только всѣми въ Польшѣ обижаемый и презираемый спѣсивой шляхтой гонимый еврейскій людъ,—существовалъ въ описываемое нами время, быть можетъ и понынѣ еще существуетъ, въ полустоячемъ положеніи, маленькій и низенькій двухэтажный домикъ. Стѣнамъ этого домика, какъ видно, ужъ соскучилось долгое стояніе подъ бременемъ крыши, которая, въ свою очередь, сидѣла надъ ними горделиво на бекрень, и уже имѣла намѣреніе разъѣхаться на всѣ четыре стороны. Закоптѣлыя маленькія окошка нижняго этажа скромно глядѣли тараканными глазками изъ-подъ земли. Обитатель домика живетъ въ немъ словно мертвецъ на кладбищѣ; городской шумъ, и гамъ не выводятъ хозяина изъ обычной мирной его колией. Могутъ ли узники этой конуры участвовать въ городскихъ весельяхъ, когда они принуждены биться, какъ рыба объ ледъ, изъ за куска хлѣбца? На этой улицѣ напичкано множество старенькихъ, маленькихъ домишекъ: какъ видно, архитекторы не ломали своей головы надъ составленіемъ плановъ для этихъ трущобъ. Еслибъ даже число обитателей этихъ домиковъ умножилось на безконечно большой знаменатель, и тогда они не смѣли бы пере-

---

*) Смотри 2 кн. Вѣст. Зап. Рос.

шагнуть за черту этого заколдованнаго круга и принуждены, подъ опасеніемъ опалы со стороны польской администраціи, коснѣть въ запутанномъ узлѣ, которымъ старинный, стѣснительный панскій законъ опуталъ ихъ.

Справедливо говорятъ люди „наружность обманчива". Никто рѣшительно, судя по внѣшней обстановкѣ описываемаго нами домика, не могъ бы составить себѣ понятія о томъ громадномъ богатствѣ, какимъ Григорій Гольдгеймъ (такъ звали хозяина этого домика) владѣлъ. Причина его скрытности очень простая; въ былое время, когда въ пресловутой Польшѣ каждый шляхтичъ, когда только ему заблагоразсудилось, имѣлъ полное право сколько душѣ угодно своевольничать, входилъ, бывало, среди бѣлаго даже дня, тщательно одѣтый, благовидной наружности, панъ въ домъ богатаго еврея, набиралъ, что ему приглянулось;—евреи ухудрялись, для защиты себя отъ подобныхъ гостей, притворяться бѣдными и по старой привычкѣ, все еще продолжаютъ скрытничать, хотя благодаря новымъ порядкамъ, нѣтъ уже и никакой надобности въ этомъ. По прежнему еще и теперь не узнаете-живетъ ли въ этомъ домикѣ горемыка-бѣднякъ, который еле-еле добываетъ тяжкимъ трудомъ для своихъ голыхъ и голодныхъ малютокъ кусокъ чернаго хлѣба, или живетъ тамъ богачъ, дѣти котораго пренебрегаютъ самыми лучшими вареньями. Недаромъ сложилась у поляковъ поговорка: „жидовскія развалины суть сборища всѣхъ сокровищъ."

По узкой и грязной лѣстницѣ, ведущей въ верхній этажъ описываемаго нами домика, въ попыхахъ бѣжалъ Карлъ и, по неосторожности, чуть чуть не спихнулъ съ лѣсенки дѣвушку, шедшую въ ту пору со втораго этажа ему на встрѣчу.

— Что съ тобой, Карлъ? бѣжишь, какъ бѣшенный и не замѣчаешь кто идетъ на встрѣчу, въ сердцахъ замѣтила дѣвушка.

— Ну, что я тебѣ сдѣлалъ сестрица?

— Что я тебѣ сдѣлалъ? передразнила дѣвушка,-еще секунда и я покатилась бы камнемъ со всѣхъ ступеней,- и еще спрашиваешь, что я тебѣ сдѣлалъ? умникъ ты эдакой!

— Извини, сестрица, вѣдь я это сдѣлалъ безъ умысла.

— Не запачкана ли я, Карлъ, не замѣтно ли по моему платью, что я сейчасъ работала въ типографіи? Наборщикъ отправился куда то, а между тѣмъ необходимо было отпечатать кое что, и я сама должна была тамъ работать. Прощай, я пойду перео-

дѣться. Дѣвушка исчезла; Карлъ вошелъ въ комнату, въ которой сидѣлъ въ то время отецъ его въ креслахъ за столомъ, на которомъ въ безпорядкѣ набросано было множество книгъ.

Старикъ Гольдгеймъ прежде успѣшно велъ торговлю и, какъ говорится, пошелъ въ гору; теперь же, на старости лѣтъ, когда успѣлъ нажить порядочный капиталъ, оставилъ торговыя дѣла и посвятилъ себя чтенію, за что полэовался большимъ почетомъ не только своихъ единовѣрцевъ евреевъ, но и христіянъ. Въ эту комнату горделиво, какъ свойственно молодымъ повѣсамъ, вошелъ Карлъ, одѣтый по послѣдней модѣ; лице его сіяло отъ радости.

— Здравствуй, папаша, снимая съ головы шляпу и положивъ ее вмѣстѣ съ своей франтовской палкой на столъ, за которымъ сидѣлъ старый Гольдгеймъ,-сказалъ Карлъ.

— Отчего ты, мой сынъ, такъ долго замѣшкался? замѣтилъ старикъ.

— Да, батюшка, ты спрашиваешь, отчего я замѣшкался; ты только можешь въ такое смутное время оставаться въ своемъ кабинетѣ и углубляться въ чтеніе, а меня волнуетъ моя юная кровь и я никакъ не могу хладнокровно смотрѣть на русское господство, тяготѣющее надъ Польшей. Я, батюшка, еще слишкомъ юнъ и мнѣ предстоитъ длинный путь жизни. Ахъ батюшка, еслибъ ты зналъ, съ какимъ теплымъ усердіемъ всѣ въ городѣ - отъ мала до велика-работаютъ въ пользу польскаго повстанья! надѣемся, что скоро, даже очень скоро, выживемъ москалей изъ польской ойчизны и Польша опять сдѣлается самостоятельнымъ королевствомъ.

— Ахъ мой сынъ! я право сомнѣваюсь, сбудется-ли это когда нибудь.

— Батюшка, ты сомнѣваешься сбудется-ли это! Да это такъ вѣрно, какъ дважды два четыре. Ты представить себѣ не можешь, какъ всѣ, не только поляки, но и евреи дѣйствуютъ единодушно! Рѣшительно никакого вниманія не обращается на то какую религію человѣкъ исповѣдуетъ, къ какому классу общества онъ принадлежитъ; лишь-бы только онъ былъ способенъ къ повстанію. Будущая польская вольность ихъ собираетъ въ одно цѣлое; паны помогаютъ хлопамъ, католика еврей подстрекаетъ къ повстанью; словомъ, батюшка, во всѣ сердца проникъ лучъ надежды! и во всѣхъ варшавскихъ уголкахъ и трущобахъ вѣетъ и дышетъ

надеждой. Отнынѣ поляки не будутъ притѣснять насъ, падутъ всѣ ограниченія, которыя словно камнемъ давили насъ; прощай гадкое чете, мы впередъ ужъ будемъ жить полюдски во всѣхъ мѣстахъ; еврей не будетъ считаться ниже поляка, всѣ будемъ стоять на одной доскѣ и будемъ имѣть притязаніе на человѣческія права. Польша возникаетъ изъ праха благоустроенною, въ ней будутъ обитать правосудіе и человѣколюбіе, не будутъ ужъ насъ преслѣдовать за то, что мы принадлежимъ къ другой вѣрѣ. Карлъ досталъ изъ боковаго кармана какой то фотографическій снимокъ: вотъ тебѣ, батюшка, явное доказательство расположенія поляковъ къ намъ, добавилъ онъ съ торжествующимъ видомъ; смотри польскіе ксендзы послали этотъ снимокъ нашему еврейскому обществу въ подарокъ, какъ знакъ, что между евреями и поляками отъ сегоднишняго дня зацвѣтетъ, такъ сказать, вѣчная, искренняя дружба; а все прошлое исчезло, какъ въ Лету. Сами же они, въ свой чередъ, носятъ черныя цѣпочки, выражая этимъ свое рабское положеніе; въ знакъ, что беззаконіе господствуетъ повсюду они надѣваютъ вотъ этотъ образъ.

— Быть можетъ тебѣ ужь вздумалось надѣть образъ на шею!? Съ яростію закричалъ старикъ.

— Прежде, батюшка, разбирай, что это за образъ, потомъ будешь говорить; я знаю, что не будешь сердиться на меня.

Старикъ разсмотрѣлъ образъ и съ удивленіемъ произнесъ!

— Господи Боже мой, вѣдь это портретъ варшавскаго раввина!

— Теперь, батюшка, признаешь, что евреи, дающіе помощь полякамъ, правы? спросилъ юноша тономъ самоувѣренности, вѣдь когда они, поляки, стряхнутъ съ себя это проклятое ярмо и мы евреи, будемъ свободны; теперь, не диво, что почти вся наша еврейская молодежь не сидитъ сложа руки, но вся вооружилась и готова сражаться до послѣдняго издыханія для своего народа и для своей отчизны.

— Для своего народа? для своей отчизны? пожимая плечами и кивая головой, произнесъ старикъ.— Не больно ли, не смѣшно ли это?! Человѣкъ называетъ своимъ народомъ тѣхъ, которые ненавидятъ и презираютъ насъ отъ всей души?.... Можетъ ли разумный человѣкъ усвоить имя „отечества" [землѣ, гдѣ его трактуютъ ниже животнаго? Нѣтъ, мой сынъ! пускай себѣ возмущают-

ся поляки, а мы, евреи, должны оставаться вѣрными тѣломъ и душою благодѣтелю нашему Государю.

— Ты только, батюшка, смотришь на это дѣло не такъ какъ всѣ, печально сказалъ юноша; ты только видишь въ этомъ для евреевъ пагубныя послѣдствія, а всякій другой предвидитъ въ этомъ то громадное счастье, которое мы, евреи, пріобрѣтаемъ себѣ нашимъ участіемъ въ повстаньи. Самъ посуди, даже императоры, короли, которымъ равно никакой пользы не будетъ отъ того, что Польша освобождается изъ подъ русскаго гнета, всячески стараются подстрекнуть ихъ къ возстанію и даютъ мудрые совѣты, какъ и какимъ образомъ поступать въ предпринятомъ нами дѣлѣ; а мы—евреи, польскіе граждане, которымъ это повстанье принесетъ радость и счастье, будемъ ли стоять издали? Можно ли такъ безчеловѣчно поступать?

— „Принесетъ намъ радость и счастье!" повторилъ старикъ съ горькой улыбкой. Да, все это однѣ пустыя слова, которыя могутъ плѣнять такихъ господъ, какъ ты, мой сынъ. Будь увѣренъ, что я лучше твоего понимаю вещи. Ты еще молодъ, очень молодъ, юная кровь бьетъ и волнуется въ твоихъ жилахъ; страстные порывы тебя увлекаютъ, тебѣ все кажется ярко, свѣтло въ розовыхъ краскахъ и ты, натурально, не замѣчаешь, подъ розами колючихъ шиповъ. Людямъ твоего возраста свойственно пробавляться иллюзіями, да химерами; у васъ нѣтъ никакого критеріума для отличія истины отъ лжи, почву дѣйствительности отъ области грезъ и сновъ; но намъ, старикамъ, такія мечты не къ лицу: насъ уже вдоволь вышколила жизнь. Повѣрь, мнѣ ничуть не удивительно, что ты такъ яро заступаешься за поляковъ, стоишь просто горой за предпринятое имъ повстанье и даже говоришь, что мы—евреи, для своего будущаго блага обязаны помогать имъ, полякамъ: это все плодъ твоей разыгравшейся дѣтской фантазіи. Я же, сынъ мой, не даромъ прожилъ на бѣломъ свѣтѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ, видалъ виды на своемъ вѣку и слѣдовательно меня трудненько провести на мякинѣ. Ты, пожалуй, разсказывай свои дѣтскія сказки другимъ, подобно тебѣ неопытнымъ мальчишкамъ, съ азартомъ проговорилъ старикъ, а не мнѣ; потому что сѣдина, покрывающая мое чело, обогатила меня обильнымъ запасомъ опытности, которою и тебѣ совѣтую руководствоваться на скользкомъ, жизненномъ пути. Я рѣшительно противъ симпатіи къ полякамъ, потому что знаю ихъ, я хорошо знаю, къ

чему приведетъ ихъ повстанье и молю Всевышняго, чтобы наши единовѣрцы не приняли участія въ ихъ преступныхъ затѣяхъ. Скажу словами Мирабо: „революція пожираетъ своихъ приверженцевъ, какъ Сатурнъ.“ За примѣрами намъ не нужно пускаться въ сѣдую даль минувшихъ временъ; я тебѣ приведу фактъ, который еще въ свѣжей памяти у всѣхъ пожилыхъ людей и который будетъ достаточенъ для подтвержденія моихъ словъ. Не въ первые поляки бунтуются; это уже стара штука. Тридцать лѣтъ тому назадъ разыгралась таже самая кровавая сцена, еще съ большимъ эффектомъ, но въ финалѣ вышло одно горькое разочарованье. Тогда тоже этимъ близорукимъ, кичливымъ панамъ полякамъ вздумалось возстать противъ русскихъ; мятежъ разлился по всей польской землѣ; цвѣтъ польскаго люда вооружился для избавленія своей ойчизны отъ русской, или какъ они говорятъ, московской неволи;“ паны не жалѣли денегъ, паньи и ксендзы суетились какъ угорѣлые... Моими ушами я слушалъ уже ликованіе и тріумфальныя пѣсни польскихъ солдатъ, будто побѣда уже на ихъ сторонѣ; мало того, слушалъ даже какъ эти борцы ойчизны титуловали другъ друга самыми привлекательными именами; въ цѣлой Польшѣ ни одного холопа не было, всѣ именовались генералами, совѣтниками, ротмистрами и т. п.; кутерма пошла истинно-польская, паны храбрились что было мочи, но ихъ разбивали на голову, генералы, совѣтники то сосланы туда, гдѣ охлаждается фантазія, то до сихъ поръ бродяжничаютъ изъ страны въ страну, не находя себѣ пристанища, словомъ каждому досталось по заслугамъ. Незавидна была участь и немногихъ нашихъ ослѣпленныхъ единовѣрцевъ, которые принимали участіе въ мятежѣ. Кромѣ того, что они запятнали всѣхъ насъ, осрамили измѣной всѣхъ евреевъ, сами поляки послѣ издѣвались надъ ними, когда ихъ помощь оказась не нужною. Теперь кажись, ты можешь видѣть, что я правъ, когда говорю, что полякамъ не по плечу тягаться съ русскими, что имъ не воротить такъ называемый ими „забранный край.“ А намъ, евреямъ, и подавно, слѣдуетъ стоять издали отъ поляковъ, не прельщаться ихъ привлекательными возгласами, заманчивыми посулами и не измѣнять нашему доброму и гуманному Государю, который изливаетъ свои щедроты на всѣхъ своихъ подданныхъ, безъ различія вѣры и происхожденія Не показываютъ ли даже сами поляки черной неблагодарности, поднимая знамя мятежа? Кажется, имъ не на что плакаться, житье

мъ въ Россіи не плохое, они наслаждаются всѣми благами граж-
анъ, какъ истые русскіе, чегожъ они хотятъ? Но Богъ съ ними
ъ поляками: воля—вольная имъ бунтоваться, а мы евреи должны
статься въ сторонѣ, слышишь Карлъ? не бросаться прямо въ про-
асть! Послѣднія слова старикъ проговорилъ съ видимымъ вол-
еніемъ и замолчалъ. Карлъ до того растерялся отъ множества
ыслей, зашевелившихся въ его умѣ, что не могъ проговорить ни
лова.

— Помилуй, батюшка, началъ онъ послѣ короткаго молчанія,
ю твоему мнѣнію, нашимъ единовѣрцамъ теперь слѣдуетъ отвѣ-
ать на всѣ ласки поляковъ равнодушіемъ, не сближаться съ ни-
и, потому что они наши непримиримые враги и брататься съ
ими намъ не приходится. Для большей убѣдительности, ты при-
одишь мнѣ мятежъ тридцатаго года; тогда евреи, помогая по-
якамъ, обманулись въ своихъ надеждахъ. Но какое сравненіе!?
Неужели ты не вѣришь въ могущество времени? Тридцать лѣтъ
ильно измѣнили и обстоятельства, и отношенія. Какъ же ты мо-
жешь ставить въ примѣръ то, что было въ тогдашнее время?
Времена перемѣняются и характеръ людей вмѣстѣ съ ними. Тогда
поляки сами надулись и надули евреевъ; но, теперь, увѣряю тебя,
что они безъ притворства льнутъ къ намъ и отъ души простира-
ютъ намъ дружескія объятія.

— Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что ты не опередилъ своего
возраста: всѣ твои слова пропитаны мечтою, неопытностью, не-
знаніемъ жизни, понятно, что тридцать лѣтъ много значитъ, но
это только въ жизни индивидуума. Человѣкъ чрезъ это время пе-
рерождается, получаетъ иной взглядъ на вещи. Народы же не
очень скоро мѣняютъ свои убѣжденія: годы проходятъ, юбилеи
наступаютъ, а ненависть поляковъ къ жидамъ стоитъ незыблемо;
она передается изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе,
ее всасываютъ младенцы съ молокомъ матери, отцы завѣщаютъ
своимъ дѣтямъ. Боже упаси, если полякамъ удастся отнять Поль-
шу и мы очутимся въ ихъ рукахъ, тогда мы погибли. Ты, пожа-
луй, можешь вѣрить ихъ лживымъ обѣщаніямъ, но я довольно хо-
рошо знаю ихъ и понимаю, что насъ ожидаетъ.

— Смѣю тебѣ доложить, батюшка, что твой взглядъ через-
чуръ мраченъ, у тебя любовь къ отчизнѣ или вовсе не существу-
етъ, или доходитъ до дюжиннаго уровня прочихъ человѣческихъ
ощущеній и ты, натурально, приходишь къ заключенію, что не

стоитъ жертвовать всею жизнью изъ за такихъ пустяковъ. Понятное дѣло, что для тебя идея „повстанья" кажется нелѣпостью, она не имѣетъ для тебя никакого обаянія, а рисуется на мрачномъ, ужасающемъ фонѣ, обагренномъ многими, очень многими жертвами. Но наша братія, молодежь, совсѣмъ иного закала, для насъ любовь къ ойчизнѣ святыня, а все прочее ничто. Мы молоды, полны юныхъ, нетронутыхъ силъ, до мозгу костей проникнуты этой святой любовью, готовы на всевозможныя лишенія и жертвы, не жалѣя даже самой жизни. Большинство молодежи вооружается, она первая поднимаетъ знамя свободы и разрушитъ все, что ни попадется подъ руки, докончилъ Карлъ, съ явнымъ воодушевленіемъ.

— Какъ я вижу, сынъ мой, мнѣ не удастся разувѣрить тебя. Ты заладилъ одно, и какіе резоны тебѣ ни преведи, какъ ни бейся, ты все свое болтаешь, сыплешь разныя громкія, но безмысленныя фразы, а мои слова опыта и разума пропускаешь мимо ушей. Польша ойчизна, любовь къ ойчизнѣ, что за грезы! Все это, можетъ быть красиво на словахъ, имѣетъ, можетъ быть, много прелестей для васъ, глупыхъ мальчишекъ. Гоняясь за этими мыльными пузырями, вы отрываетесь совсѣмъ отъ міра дѣйствительности, гдѣ очень грустныя, тяжелыя явленія скоро развѣютъ немилосердно ваши мечты. Вы на всѣхъ порахъ поднимаетесь въ заоблачную высь, съ горяча корчите изъ себя освободителей ойчизны, которая обрѣтается только въ вашей разгоряченной фантазіи, рядитесь въ павлиныя перья, наивно крича самимъ себѣ, умремъ за нашу ойчизну и воздвигнемъ себѣ вѣчный памятникъ въ сердцахъ согражданъ, пожнемъ вѣчные лавры „все это было бы такъ смѣшно, если бы не было такъ грустно! Позвольте васъ, любезные, серьозно спросить: изъ за чего вы волнуетесь? изъ за чего вся эта тревога? Страданія Польши васъ безпокоятъ. Но, скажите на милость, какое вамъ дѣло до Польши? Она вамъ не съ родни, да она васъ и знать не хочетъ. Польша никогда не была и не будетъ нашего ойчизною; поляки никогда не были и не будутъ нашими соотчичами. Змѣя не превратится въ голубя, а полякъ останется полякомъ. Причину же теперешняго расположенія поляковъ къ намъ, евреямъ, я тебѣ сейчасъ объясню. Съ высоты своей шляхетской спѣси полякъ всегда съ презрѣніемъ смотритъ на насъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, давитъ и преслѣдуетъ насъ нравственно и физически, наталкивая насъ нарочно на

всевозможныя низости и помыкая нами какъ вещью. Но лишь только того же самого поляка донимаетъ нужда, и онъ поджимаетъ хвостъ и разыгрываетъ роль лисицы предъ вороной съ сыромъ въ зобу. Онъ подластивается къ еврею, нагибается весьма низко къ источнику поживы чуть не „падаетъ до ногъ“ тому же самому „парху—жиду,“ подумаешь чудо совершилось, полякъ перемѣнилъ свою спѣсивую шляхетскую шкуру на овечью, но это была только ловушка. Лишь только пану удалось выѣхать па спинѣ еврея изъ своихъ плохихъ обстоятельствъ, и онъ уже по прежнему надулся и опять волкомъ поглядываетъ на своего благодѣтеля. Та же самая пьэса разыгрывется и теперь, пожалуй, еще въ большихъ размѣрахъ. Поляки понимаютъ очень хорошо, что мы, евреи, можемъ принести имъ огромную пользу, и качественную и количественную, если будемъ способствовать мятежу, и вотъ они выкидываютъ разныя штуки, разными мѣрами стараются подружиться съ нами, задобрить насъ, обнадеживаютъ насъ дружбою, равенствомъ, и тому подобныя соблазнительныя удочки забрасываютъ. Но кто имѣетъ хоть каплю человѣческаго смысла, тотъ не дастся въ обманъ, онъ сейчасъ увидитъ, что евреямъ нужды нѣтъ проливать свою кровь ради поляковъ, ради ихъ ойчизны. Пускай себѣ поляки на здоровье закалываютъ себя на алтарѣ своей ойчизни; а намъ съ какой стати?

— Батюшка! кажется, не разъ я тебѣ говорилъ, что поляки насъ теперь не обманутъ. Если мы будемъ содѣйствовать освобожденію Польши, она приметъ насъ въ свое лоно и для насъ загорится заря лучшей, новой жизни; о прошломъ и помину не будетъ: что было, то сплыло, потому что... Карлъ невольно замялся и измѣнился въ лицѣ.

Герминія, сестра нашего молодаго Карла, словно шальная вбѣжала въ комнату, лице ея блѣдное, какъ полотно, свидѣтельствовало, что она перепугалась на смерть, за нею слѣдовалъ офицеръ съ эксельбантами.

— Офицеръ, батюшка, отъ намѣстника пожаловалъ къ тебѣ, проговорила дѣвушка дрожащимъ голосомъ на обычномъ жаргонѣ, и съ большимъ усиліемъ старалась скрыть свой страхъ.

— Меня, г. Голдгеймъ, послалъ къ вамъ г. намѣстникъ, вы ему нужны, почтительно сказалъ чиновникъ, обратившись къ старику. Старикъ, въ свою очередь, съ не малымъ смущеніемъ посмотрѣлъ на своего незваннаго гостя; у него при видѣ своихъ пере-

полошенныхъ дѣтей, мурашки задрали по кожѣ и въ недоумѣніи онъ спросилъ:

— Скажите мнѣ, пожалуйста, м. г., зачѣмъ меня, г. намѣстникъ требуетъ?

— Право, еслибъ я зналъ, я бы не утаилъ отъ васъ; но, повѣрьте, я ничего рѣшительно не знаю. Г. намѣстникъ приказалъ только вамъ сейчасъ явиться къ нему въ замокъ.

Лишь только чиновникъ вмѣстѣ съ старикомъ вышли изъ дому, Герминія повисла на шею своему брату и залилась слезами Карлъ, Карлъ, вопіяла она,—смотри что ты надѣлалъ, ты сгубилъ насъ всѣхъ, ты связался съ поляками и ввелъ насъ въ бѣду неминучую, первою жертвою которой будетъ батюшка. По всей вѣроятности, провѣдали уже обо всемъ, типографія наша тоже уже, вѣрно, всѣмъ извѣстна. Горе, горе мнѣ и тебѣ, Карлъ Впрочемъ ты самъ виноватъ: началъ игру—теперь отыгрывайся. Но батюшка, батюшка! заголосила она опять и слезный токъ брызнулъ съ ея глазъ, за что ему терпѣть на старости лѣтъ; вѣдь онъ ни въ чемъ не повиненъ, его жизнь безукоризненна, онъ пользуется общимъ уваженіемъ, а теперь!... слезы мѣшали ей говорить, теперь онъ умретъ съ позоромъ. Участь его убиваетъ меня, я не выдержу этого удара, который такъ тяжко поразилъ насъ.

Во все время чтенія этой іеремiады, Карлъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ, точно пришибленный громомъ, подъ бременемъ разныхъ горькихъ думъ, терзавшихъ немилосердно его душу. Онъ, склоня голову покорно выслушивалъ ядовитые попреки своей сестры и не заикнулся объ оправданіи, потому что его совѣсть вторила словамъ сестры.

Вдругъ онъ опомнился отъ забытья, какъ бы озаренный счастливою мыслью, бросился на шею сестры и весело воскликнулъ: не печалься, моя милая сестрица, убиваться изъ за пустяковъ не слѣдуетъ. Тутъ никакой бѣды, ей Богу, сестрица нѣтъ. Если бы отецъ былъ заподозрѣнъ въ чемъ нибудь преступномъ, его повели бы безъ чиновъ въ кандалахъ, и не чиновникъ, а нѣсколько солдатъ. Меня тоже бы арестовали; вѣдь я одинъ всему виной. Слова Карла произвели благотворное дѣйствіе на Герминію: такова уже натура молодыхъ людей, она податлива на все, что угодно: печаль ли, радость ли, смѣхъ, или слезы, ей сподручны быстрые переходы отъ этихъ противоположностей.

— Твоя правда, сказала Герминія и взглянула на брата; глаза ея выражали благодарность и спокойствіе.

— Экій я простофиля, право, началъ Карлъ, чтобы разсѣять даже тѣнь подозрѣнія на счетъ участи отца, подумалъ, что всѣ наши тайны разоблачены! Ха, ха, ха, смѣшно, до умору смѣшно! Неужели есть лучшее, надежнѣйшее мѣсто для нашей фабрики тѣмъ молельня нашего батюшки? Никому не взбредетъ и на умъ мысль, что въ такомъ св. мѣстѣ творятся такія преступныя дѣла! Однакожъ, признаться, когда чиновникъ завернулъ къ намъ, у меня душа ушла въ пятки; теперь я смѣюсь надъ самимъ собой, намъ нечего бояться.

— Ахъ! какъ я рада буду, когда батюшка вернется къ намъ!

— Безъ сомнѣнія онъ скоро придетъ, а я между тѣмъ пойду къ Ауреліи разсказать ей эту оказію.

— Прошу тебя, братецъ, не иди, не оставъ меня одну, потому что нервы мои теперь очень разстроены, чуть что шорохнетъ, скрыпнетъ, мнѣ становится страшно.

— Право, сестрица ты вздоръ несешь; не грѣшно ли будетъ скрыть такую важную новость отъ Ауреліи?

— Все Аурелія, да Аурелія! она у тебя на умѣ и на языкѣ; въ радости и въ печали ты все бредишь ею, сказала Герминія съ сердцемъ, она только твоя отрада, твой кумиръ, для нея ты жертвуешь всѣмъ и отцомъ и сестрой, ты готовъ даже для нея отказаться отъ своей вѣры. Увы, твой конецъ очень печаленъ.

— Сперва къ побѣдѣ, а потомъ къ женитьбѣ съ Ауреліей!

— Ты женишься на Ауреліи, Карлъ? Что съ тобою? съ полувопросомъ и полу удивленіемъ промолвила Герминія. Храни тебя, Господь отъ такою поступка. Побѣда дѣло другаго рода; я тоже всегда молюсь, чтобы тебѣ повезло, потому что я не переживу того несчастья, если ты попадешь въ руки враговъ и тебя поведутъ на смертную казнь. Но жениться на Ауреліи, Карлъ, ужъ это изъ рукъ вонъ, гадко! Ты откажешься отъ родителей, отъ вѣры предковъ, отъ меня, сестры твоей, отъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, не безчестно ли это будетъ Карлъ!? Ты обезславишь себя, и мальчишки будутъ пальцами указывать на тебя и кричать: крещенный еврей, крещенный еврей.

— Ты ошибаешься, сестрица, я вовсе не думаю измѣнить нашей религіи. Аурелія останется при своей, а я при моей; одна только взаимная любовь свяжетъ насъ неразрывными узами.

— Такъ, теперь я ужъ смекнула, въ чемъ дѣло, насмѣшливо сказала Герминія. Ты хочешь, подобно Іосифу, жениться на Ауреліи съ условіемъ не мѣнять своихъ религіозныхъ убѣжденій? Но какая жалкая судьба тебя ожидаетъ! Ахъ! Карлъ, какъ ты слѣпъ! Вспомни только участь Іосифа, и ты самъ перестанешь говорить о такомъ несчастіи, какъ твоя женитьба на Ауреліи. Вѣдь онъ тоже былъ внѣ себя отъ радости, когда женился на полькѣ; думалъ, что будетъ жить съ нею припѣваючи; а теперь жизни не радъ. Прежде это былъ красный юноша, молодецъ хоть куда; а теперь худъ, какъ щепка, согнулся еле еле ноги тащитъ, жалость щемитъ сердце, когда глядишь на него, и все отъ того что жена полька. Она то и дѣло издѣвается надъ его происхожденіемъ; родные ея сторонятся отъ него словно чужіе, гнушаются говорить съ его отцомъ жидомъ. Отъ него отшатнулись и его и женніе родные; онъ теперь для всѣхъ чужой. Помнишь ли, Карлъ, какъ ты самъ не одобрилъ его поступокъ, предвѣщалъ ему ужасный конецъ; а теперь, очертя голову, тоже такъ хочешь поступить?

— Перестань, сестрица, молоть чепуху. Своими пустыми словами ты хочешь затмить счастіе, которое улыбается мнѣ. Напрасный трудъ! Я люблю Аурелію пуще всего на свѣтѣ и я ей принадлежу. Но я, сестрица, не ошибаюсь въ моемъ выборѣ, она меня никогда не разлюбитъ. Она не похожа на другихъ полекъ, которыя о томъ только и хлопочутъ, чтобы добивать себѣ поклонниковъ, заманить ихъ въ свою ловушку, а потомъ бросить. Любовь Ауреліи ко мнѣ не такого сорта; сердце ея дышетъ только любовью, и никогда не обманетъ, съ ней я забуду всякую печаль; одинъ взглядъ ея, исцѣлитъ всѣ мои тяжелыя раны, съ жаромъ сказалъ Карлъ и опрометью выбѣжалъ изъ комнаты.

(Продолженіе будетъ).

НА РУБЕЖѢ *).

Очерки недавняго и современнаго быта возсоединеннаго духовенства.

Очеркъ 4.

Въ настоящемъ очеркѣ кстати, можетъ быть, коснуться, хоть мимоходомъ, отношеній уніятскаго духовенства къ римско-католическому, въ періодъ непосредственно предшествовавшій возсоединенію. Оговорка эта существенно важна. Уже почти съ начала 19-го столѣтія взаимныя отношенія римскаго и уніятскаго духовенства вступили, можно сказать, въ совершенно новую фазу, далеко чуждую прежняго характера преобладанія и высокомѣрія съ одной стороны, и нѣкотораго подобострастія и подчиненности съ другой. Многія обстоятельства, отчасти выработанныя самымъ временемъ, отчасти-же случайно возникшія, въ слѣдствіе тогдашнихъ политическихъ событій, послужили къ тому причиной. Въ числѣ первыхъ, безспорно, самое многостороннее вліяніе имѣло то общеобразовательное воспитаніе священническихъ сыновей, на важность коего мы уже указали въ предыдущемъ очеркѣ 1), и благодаря которому богатые помѣщики и достаточные римскіе ксендзы нерѣдко встрѣчались по сосѣдству съ своими прежними, ну если и не однокашниками, то все же добрыми нѣкогда школьными товарищами,—а теперь убогими и скромными уніятскими пастырями. Такимъ образомъ жизненныя условія и сношенія сами собой слагались уже иначе и выходили не тѣ, что прежде. Безбрачные или вдовые уніятскіе священники приглашались теперь преимущественно въ блюстители домовыхъ помѣщичьихъ часовень, въ помощники при костелахъ, въ капелляны при монастыряхъ, а не въ диковинку были и такіе примѣры, что перемѣнившіе обрядъ священическіе сыновья поступали въ составъ римскаго духовенства и достигали въономъ высшихъ

*) Смотри Вѣстникъ Зап. Россіи за 1867 г. кн. 6 и 7 и за 1868 г. кн. 4.

1) См. Лит. Епар. Вѣд. 1868 г. № 6 стр. 273.

степеней, даже епископской 1). Къ причинамъ же, вызваннымъ историческимъ ходомъ событій, отнести нужно: сосредоточеніе духовныхъ дѣлъ въ одной общей высшей инстанціи (римско-уніятской духовной коллегіи), учрежденіе для обоихъ обрядовъ главной виленской семинаріи, и наконецъ совершенное уравненіе уніятовъ въ правахъ съ римско-католическимъ духовенствомъ, въ сопредѣльной холмской (уніатской) епархіи, которой епископъ Фердинандъ Цѣхановскій впервые занялъ мѣсто въ сенатѣ (съ окладомъ 9,000 руб. серебр.), которой капитулъ преобразованъ и обеспеченъ содержаніемъ, а приходскіе священники, огражденные отъ притязаній римскаго духовенства на счетъ сбора десятинъ, и отъ нарѣканій прихожанъ однообразно—учрежденною таксою за требо-исправленіе, сверхъ того, по кодексу Наполеона облечены еще были въ сферѣ своихъ дѣйствій авторитетомъ и вѣсомъ гражданскихъ чиновниковъ 2). Этотъ рѣдкій и столь существенный поворотъ къ равноправности обрядовъ въ Царствѣ, не могъ-же оставаться неизвѣстнымъ римскому и уніятскому духовенству Имперіи, и не повліять на характеръ его взаимныхъ отношеній. Въ особенности доброжелательство и предупредительность римлянъ усилились и начали даже доходить до заискиванія съ 1861 года, когда, съ одной стороны, съ подавленіемъ польскаго возстанія, разлетѣлись въ прахъ всѣ мечтательныя надежды, съ другой-же стороны, все явственнѣе и явственнѣе обозначалась и прокладывала себѣ путь идея возсоединенія. Какъ и слѣдовало ожидать, чуткіе стражи Ватикана, мѣстные патеры и ксендзы, первые завидѣли опасность и подняли тревогу. Но когда латинскіе монахи, вѣрные своей завѣтной тактикѣ и пріемамъ, сейчасъ ударились въ запальчивую проповѣдь и бранчивые возгласы, содѣйствуя такимъ образомъ скорѣй приближенію, чѣмъ отклоненію катастрофы, болѣе образованные и проницательные изъ среды свѣтскаго римско-католическаго духовенства, подъ рукою, пуская въ ходъ разныя полемическія печатныя и рукописныя брошюры и помѣ-

---

1) Напр. б. луцкій епископъ: *Пѣвницкій.*

2) „Przed nami, urzendnikiem cywilnego“—фразой этой, до самыхъ недавнихъ, *кажется*, временъ, озаглавливались даже метрическіе акты, по *холмской* епархіи.

щая въ заграничной прессѣ преувеличенныя или даже и вовсе измышленныя вѣсти о насильственныхъ способахъ и мѣрахъ будто бы предпринимаемыхъ противъ уніятовъ, считали между тѣмъ болѣе благоразумнымъ въ отношеніи послѣднихъ—не показывать даже вида, что подозрѣваютъ съ ихъ стороны возможность какого либо охлажденія, не то уже разлуки, и съ этою цѣлью, какъ сами усугубляли, такъ и внушали помѣщикамъ всевозможныя, хотя конечно и притворныя, изъявленія дружбы и братолюбія, въ особенности къ уніятскимъ сельскимъ священникамъ. Расчету этому не доставало только одного условія—своевременности. Друзья какъ-то спохватились слишкомъ уже поздно. Правда, нашлись было не многіе—буквально только не многіе, довѣрчиво еще поддавшіеся на эту удочку, да и изъ нихъ нѣкоторые скоро протрезвились; оставшіеся же въ слѣпомъ упорствѣ сами себя наказали неопредѣленностью остальнаго поприща жизни. Не задаваясь затѣмъ перечнемъ фактовъ и подробностей, непосредственно относящихся къ настоящему очерку, да позволено намъ будетъ дать здѣсь мѣсто маленькому разсказу, на который рѣшаемся потому только, что онъ, съ одной стороны, довольно вѣрно и болѣе наглядно резюмируетъ сущность избранной нами тэмы, въ данный моментъ, съ другой-же стороны потому, что онъ насъ переноситъ къ воспоминаніямъ незабвенной исторической для насъ семьи *жировицкой.* Да, эти воспоминанія, примѣрно говоря—просимъ замѣтить, что отыскиваемъ примѣръ, а не сравненіе,—на столько-же для насъ дороги, на сколько напр. дороги воспоминанія знаменитой *семьи арзамасской*, для тѣхъ изъ ея членовъ, которые еще доселѣ уцѣлѣли.

Пусть эти слова послужатъ намъ еще оговоркой и той мелочной, почти щепетильной, подробности *аксесуаровъ*, которыми изобилуетъ предлагаемый разсказъ. Впрочемъ, они, при нѣкоторомъ снисхожденіи со стороны читателя, можетъ быть, будутъ найдены хоть отчасти не лишними.

— Въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ, однажды члены жировицкой дух. консисторіи и нѣсколько человѣкъ семинарскихъ наставниковъ собрались на чай къ отцу протоіерею *Тупальскому*,

который тогда еще не былъ произведенъ въ протопресвитеры, а именовался, какъ нерѣдко и впослѣдствіи, обыкновенно *офиціяломъ*.

Кромѣ насъ мѣстныхъ, почти ежедневныхъ гостей, на этотъ разъ случился еще старинный пріятель хозяина, нѣкто г. Д., ревностный католикъ, но еще болѣе строгій знатокъ и цѣнитель винъ, съ которыми, завѣдуя много лѣтъ погребами богатѣйшаго въ здѣшнемъ краѣ вельможи князя Ф. С., имѣлъ онъ полную возможность свести спеціальное знакомство. Старые друзья, выбравъ изъ среди насъ двухъ болѣе степенныхъ партнеровъ, засѣли играть въ вистъ; мы-же забракованные составили отдѣльный кружокъ, и какъ подобаетъ молодымъ педагогамъ—наипаче-же семинарскимъ—сейчасъ между собою вступили въ диспутъ: de omni re scibili.

Вдругъ проворный *Поликарпъ* (памятная личность лакея о. *офиціяла*) входитъ съ докладомъ, что какой-то проѣзжій, никакъ римскій прелатъ, въ орденахъ, приказалъ спросить, не помѣшаетъ-ли своимъ посѣщеніемъ?

— Разумѣется, проси!—сказалъ хозяинъ, отлагая въ сторону карты.

И вотъ, является тощая, долговязая фигура прелата, въ риникхъ *дистинкторіяхъ*, въ синихъ очкахъ, съ повязкою на лицѣ, повидимому отъ зубной боли — ну такъ-бы и хотѣлось сказать истый іезуитъ—потому что даже съ разу нельзя было ни снять на планъ этой загадочной физіогноміи, ни подвести къ ней какіе бы то ни было хронологискіе пріемы.

За обычнымъ: „laudetur Jesus Christus!" произнесеннымъ протяжно-гнусливымъ голосомъ, послѣдовала рекомендація:

— Офиціялъ луцкой консисторіи прелатъ К. проѣзжая не вдалекѣ отъ здѣшней знаменитой святыни и радуясь возможности исполнить наконецъ обѣтъ и принести недостойное мое исполненіе, считаю притомъ для себя пріятнѣйшимъ, давно уже желаннымъ случаемъ лично засвидѣтельствовать мое глубокое почтеніе вашему высокопреподобію.

— Чувствительнѣйше благодаренъ. Покорно прошу садиться. Позвольте, ваше высокопреподобіе, выразить и мнѣ, что я столь-же давно и много наслышанъ о вашей достопочтенной особѣ.

— Слышать-то, конечно, можетъ быть, кое-что вашему высокопреподобію и довелось, но ужъ навѣрно, не много особенно—хорошого,—продолжалъ пріѣзжій, усѣвшись.—Ибо такая ужъ пришлась на общую нашу долю коммиссія, что если и случится сдѣлать кому-либо маленькое одолженіе, то оно, съ нашей стороны, выходитъ какъ разъ по прямому только долгу, ex officio,—на то уже и есть *официялъ!* Но не приведи Господи не угодить на кого нибудь, откликнуться не впопадъ, или хотя бы только не вдругъ; сейчасъ сосчитаютъ по пальцамъ всѣ грѣхи, не то уже наши, но и нашихъ прародителей. Впрочемъ, ваше высокопреподобіе, по отличающимъ васъ рѣдкимъ качествамъ и многолѣтней опытности, можетъ быть, на этотъ счетъ и успѣли благополучно выдѣлять себя изъ общаго правила.

— Увы!—отвѣтилъ скромно хозяинъ—моя многолѣтняя опытность только утверждаетъ меня въ совершенной справедливости вашихъ словъ, къ которымъ если воздерживаюсь прибавить коечто отъ себя, то единственно ради этихъ лукавыхъ ученыхъ господъ, прибавилъ съ улыбкою, указывая на наставниковъ, чтобы не подать имъ повода къ замѣчанію: что вотъ мы сейчасъ такъ и повели рѣчь pro domo sua.

Пріѣзжій официялъ воспользовался указаніемъ хозяина, чтобы свести съ нами личное знакомство, и при этомъ случаѣ каждому изъ насъ прогнусилъ что-то въ родѣ любезности.

Между тѣмъ *Поликарпъ*, по сигналу хозяина, явился съ подносомъ, на которомъ въ первой шеренгѣ красовались, въ торжественныхъ только случаяхъ выступавшіе, рѣзные стаканы, въ углубленіи-же скромно группировались гладкія обыкновенныя рюмки. Хоть мы и знали, по опыту, что значитъ эта зловѣщая разнокалиберность, а именно, что намъ, ради нашего лукавства, не придется вкусить на этотъ разъ отъ стараго венгерскаго вина; но мы были еще такъ молоды и по тогдашнему нашему міросозерцанію до того легкомысленны, что такое серьозное обстоятельство даже послужило только къ увеличенію, или, пожалуй, къ ожесточенію нашей невозмутимой веселости. Принимая рюмки, желали мы *Поликарпу:* здравствовать благополучно, вмѣстѣ съ будущею

сожительницею, столько лѣтъ, на сколько преподносимое намъ вино моложе того, что тамъ въ стаканахъ.

Злой ганимедъ покорнѣйше насъ благодарилъ и прибавлялъ шопотомъ:—«дай-то Богъ!»

У прелатовъ, между тѣмъ, шелъ важный разговоръ.

— Вашему высокопреподобію небезъизвѣстно—говорилъ, заигрывая съ своей эмалированной табакеркой пріѣзжій—что нашъ луцкій капитулъ владѣетъ, между прочимъ, въ здѣшней губерніи имѣніемъ *Любашки*, въ которомъ находится и греко-уніятская церковь. Мнѣ именно случилось теперь побывать въ этомъ имѣніи, для разчетовъ съ нашимъ арендаторомъ, и вотъ здѣсь-то встрѣтился я съ новостію, которую хочу съ вами подѣлиться. Конечно, говоря строго, въ смыслѣ административномъ, это для васъ вовсе не новость, но въ смыслѣ *братскомъ*, она для обоихъ насъ грустная новость, и какъ о такой, очень естественно, data occasione, собща посѣтовать. Въ Любашкахъ почти наслѣдственно пребывали на приходѣ священники *Шведовскіе*, послѣдній изъ коихъ мною самимъ былъ *презентованъ* отъ имени капитула. Послѣ пріѣзда, мнѣ сейчасъ-же хотѣлось братски обнять и привѣтствовать стараго знакомца, какъ вотъ арендаторъ мнѣ говоритъ, что не только уже нѣтъ въ Любашкахъ нашего *презентованнаго*, но что даже и сама наша *колляція* (jus patronatus) вылетѣла якобы въ трубу. Хотя я человѣкъ и не вчерашній; но, признаюсь, на первыхъ порахъ, на силу совладѣлъ съ моимъ впечатлѣніемъ. Да нѣтъ-жъ, думаю себѣ, ему міряниву (т. е. нашему-то арендатору) изъ за какой опять стати обо всемъ этомъ хорошенько знать? Лучше поговорю съ самимъ мѣстнымъ священникомъ. И вотъ отправляюсь къ нему, рекомендуюсь, распрашиваю о житьѣ-бытьѣ, о нуждахъ святыни, объ усердіи прихожанъ, наконецъ заявляю просьбу: принять отъ меня въ даръ *монстранцію* и *пушку*, сданныя въ мое распоряженіе, послѣ недавняго упраздненія домашней каплицы въ нашемъ родовомъ имѣніи. Каково-же вашему высокопреподобію покажется заключеніе всей этой рѣчи, когда я вамъ доложу, что мѣстный священникъ отказалъ мнѣ въ моей просьбѣ, т. е. не согласился принять моего скромнаго приношенія?

— Конечно, что имъ сдѣлано необдуманно. Онъ даже, строго говоря, не имѣлъ права не принять жертвуемаго св. храму, въ которомъ и лепта и талантъ *всякое даяніе благо, всякъ даръ совершенъ*—и могутъ найдти приспособленіе.

— Именно—именно; omne donum perfectum. Я совершенно былъ увѣренъ, что ваше высокопреподобіе не одобрите страннаго отказа молодаго любашскаго священника, какъ увѣренъ-же и въ томъ, что не одобрите и той мизерной причины, которою онъ старался извинить предо мною, при осмотрѣ самаго храма, разныя, въ послѣднее время, именно до его уже управленія, допущенныя небрежности и безпорядки во внутреннемъ устройствѣ и содержаніи святыни. Представьте напр., что на мои вопросы: отъ чего заблаговременно не было дано знать нашему капитулу, что церковь нуждается въ ремонтѣ, а доведено дѣло до того, что даже органъ, очень еще годный къ починкѣ, пришлось снять и вынести съ хоръ, что тоже самое случилось со скамьями бывшими посреди церкви, и съ *конфэссьоналами*,—даже самые боковые олтари допущены до уничтоженія, и мѣсто ихъ замалевано, да и то крайне неискусно; представьте себѣ, говорю, что на всѣ тѣ и другіе подобные-же вопросы мой молодой, сконфуженный богословъ, не нашелся другимъ отвѣтомъ, какъ только: «что по греко-восточному-обряду... все это, изволите видѣть»....—Но, дорогой собратъ,—перебилъ я щадя его смущеніе,—Греція—Греціей, востокъ—востокомъ, а мы съ вами западные, давно другъ-другу подавшіе руку братья!

— Въ скрѣпленіе чего—заключилъ хитрый прелатъ, не допуская хозяина до слова—позвольте мнѣ, ваше высокопреподобіе, имѣть честь пить за ваше драгоцѣнное здоровье.

Затѣмъ привсталъ, пожалъ руку хозяина и опорожнилъ свой кубокъ.

Хозяину, конечно, оставалось отвѣчать тѣмъ-же.

Въ это мгновеніе, для насъ стороннихъ зрителей всего интереснѣе являлась фигура господина Д. Онъ, со времени прихода своего прелата, весь, такъ сказать, прильнулъ къ нему подернутыми отъ слезъ глазами, глоталъ съ благоговѣньемъ каждое его слово,—блаженствовалъ и торжествовалъ,—и вотъ пришлось-же

ему увидѣть, что подобный человѣкъ, а по его примѣру, и самъ хозяинъ, какъ какіе-нибудь случайные жалкіе профаны, безъ всякаго вниманія, безъ разстановки, безъ прикушиванія и легкаго причмокиванія, вдругъ опорожнили залпомъ по цѣлому стакану такого капитальнаго *токая!* На лицѣ стараго знатока появилась такая болѣзненная, глубоко-задушевная гримаса, что каждому изъ насъ хотѣлось-бы заучить и запомнить ее,—какъ страницу Иліады.

Между тѣмъ не давая почти времени опомниться хозяину отъ перваго напора фразъ, луцкій прелатъ повелъ новую еще болѣе опасную аттаку.

— И такъ,—продолжалъ онъ протяжно, но безъ остановки,—когда *объективно,* такъ сказать, могу себя считать вполнѣ успокоеннымъ высокимъ и просвѣщеннымъ вашимъ авторитетомъ, позвольте мнѣ теперь принести вамъ маленькую *субъективную* просьбу, которая въ сущности зависитъ отъ практикующагося въ здѣшней святынѣ молитвеннаго порядка, т. е. вся состоитъ въ томъ: не примете-ли въ милостивое вниманіе экстренности моего пути и не дозволите-ли мнѣ, по этому поводу, завтра, елико можно пораньше—напр. въ 6 или 7 часу, отслужитъ, по сдѣланному мною обѣту, святую мессу предъ чудотворной иконой?

Пронырливый прелатъ, хотя и замолчалъ на этотъ разъ, въ ожиданіи отвѣта, но даже не поднялъ глазъ на озадаченнаго хозяина.

— Крайне сожалѣю,—отвѣтилъ тотъ наконецъ, чуть-ли не протяжнѣе своего гостя,—что недавнія преобразованія, т. е. переустройство нашего каѳедральнаго собора, лишаютъ меня возможности удовлетворить благочестивому намѣренію вашего высокопреподобія; ибо даже существенно необходимый для вашей мессы органъ, какъ неподходящій къ нашему церковному...

— (Ну что-же—замѣтилъ шопотомъ кто-то изъ нашего кружка—нужно было только дать знать объ этомъ луцкому капитулу!)

Но луцкій прелатъ, какъ-бы желая скорѣй вывести хозяина изъ затрудненія, перебилъ:

— Вотъ ужъ на этотъ счетъ не извольте в. в. п. безпокоиться. Еще-бы о такой полнотѣ торжественности задумываться дорожному человѣку! А отчего-же наши добрыя *шептухи*—какъ ихъ на-

зываютъ господа *православные*—хотя самое это названіе, замѣтимъ мимоходомъ, болѣе, можетъ быть, мѣтко, чѣмъ вѣско; потому что и въ греческой—де обѣдни кое-что вычитывается?

— Даже къ читанней мессѣ — отвѣчалъ нашъ офиціялъ спокойно—не можетъ доставить вашему высокопреподобію необходимыхъ принадлежностей, какъ то: ни богослужебныхъ книгъ, ни утвари, ни облаченій, ни *облатки;* сомнѣваюсь, врядъ-ли найдется даже кто-либо умѣющій, по надлежащему, прислуживать къ мессѣ?

Тутъ господинъ Д. значительно прикрякнулъ, желая навѣрно обратить этимъ вниманіе обоихъ офиціаловъ и предложить себя въ прислужники; но хозяинъ посмотрѣлъ на него такъ грозно, что кандидатъ тѣмъ и кончилъ,—впрочемъ, въ видѣ протеста, пошевеливая губами.

Не такъ было легко отдѣлаться отъ луцкаго прелата.

Онъ неугомонный продолжалъ свою вѣчно—протяжную рѣчь: (напоминая намъ здѣшніе старые монастырскіе часы, которые, бывало, съ каждымъ взмахомъ маятника, казалось-бы, вотъ-же вотъ и остановятся).

— Все, о чемъ вашему высокопреподобію угодно столь благосклонно заботиться, все рѣшительно есть со мною: и книги и утварь и прислуга, даже дорожный антиминсъ, portatile 1), на который давно уже имѣю особое разрѣшеніе, еще покойнаго нашего митрополита.

Но ваше высокопреподобіе, кажется, положили обѣтъ—промолвилъ немного взволнованный хозяинъ—непремѣнно служить предъ самою чудотворною иконой?

— Да, именно; хотѣлъ-бы сподобиться этого счастья.

— Такъ позвольте-же сказать вамъ откровенно, что этому рѣшительно быть нельзя.

— Quaeritur: почему-бы такъ? quare?

— Respondetur: а потому, idcirco, что чудотворная наша икона помѣщается въ самомъ иконостасѣ, въ которомъ нарочитаго алтаря быть не можетъ; такъ какъ въ храмѣ положенъ одинъ толь-

---

1) Антиминсъ у римлянъ состоитъ изъ мраморной плиты, долженствующей, по видимому, напоминать о Голгоѳѣ.

ко главный алтарь, для прежнихъ-же боковыхъ, такимъ образомъ, не предстоитъ теперь другаго мѣста, кромѣ особыхъ придѣловъ, съ отдѣльными иконостасами.

— Вполнѣ удовлетворенъ объясненіемъ вашего высокопреподобія и преклоняюсь предъ церковнымъ обычаемъ. Да будетъ-же мнѣ вмѣнено въ дѣло мое намѣреніе—propositum pro facto. А все таки безъ обязательнаго начальничьяго вашего приказанія, по видимому, мнѣ не придется обойдтись. Хотѣлось-бы, что-бы, покрайней мѣрѣ, здѣшній оркестръ въ полномъ комплектѣ и пѣвческій хоръ сопровождали *литанію* и *супликацію*, которыя уже, въ качествѣ скорѣй обыкновеннаго богомольца, чѣмъ священнослужителя, полагаю завтра, какъ можно пораньше, отслужить предъ чудотворной иконой.

— Оркестра упоминаемаго в. в. п. при здѣшнемъ храмѣ не имѣется.

— Вотъ какъ! странно однакожъ; а то мнѣ, помнится, доводилось даже читать, будто именно на здѣшній оркестръ пожертвована была и какая-то довольно значительная деревня, никакъ: *Бяла* или *Була?*

— Что касается пѣвческаго хора—продолжалъ хозяинъ, оставляя безъ отвѣта замѣчаніе любознательнаго прелата—то онъ, какъ состоящій изъ учениковъ уѣзднаго духовнаго училища и воспитанниковъ семинаріи, не принадлежитъ къ моему завѣдыванію.

И такъ, повидимому,—сказалъ сухо прелатъ, принимаясь за шапку—мнѣ остается только извиниться предъ вашимъ высокопреподобіемъ въ неумѣстности моихъ домогательствъ, и сердечно возблагодаривъ васъ за столь радушный пріемъ, просить затѣмъ позволенія откланяться и заблаговременно отретироваться на квартиру; такъ какъ мнѣ придется еще сегодня прибѣгнуть именно къ средству рекомендованному мнѣ, сейчасъ-же послѣ моего пріѣзда, содержателемъ гостинницы, т. е. сдѣлать маленькую *консоляцію* здѣшнимъ обывателямъ, между которыми есть якобы и *католики,* и такимъ уже образомъ навербовать къ завтрашнему утру желанный мною хоръ.

Разговоръ принялъ такой неожиданный оборотъ, что со стороны хозяина не послѣдовало на этотъ разъ ровно никакого от-

ѣта и водворилось это непріятное молчаніе, котораго тяжесть ;увствуется почти всѣми присутствующими. Въ подобныхъ слу-аяхъ, каждое стороннее обстоятельство, какъ-бы оно ни было езначительно, каждая выходка, хотя-бы и самая эксцентричная, вляются, такъ сказать, какъ нельзя болѣе кстати. Такъ вышло и на этотъ разъ.

Вдругъ отдѣлился отъ нашей группы одинъ изъ молодыхъ на-ставниковъ и подойдя къ столу, за которымъ возсѣдали прелаты, отѣлъ было поправить одну изъ нагорѣвшихъ свѣчей, но, то-опясь съ доброю услугой, задѣлъ локтемъ за узелъ повязки быв-пей на лицѣ луцкаго офиціала, и стащилъ ее, да ужъ такъ удач-о, что въ тоже время, вмѣстѣ съ повязкой, полетѣли на столъ синія очки злополучнаго прелата.

Хозяинъ и господинъ Д. такъ и вскочилъ съ своихъ мѣстъ, авѣрно желая какъ-нибудь исправить, или покрайней мѣрѣ ого-ворить такую колосальную неловкость.

Но въ это мгновеніе, долговязый прелатъ вотъ становится на олѣни и начинаетъ цѣловать руки маститаго хозяина.

— Простите великодушно и извините—говоритъ онъ чистымъ же голосомъ.— Это они окаянные—указывая на насъ—навели еня на эту ересь; нашлись даже злоумышленники въ стѣнахъ амой консисторской камеры, которые продиктовали мнѣ кое-какія правки нужныя для моей роли.

— Ахъ! вы проказники! безбожники! грѣховодники!—повто-рялъ о. офиціялъ переходя отъ изумленія къ неудержимому смѣ-ху—нужно-же васъ порядкомъ наказать! Поликарпъ! достань бу-тылку шампанскаго!

— Ваше высокопреподобіе! — отвѣчалъ все еще колѣнопрекло-ненный лже-офиціялъ — не ужели отпустите безъ особеннаго на-путственнаго тоста, откланивающагося вамъ офиціяла, прелата К., о котораго *досточтимѣйшей особѣ вы столь давно и много наслышаны?*

— Твоя правда, самозванецъ! Ну, такъ и быть; Поликарпъ! принеси двѣ бутылки!

— Безподобно! безподобно!—говорилъ потирая руки господинъ Д.—Вы, милостивый государь, прекрасно себя держали. Однакожъ,

знаете, впослѣдствіи объясню вамъ почему—былъ одинъ моментъ, когда я возъимѣлъ сильное, серьозное подозрѣніе въ подлинности вашего высокаго сана. Вѣдь согласитесь—скажу вамъ между тѣмъ только намекомъ—Луцкъ-то южнѣе насъ и ближе къ Карпатамъ, а добрымъ истымъ преданіямъ старины гдѣ-же наконецъ и храниться во всей завѣтной чистотѣ, если уже не между прелатами?

Просить-ли и намъ, въ свою очередь, прощенія и извиненія у нашихъ читателей? Въ готовности къ тому, съ нашей стороны, если только нужно, не можетъ быть, конечно, никакого сомнѣнія. Но въ самомъ-ли дѣлѣ безусловно это нужно? Намъ вѣдь кажется, что невинная чистосердечная улыбка ни чуть не менѣе другихъ проявленій нашей мысли—правдивый и правомѣрный ея оттѣнокъ.

Прот. Плак. Янковскій.
(Лит. Епарх. Вѣд.)

ДРУСКЕНИЦКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО, УЧРЕЖДЕННОЕ ПРИ ЦЕРКВИ БОЖІЕЙ МАТЕРИ ВСѢХЪ СКОРБЯЩИХЪ РАДОСТИ.

Въ малонаселенной лѣсистой мѣстности, на берегу р. Нѣмана, расположено мѣстечко Друскеники. Не плодородіе почвы, не разнообразіе и красота видовъ сдѣлали извѣстнымъ этотъ скромный уголокъ. Сухой здоровый воздухъ, прохлада сосновой рощи, въ особенности же цѣлебныя свойства, случайно открытыхъ мѣстнымъ крестьяниномъ минеральныхъ водъ—вотъ та многоцѣнная особенность, которая привлекаетъ сюда ежегодно, на лѣтніе мѣсяцы, многочисленную публику.

Расположенное на границѣ западныхъ губерній съ б. Царствомъ Польскимъ, оно съ первыхъ временъ своего существованія сдѣлалось центромъ, группировкой польской интеллигенціи въ одну общую семью. Здѣсь каждый находилъ именно то, чего желалъ: больные искали облегченія отъ своихъ недуговъ въ цѣлительности минеральныхъ водъ, молодежь веселилась, магнаты соперничали между собою въ расточительности и тщеславіи, ксендзы про-

агитировали, патріоты разжигали политическія страсти. Здѣсь былъ кружокъ изъ своихъ людей, оживленный одною идеею, проникнутый однимъ общимъ стремленіемъ. Когда православные, убѣдившись въ цѣлительности водъ, стали посѣщать наше мѣстечко, то увидѣли себя совершенно чужими въ родномъ краю. Прибывъ въ Друскеники, одинокіе и безпомощные, отчужденные отъ мѣстнаго общества, они не обращали на себя ничьею здѣсь вниманія, не возбуждали ни въ комъ къ себѣ сочувствія, не вызывали ничьей о себѣ заботливости и, по отбытіи, не оставляли послѣ себя ни слѣда, ни воспоминанія. Въ самомъ дѣлѣ, русскій посѣтитель Друскеникъ не легко могъ убѣдиться, что находится еще въ предѣлахъ роднаго отечества: непонятный говоръ вокругъ, чуждые нравы, и ничего такого, что напоминало бы родину. Но что всего важнѣе,—польское общество имѣло здѣсь каменный костелъ и домъ для призрѣнія неимущихъ больныхъ; евреи молитвенный домъ и больницу; только православному не было ни мѣста для молитвы, ни пріюта—въ случаѣ безпомощности, ни братскаго привѣта. Но, благодареніе Всевышнему, это положеніе дѣлъ сдѣлалось уже достояніемъ исторіи, и для Друскеникъ начинается теперь новая, лучшая эра существованія.

Можетъ быть и до сихъ поръ, этотъ уголокъ, созданный Промысломъ для возстановленія силъ изнуреннаго тѣла, былъ бы лишенъ пріюта для успокоенія скорбной души православной, если бы Богъ не вдохнулъ въ сердце Якова Петровича Рожнова мысль объ устройствѣ въ Друскеникахъ православной церкви. Прежде чѣмъ русское общество, печальными событіями послѣдняго мятежа, убѣдилось въ необходимости церквей въ здѣшнемъ краѣ, б. гродненскій вице-губернаторъ Яковъ Петровичъ Рожновъ пожертвовалъ почти все свое состояніе на устройство друскеницкой церкви.—Въ настоящее время душа православнаго не возмущается отсутствіемъ дорогой сердцу русскаго святыни: въ центрѣ мѣстечка, на самомъ видномъ мѣстѣ, красуется изящной архитектуры въ русско-византійскомъ стилѣ, храмъ. Все что возможно для частнаго лица — было сдѣлано въ пользу православія и русской народности. Русскому обществу, православнымъ посѣтителямъ

водъ осталось оказывать нравственную и вещественную поддержку новоустроенной церкви и неимущимъ своимъ собратіямъ.

Съ этой именно цѣлію, въ истекшемъ году, по мысли нѣкоторыхъ ревнителей православія, составилось братство при друскеницкой церкви, уставъ коего при семъ прилагаемый утвержденъ духовнымъ и гражданскимъ начальствомъ. По смыслу устава, имѣются въ виду преимущественно двѣ цѣли: поддерживать друскеницкую церковь, какъ безприходную почти и находящуюся среди иновѣрцевъ, въ приличномъ православной святынѣ благолѣпіи и оказывать вспомоществованіе неимущимъ больнымъ, пріѣзжающимъ пользоваться здѣшними водами. Церковь не имѣетъ никакихъ средствъ на ремонтъ, устройство ограды и другія надобности. Съ закрытіемъ б. благотворительнаго общества неимущіе больные лишились всякой поддержки. Нравственная обязанность церкви и православнаго общества принять ихъ подъ свое покровительство. Предполагается устроить пріютъ для безплатнаго помѣщенія больныхъ, оказывать имъ вспомоществованіе раздачею, по мѣрѣ развитія средствъ и дѣйствительной надобности, ваннъ и денежнаго пособія на содержаніе. Но для осуществленія цѣлей братства необходима поддержка со стороны всего православнаго общества, съ надеждою на испытанное здѣшнимъ бѣднымъ краемъ великодушіе, котораго, братство, богатое однимъ усердіемъ къ доброму дѣлу, и начинаетъ свои дѣйствія. Если русское общество являлось столь ревностнымъ пособникомъ торжества въ здѣшнемъ краѣ православія, то братство друскеницкое вѣритъ, что оно заявитъ сугубое сочувствіе къ такому предпріятію въ которомъ дѣло Божіе такъ многознаменательно сочеталось съ дѣломъ состраданія къ неимущимъ болящимъ собратіямъ нашимъ, или, что тоже-любовь къ Богу съ любовью къ ближнимъ.

Съ полною готовностью принять участіе въ благомъ начинаніи по настоящее время заявили желаніе быть дѣйствительными членами братства:

Преосвященный Игнатій епископъ брестскій. Яковъ Петровичъ Рожновъ. Князь Димитрій Крапоткинъ. Князь Андрей Оболенскій. Екатерина Штрандманъ. Софія Скворцова. Екатерина Бѣленкова. Софія Лозвицкая. Елисавета Веленина. Петръ Веленинъ.

Ѳ. А. Пущина. Иванъ Онисимовичъ Еремичъ. Генералъ-маіоръ Заварицкій. А. Щепина. Надежда Дѣбютъ. Ѳома Павловичъ, Подполковникъ М. Ивановъ. Яковъ Полонскій. Тимоѳей Ивановичъ Христюкъ. Матѳей Петровичъ Витковскій. Иванъ Ѳеодоровичъ Никольскій. Николай Тимоѳеевичъ Валдайскій. Василій Богдановъ. Генералъ-маіоръ Бушенъ и друскеницкой церкви священникъ Ѳеодоръ Зауецинскій.

Въ собраніи братства 14 іюля сего года преосвященный Игнатій епископъ брестскій, всѣми голосами наличныхъ братій, избранъ почетнымъ президентомъ братства и въ томъ же собраніи изъявилъ свое словесное на то согласіе.

УСТАВЪ

ДРУСКЕНИКСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО БРАТСТВА, УЧРЕЖДЕННАГО ПРИ ЦЕРКВИ БОЖІЕЙ МАТЕРИ ВСѢХЪ СКОРБЯЩИХЪ РАДОСТИ.

На подлинномъ рукою его преосвященства преосвященнѣйшаго Игнатія епископа брестскаго написано «Утверждаю Игнатій Епископъ Брестскій. № 17 марта 27 дня 1868 года.

ГЛАВА I.

Цѣль братства.

1. Братство имѣетъ своею цѣлію: а) поддерживать благолѣпіе друскеникской церкви, б) оказывать, по мѣрѣ возможности, вспомоществованіе неимущимъ больнымъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, пріѣзжающимъ пользоваться друскеникскими минеральными водами, и в) содѣйствовать къ распространенію, между окрестнымъ сельскимъ населеніемъ, просвѣщенія въ духѣ православія и русской народности.

ГЛАВА II.

Средства для достиженія цѣли.

2. Цѣлей этихъ братство полагаетъ достигнуть собраніемъ необходимаго капитала, для учрежденія временной больницы, для устройства при церкви училища, для распространенія въ народѣ полезныхъ для чтенія книгъ и картинъ и для поддержанія церкви.

3. Къ осуществленію этихъ предположеній братство найдетъ

средства: а) въ постоянныхъ и временныхъ взносахъ братчиковъ, б) въ единовременныхъ денежныхъ и вещественныхъ пожертвованіяхъ частныхъ лицъ, в) въ сборахъ кружечномъ и посредствомъ членовъ братства, снабженныхъ для сего особыми книгами, и г) въ выручкѣ отъ продажи, изданныхъ братствомъ, или пожертвованныхъ въ пользу его книгъ, картинъ, иконъ и крестиковъ.

ГЛАВА III.

Составъ братства.

4. Братство состоитъ: а) изъ членовъ учредителей братства, коимъ усвоевается названіе дѣйствительныхъ братчиковъ, б) изъ членовъ благотворителей и в) почетныхъ членовъ братства.

5. Въ дѣйствительные члены братства приглашаются всѣ совершеннолѣтнія лица православнаго вѣроисповѣданія всѣхъ сословій, изъ всѣхъ мѣстностей Имперіи.

6. Членами благотворителями и почетными могутъ быть лица и другихъ христіанскихъ исповѣданій.

Примѣчаніе. Строитель друскеникской церкви дѣйствительный статскій совѣтникъ Яковъ Петровичъ Рожновъ считается почетнымъ членомъ братства.

ГЛАВА IV.

Права и обязанности братства.

7. Дѣйствительными братчиками именуются тѣ лица, кои изъявили свое согласіе на учрежденіе братства по настоящему уставу, и тѣ кои изъявятъ свое согласіе въ послѣдствіи.

8. Каждый изъ дѣйствительныхъ братчиковъ ежегодно вноситъ въ кассу братства по пяти рублей серебромъ и кромѣ того обязывается къ исполненію тѣхъ порученій, кои будутъ возложены на него общимъ собраніемъ братства.

9. Каждый дѣйствителсный братчикъ участвуетъ въ рѣшеніи дѣлъ, подлежащихъ обсужденію общаго собранія братчиковъ, можетъ присутствовать въ засѣданіяхъ совѣта, дѣлать свои заявленія по предметамъ, входящимъ въ кругъ дѣятельности братства и освѣдомляться чрезъ секретаря братства о положеніи дѣлъ и имуществѣ братскомъ; когда же братство найдетъ возможнымъ

печатать свои отчеты, то каждый братчикъ будетъ снабженъ таковымъ немедлено по отпечатаніи его.

Названіе членами благотворителями, согласно § 6-му устава, усвояется тѣмъ лицамъ, кои обяжутся ежегоднымъ взносомъ не менѣе 1 руб. сереб.

11. Члены благотворители не обязываются исполненіемъ никакихъ порученій братства, но они по своему желанію могутъ присутствовать при общихъ годовыхъ собраніяхъ и дѣлать письменно и словесно заявленія свои по предметамъ въ нихъ обсуждающимися.

12. Званіе почетныхъ членовъ братства, согласно § 5 и 6, усвоивается тѣмъ лицамъ, кои оказали какія либо особыя услуги братству и церкви, или не участвуя въ дѣлахъ братства лично сдѣлаютъ единовременно такой взносъ, процентъ отъ коего составлялъ бы не менѣе суммы годичнаго платежа дѣйствительныхъ членовъ братства, или же такимъ кои, по своему положенію, могутъ оказывать или оказываютъ содѣйствіе, защиту и покровительство братству.

13. Въ званіяхъ дѣйствительныхъ братчиковъ и членовъ благотворителей, утверждаются совѣтомъ братства тѣ изъ лицъ, кромѣ подписавшихъ сей уставъ, кои, при заявленіи о своемъ желаніи поступить въ составъ братства, представятъ опредѣленный § 8 и 10 годовой взносъ.

14. Почетные собираются и утверждаются общимъ собраніемъ братства.

15. Почетнымъ, дѣйствительнымъ членамъ и благотворителямъ выдается за подписью предсѣдателя совѣта и секретаря установленной формы дипломъ и экземпляръ устава.

16. Пріемъ членскихъ взносовъ, равно какъ и частныхъ пожертвованій записывается въ имѣющуюся для этой цѣли прошнурованную и скрѣпленную предсѣдателемъ совѣта приходо-расходную книгу братства.

17. Невзнесшіе въ теченіи двухъ льготныхъ мѣсяцевъ, т. е. въ іюлѣ и августѣ, годовой платы братчики и члены благотворители, считаются сложившими съ себя званіе.

ГЛАВА V.

Правленіе дѣлами братства.

18. Правленіе дѣлами братства поручается совѣту, составленному изъ шести лицъ выбранныхъ въ общемъ собраніи братчиковъ.

19. Въ числѣ этихъ шести лицъ одному усвояется званіе предсѣдателя совѣта братства, другому его товарища, остальнымъ четыремъ званіе членовъ совѣта. Кромѣ того, въ совѣтѣ братства присутствуетъ съ правомъ голоса также избранный общимъ собраніемъ казначей братства, на коего возлагается должность и секретаря совѣта, если то окажется удобнымъ, въ противномъ случаѣ должность эта исполняется какимъ нибудь членомъ совѣта.

20. Всѣ эти лица исполняютъ свои обязанности безвозмездно; но секретарю, по усмотрѣнію общества, можетъ быть назначено небольшое вознагражденіе, размѣръ коего опредѣляется совѣтомъ.

21. Предсѣдатель, его товарищъ и прочіе члены совѣта, избираются на три года съ тѣмъ, что по два изъ нихъ могутъ выбывать ежегодно. Перемѣна секретаря зависитъ отъ постановленія общаго собранія братства.

22. Изложенное въ предъидущемъ § правило, не препятствуетъ братчикамъ оставлять въ званіи членовъ совѣта однихъ и тѣхъ же лицъ и на болѣе продолжительное время, но не иначе, какъ по ихъ согласію и по выбору общаго собранія.

23. Въ члены совѣта преимущественно избираются тѣ изъ дѣйствительныхъ членовъ, кои имѣютъ постоянное жительство въ м. Друскеникахъ, Гроднѣ и уѣздѣ его.

24. Членами совѣта могутъ быть лица какъ мужескаго такъ и женскаго пола.

25. Дѣла братства рѣшаются большинствомъ голосовъ.

26. Для того, чтобы постановленіе совѣта могло считаться обязательнымъ требуется присутствіе, кромѣ предсѣдателя или его товарища, трехъ членовъ и секретаря.

27. Назначеніе времени и мѣста для засѣданій совѣта, опредѣляется предсѣдателемъ, но съ 15-го мая по 15-е сентября, совѣтъ должны происходить ежемѣсячно.

28. Предоставляется предсѣдателю иныя дѣла рѣшать въ со-

вѣтѣ, а другія въ общемъ собраніи братчиковъ, а также утвержденіе расходовъ на сумму не свыше 25 рублей.

29. О времени каждаго засѣданія, члены братства извѣщаются заблаговременно запискою секретаря.

30. День св. апостоловъ Петра и Павла назначается для общаго годоваго собранія братчиковъ. Въ собраніе допускаются не только всѣ члены братства, но и другія лица христіанскаго исповѣданія. Въ этотъ день собранію докладываются отчетъ за минувшій годъ, предположенія о расходахъ братства и занятіяхъ членовъ его на будущій годъ и всѣ тѣ дѣла, кои будутъ требовать разсмотрѣнія и утвержденія общаго собранія братства.

ГЛАВА VI.

Дѣлопроизводство и отчетность.

31. Дѣлопроизводство ведется на простой бумагѣ отъ имени совѣта братства, куда и адресуютъ, какъ члены братства такъ и частныя лица свои требованія и заявленія.

32. Какъ входящія такъ и исходящія бумаги записываются въ журналъ.

33. Исходящія бумаги подписываются, по назначенію предсѣдателя, однимъ изъ членовъ совѣта и секретаремъ, постановленія же совѣта всѣми членами его, при чемъ несогласившіеся съ большинствомъ излагаютъ свои мнѣнія особо на тѣхъ же постановленіяхъ.

34. Всѣ поступающія въ кассу братства суммы получаются съ почты однимъ изъ членовъ и записываются въ приходѣ въ соотвѣтственныя книги.

35. Производство расходовъ, по постановленію совѣта и личнымъ распоряженіямъ предсѣдателя, дѣлается казначеемъ или однимъ изъ членовъ совѣта, по назначенію обязанныхъ вести въ исправности приходо-расходную книгу братства.

36. Суммы братства хранятся въ особомъ сундукѣ въ церкви. Вклады и выемка ихъ дѣлается казначеемъ не иначе какъ при двухъ членахъ братства, при чемъ дѣлается надлежащая отмѣтка въ книгѣ. Сундукъ снабженъ двумя замками, ключи отъ коихъ

должны находится одинъ у казначея другой у одного изъ членовъ совѣта.

37. При накопленіи суммъ братству предоставляется обращать ихъ въ процентныя бумаги.

38. Оно печатаетъ свои постановленія въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, гдѣ публикуетъ и о всѣхъ пожертвованіяхъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: дѣйствительный членъ братства друскеницкой церкви священникъ
Θеодоръ *Заусцинскій*.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ ВИШНЕВСКОЙ И КРАСНОСЕЛЬСКОЙ.

Прошлаго 1867 года 26-го ноября освящена была во имя св. безсребренниковъ и чудотворцевъ Косьмы и Даміана нововыстроенная каменная церковь въ м. Вишневѣ Ошмянскаго уѣзда, а 28-го тогожъ ноября освящена изъ католическаго костела церковь въ память Покрова Божіей Матери въ м. Красносельѣ Вилейскаго уѣзда. На освященіе этихъ церквей, устроенныхъ въ новообразованныхъ приходахъ, изъ которыхъ въ послѣднемъ почти всѣ прихожане суть присоединившіеся къ св. церкви изъ латинства, командированъ былъ его высокопреосвященствомъ ректоръ семинаріи архимандритъ Іосифъ съ членомъ консисторіи протоіеремъ Антоніемъ Пщолкой. Съ сердечнымъ утѣшеніемъ должно сказать, что торжества освященія совершены въ полномъ благоприличномъ порядкѣ, въ сослуженіи всего духовенства мѣстныхъ благочиній, въ присутствіи мѣстныхъ уѣздныхъ властей и при собраніи огромнаго количества народа, на сколько это возможно было при тогдашней погодѣ.

Въ Вишневѣ, по освященіи храма, произнесено было священнодѣйствовавшимъ архимандритомъ Іосифомъ слово о великой милости Божіей, явленной въ освященіи храма, сооруженнаго щедротами Благочестивѣйшаго и народолюбиваго Государя Императора. На Бож. Литургіи приобщилось св. Таинъ свыше 100 человѣкъ. Все Богослуженіе народъ

слушалъ съ полнымъ вниманіемъ и молился съ благоговѣніемъ, совершенно правильно и благочестиво изображая на себѣ крестное знаменіе. При Богослуженіи, и особенно въ крестномъ ходу участвовало не мало лицъ римскаго и лютеранскаго вѣроисповѣданій; даже мѣстный ксендзъ простоялъ въ церкви всю службу, внимательно всматриваясь въ ея отправленіе, и съ умиленіемъ преклонивъ колѣна предъ св. Дарами по ихъ освященіи. Такъ и видно было, что народъ радовался, ликовалъ и внутренно и наружно. И было отъ чего радоваться! Православные прежде должны были ходить въ свои приходскія церкви верстъ за 15—20; а нынѣ—домъ молитвы и освященія близко; къ тому же увеличилась и православная паства изъ новоприсоединившихся къ св. церкви въ не маломъ числѣ латинянъ; церковь устроена благолѣпная, на видномъ, господствующемъ надъ окрестностію мѣстѣ.

Красноселье отстоитъ отъ православнаго съ церковью мѣстечка „*Краснаго*" верстахъ въ четырехъ, и составляло почти сплошной римско-католическій приходъ съ костеломъ. Народъ однакожъ помнилъ, что дѣды были уніатами и совращены въ латинство не такъ давно, когда въ Красносельѣ построенъ былъ въ началѣ 18 столѣтія на иждивеніе владѣтельницы этого мѣста—ревностной латинянки—римско-католической монастырь; народъ чувствительно понималъ также свое *русское* происхожденіе, нисколько не отличаясь отъ православныхъ сосѣдняго мѣстечка Краснаго въ языкѣ, образѣ жизни и въ прочей исторической и обиходной обстановкѣ. Монастырь, непропускавшій ни одного случая выразить сочувствіе къ мятежамъ въ прежнія времена, и по недостатку монашествующихъ, довольно давно закрытъ, а костелъ обращенъ въ приходскій; но и послѣдній мятежъ, подобно прежнимъ, обратилъ этотъ храмъ въ мѣсто служенія безпорядку, бунту, въ каѳедру проповѣданій изувѣрныхъ, такъ что русскій народъ самъ — здравымъ смысломъ своимъ—понялъ неспасительность костельныхъ богомоленій и поученій, и сплошною массою присоединился къ св. православной церкви, потребовавъ за тѣмъ отъ начальства, чтобъ и приходскій костелъ ихъ, вмѣстѣ съ ними, обращенъ былъ въ православную, приходскую для нихъ церковь. Да костелъ и строенъ былъ какъ бы для устройства въ немъ православной церкви: алтаремъ обращенъ на востокъ; зданіе

имѣетъ форму креста; для алтаря православнаго и для иконостаса планомъ костела такъ расположено было, что не требовалось ни малѣйшихъ передѣлокъ и не оказалось никакихъ затрудненій при устроеніи св. престола, иконостаса и прочихъ принадлежностей православнаго храма.—Народу на освященіе собралось такъ много, что церковь, довольно обширная, далеко не могла вмѣстить всѣхъ богомольцевъ; но, конечно, собраніе было бы и еще гораздо многочисленнѣйшее, еслибъ не помѣшала особенно снѣжная съ вѣтромъ и пурьгой погода. Мѣстный предводитель дворянства К. М. Снитко, древлеправославный въ странѣ дворянинъ и помѣщикъ, искреннеусердный и благоразумный дѣятель въ сферѣ не малотруднаго его служенія, а также вилейскій г. исправникъ, институтъ мировыхъ учрежденій, молодечнянская учительская семинарія, съ своимъ начальствомъ и пѣвчими, и другія мѣстныя власти и чины придали настоящему торжеству особый отпечатокъ общаго духовнаго веселія,—торжеству, съ которымъ такъ счастливо соединилось еще другое, именно—внесеніе, по освященіи костела, въ новоосвященный православный храмъ, всемилостивѣйше предъ тѣмъ пожалованной Казанской иконы Божія Матери. Эта св. икона, по полученіи ея изъ Вильны, съ особеннымъ уваженіемъ поутру привезена была вилейскимъ благочиннымъ протоіереемъ Балицкимъ въ мѣстечко Красно, а оттуда, взятая предводителемъ дворянства, нѣкоторыми чинами и старшинами отъ крестьянъ и прихожанъ, поднесена была къ новоосвященной церкви, предъ которою на площадкѣ была встрѣчена съ иконами и хоругвями, вынесенными священствомъ и народомъ, и за тѣмъ торжественно внесена въ самую церковь, гдѣ, по благословеніи ею народа, поставлена на возвышенномъ, особенно видномъ для всѣхъ мѣстѣ. По внесеніи св. иконы въ церковь, священнодѣйствовавшимъ архимандритомъ Іосифомъ была сказана рѣчь народу о значеніи Царева дара для прихожанъ въ ликѣ Царицы небесной; по совершенномъ окончаніи всего освященія храма произнесена была протоіеремъ Антоніемъ Пщолкой проповѣдь, въ которой благовѣстникъ, особенно хорошо знакомый съ мѣстною исторіей православія, кратко разъяснилъ слушателямъ первоначальность и судьбы его въ здѣшней странѣ, коснулся исторіи основанія мѣстнаго костела и проч., и выразилъ радость

неба и земли о томъ, что чада св. храма сего, нѣкогда отторгнутые хитростію или даже насиліемъ въ чуждый дворъ овчій, нынѣ съ любовію возвратились въ свой, праотеческій благословенный домъ Отца небеснаго, въ спасительное лоно матери — св. церкви; а послѣ причастнаго стиха сказано было слово мѣстнымъ священникомъ Василіемъ Гушкевичемъ, которое въ слѣдъ за симъ печатается. И здѣсь было причастниковъ св. Тайнамъ не малое число; причащали и малолѣтнихъ дѣтей.

Послѣ Богослуженій, какъ въ Вишновѣ, такъ и въ Красносельѣ розданы были во множествѣ народу крестики, образа, книжки духовно-нравственнаго содержанія, которые были принимаемы на перерывъ, съ радостію и благоговѣніемъ. Кстати можно сказать, что въ красносельскомъ приходѣ, еще недавно римско-католическомъ, оказалось не мало прихожанъ даже изъ великовозрастныхъ, которые уже знали русскую грамоту. И еще кстати присовокупимъ, что въ литовской епархіи не однѣ поименованныя мѣста наслаждались прошлою зимою счастіемъ описываемыхъ торжествъ; епархіальная хроника представляетъ также торжества и въ другихъ мѣстностяхъ, православный людъ въ которыхъ, не смотря на холода и морозы, согрѣвалъ себя чувствомъ любви къ родной вѣрѣ и живымъ весельемъ торжества ликующей русской народности, до послѣднихъ лѣтъ обреченной—было на уныніе и уничиженіе.

СЛОВО,

сказанное въ новоосвященной изъ костела церкви села Красноселья мѣстнымъ священникомъ Василіемъ Гушкевичемъ, на первой Литургіи послѣ причастнаго стиха.

Нѣсть ли писано, яко храмъ мой, храмъ молитвы наречется всѣмъ языкомъ; вы же сотвористе его вертепъ разбойникомъ.

Марка гл. II стр. 17.

Вотъ какъ строго укорялъ Спаситель іудеевъ и старѣйшинъ іудейскихъ, допустившихъ торговлю въ храмѣ іерусалимскомъ; и не только осудилъ допустившихъ эти безпорядки, но даже изгналъ изъ храма торговавшихъ:—и вшедъ Іисусъ въ церковь начатъ изгоняти продающія и купующія въ цер-

кви, и трапезы торжникомъ и сѣдалища продающихъ голуби испроверже, (тамъ же ст. 15).

Римско-католики, не умѣвшіе воспользоваться такимъ назидательнымъ примѣромъ, и допустившіе еще большіе безпорядки въ костелахъ — подверглись и заслуженному наказанію за оскверненіе храмовъ Божіихъ. За то, что поляки, вмѣсто Божественныхъ пѣсней, пѣли мятежныя гимны въ храмахъ, и ксендзы не только позволяли, но еще и поощряли ихъ къ тому: За все это, говорю, ксендзы, какъ осквернители храмовъ, изгоняются, а храмы ихъ отдаются православнымъ христіанамъ, для того, чтобы послѣдніе достойно восхваляли въ нихъ Всевышняго Бога.

Вы знаете православные христіяне, что и въ этомъ же самомъ храмѣ, когда онъ еще былъ римско-католическимъ, тоже пѣлись повстанскія пѣсни, говорились мятежныя рѣчи, благословлялись на бунтъ и разбои мятежные панове; здѣсь въ этомъ самомъ храмѣ, вмѣсто того, чтобы проповѣдывать и внушать христіанамъ взаимную любовь, страхъ Божій и благочестіе, ксендзы проповѣдывали христіанамъ ненависть къ такимъ же христіанамъ; учили убійствамъ и поджогамъ, приводили къ присягѣ мятежникввъ; однимъ словомъ, храмъ этотъ, предназначенный для молитвы и прославленія имени Божія, сдѣлали вертепомъ разбойниковъ! За такія беззаконныя дѣйствія и оскверненіе этого храма, Богъ судилъ, чтобы ксендзъ былъ удаленъ отсюда навсегда, а храмъ этотъ, обновленный и очищенный отъ мятежно-польской нечистоты молитвеннымъ освященіемъ, сдѣлался собственностію св. православной церкви. Все же это совершилось по волѣ Бога, все направляющаго къ лучшему. Ибо кто же, какъ не Богъ просвѣтилъ вашъ умъ, открылъ вамъ глаза, — такъ что вы уразумѣли и убѣдились въ томъ, что въ нечистыхъ, замаранныхъ кровію рукахъ ксендзовъ не можетъ оставаться чистою и религія христіанская; почему вы на призывъ пастырей православныхъ и на желаніе православнаго Царя всѣ, за исключеніемъ только шляхты польской, соединились съ св. православною церковью. Такое приращеніе чадъ православной церкви есть несомнѣнный признакъ благоволенія Божія къ нашей православной вѣрѣ. И такъ, христіане, если еще Богъ милосердый терпитъ

грѣхи наши и не караетъ васъ; но еще благодѣтельствуетъ намъ, изливая на насъ милости щедрою своею рукою чрезъ благочестивѣйшаго Государя нашего: то будемъ же старатся и напредь быть достойными этихъ милостей Божіихъ. Поэтому всегда памятуя заповѣдь Христову: воздадите убо кессарева кессареви и Божія Богови, — мы должны прежде всего, и больше всего любить Бога, а послѣ Бога, избраннаго Богомъ и поставленнаго надъ нами Государя Императора, какъ помазанника Божія.—А сколько есть побужденій, обязывающихъ васъ любить своего Государя! Онъ освободилъ васъ отъ крѣпостнаго права и сдѣлалъ васъ людьми свободными, далъ вамъ надѣлъ земли и сдѣлалъ васъ изъ рабовъ землевладѣльцами. Онъ завелъ для вашихъ дѣтей училища, и такимъ образомъ далъ вашимъ дѣтямъ средства научиться разуму, истинному Богопознанію и благочестію, и выйдти изъ того невѣжества, въ которомъ вы пребывали. Онъ устроиваетъ для васъ храмы Божіи, чтобы вы имѣли гдѣ приносить молитвы и благодаренія Всевышнему Богу за ниспосланныя вамъ благодѣянія. Его же щедротами устроенъ и обновленъ нынѣ посвященный храмъ. Наконецъ, чтобы выразить свою радость о соединеніи вашемъ съ православною церковію, благочестивѣйшій Государь Императоръ прислалъ вамъ въ даръ и благословеніе икону Пресвятыя Богородицы, предъ святымъ образомъ которой навѣрно Самъ не разъ молился о благѣ и счастіи своихъ вѣрноподданныхъ. Но не одинъ Государь радуется о присоединеніи вашемъ къ прародительской вѣрѣ, а совмѣстно съ Государемъ радуются всѣ русскіе люди и вся Россія! Вы видите ясное доказательство этого въ сегоднешномъ торжествѣ. Высокоименитый архипастырь нашъ послалъ высокихъ духовныхъ сановниковъ къ намъ, чтобъ освятить храмъ сей какъ можно торжественнѣе и преподать намъ благословеніе; вотъ пожаловали къ намъ къ сегоднешнему торжеству и ваши начальники повѣренные слуги Царскіе! Прибыли же къ намъ всѣ эти высокіе гости, конечно, потому только, чтобы засвидѣтельствовать свою радость о томъ, что вы сдѣлались истинными русскими вѣрноподданными, какъ говорится, по вѣрѣ и по духу.

Умѣйте же цѣнить православные, такую любовь къ вамъ русскаго Государя и всѣхъ русскихъ людей; старайтесь

быть за это благодарными. А главное, не забывайте молиться Богу о томъ, чтобы Онъ Всевышній продлилъ жизнь возлюбленнаго Государя Императора нашего, общаго отца и благодѣтеля; и всегда помните, что благо и счастье ваше соединено съ Россіей, а безъ Россіи оно немыслимо.

Но такъ какъ между вами, новые братья наши по вѣрѣ, есть еще и такіе, которые упорствуютъ въ заблужденіи католицизма; то вы должны стараться силою убѣжденія и братскими совѣтами возвратить ихъ къ прародительской вѣрѣ нашей, т. е. къ православной вѣрѣ.

Ты же, Царице небесная, явившая свой Божественный Ликъ въ древнемъ русскомъ городѣ Казани, прославленный безчисленными чудесами, и здѣсь присущая съ нами въ образѣ, дарованномъ монаршіею милостію для здѣшней новокрасносельской церкви: — моли возлюбленнаго Сына своего и Бога нашего о соединеніи всѣхъ насъ въ едино-нераздѣльное стадо Его, дабы мы всѣ едиными устами и единымъ сердцемъ исповѣдывали и прославляли Святое имя Бога Отца, Сына и Св. Духа, — Тройцу единосущную и нераздѣльную. Аминь.

(Лит. Еп. Вѣд.)

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СУЩЕСТВОВАВШЕМЪ ВЪ ГОРОДѢ НЕВЕЛѢ ЦЕРКОВНОМЪ БРАТСТВѢ И ОБЩЕСТВѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ ЦЕРКОВНАГО ПѢНІЯ.

(Статья А. Сементовскаго).

Поляки и ксендзы, въ особенности іезуиты, въ продолженіи двухсотъ-лѣтняго господства въ здѣшнемъ краѣ, съ такимъ усердіемъ изглаживали слѣды православія и русской народности, что ни въ одномъ, даже изъ самыхъ древнихъ и знаменитѣйшихъ мѣстныхъ православныхъ монастырей и храмовъ нельзя найдти не только всѣхъ, но даже и главнѣйшихъ, а часто и вовсе никакихъ документовъ и вещественныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о времени основанія храма и минувшихъ судьбахъ его. Чего не успѣли уничтожить поляки и ксендзы, то беретъ всесокрушающая рука времени, и такимъ образомъ, мало-помалу, исчезали памятники нашей старины, а въ памяти народа, хотя и сохра-

няются объ нихъ воспоминанія, но, передаваемыя изъ рода въ родъ изустнымъ преданіемъ, воспоминанія эти становятся болѣе и болѣе сбивчивыми и до такой степени неправдоподобными, что часто дѣлаются похожими на сказку, выдуманную празднымъ воображеніемъ; а потому тщательное собраніе и сбереженіе печатнымъ словомъ для памяти потомства, хотя бы отрывочныхъ и повидимому маловажныхъ свѣдѣній о нашихъ святыхъ храмахъ и о существовавшихъ при нихъ братствахъ, является необходимостью. На каждомъ изъ насъ православныхъ лежитъ долгъ беречь для потомковъ достояніе его предковъ; но на тѣхъ кто стоитъ къ дѣлу ближе, уплата долга требуется настоятельнѣе. Мы съ своей стороны сдѣлали въ этомъ случаѣ все, что могли; мы составили списокъ всѣхъ православныхъ богослужебныхъ зданій губерніи 1), а это стоило намъ не малаго труда, описали всѣ безъ изъятія храмы города Витебска 2), тадулинскій—Свято-Успенскій 3) и полотскій Борисоглѣбскій монастыри 4), напечатали, въ составленныхъ нами Памятныхъ книжкахъ Витебской губерніи, исторію витебскаго Маркова 5), и полотскаго Спасо-Евфросиніевскаго 6) монастырей, способствуя составителю ихъ всѣмъ, что только отъ насъ зависѣло *); мы и нынѣ не перестаемъ собирать свѣдѣній о нашихъ православныхъ храмахъ и о судьбѣ бывшихъ при нихъ братствъ, но труды наши, безъ ближайшаго и искренняго въ нихъ участія мѣстнаго духовенства, не принесутъ тѣхъ плодовъ, какіе бы желательно видѣть, а потому мы печатно обращаемся къ почтенному кругу нашего православнаго духовенства, и ко всѣмъ русскимъ, съ покорнѣйшею просьбой: принять участіе въ собра-

---

1) Памятная книжка виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 годъ, отъ 318—385 стр.

2) Памятная книжка Витебской губерніи на 1865 годъ, стр. 125.

3 и 4) Памятная книжка Витебской губерніи за 1866 годъ, стр. 38—76.

5) Памятная книжка Витебской губерніи за 1865 годъ, стр. 3.—

6) Памятная книжка Витебской губерніи за 1864 г., стр. 3.—43.

*) Описаніе всѣхъ этихъ монастырей и храмовъ сдѣлано было и прежде г. Говорскимъ, помѣстившимъ оное сперва въ Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1858 г., а потомъ и въ издаваемомъ имъ „Вѣстникѣ Западной Россіи“ за 1862—63 и 63—64 годы. *Ред.*

нія и сообщенія намъ для напечатанія всевозможныхъ свѣдѣній о судьбѣ нашихъ святыхъ храмовъ 1); на первый же разъ мы съ своей стороны сообщаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о бывшемъ при невельскомъ монастырѣ братствѣ и обществѣ церковнаго пѣнія, а также два акта, относящіеся къ сооруженію церквей этого монастыря и надѣла ихъ угодьями. Свѣдѣнія эти извлечены нами изъ связки, уцѣлевшей отъ пожара, бывшаго въ г. Невелѣ въ 1865 году, переданной намъ благочиннымъ монастырей о. архимандритомъ Григоріемъ.

Время образованія и утвержденія существовавшаго сперва при Благовѣщенской, а потомъ при Свято-Преображенской церкви, невельскаго мужскаго монастыря церковнаго братства, какъ и время основанія самаго монастыря, съ точностію неизвѣстно, хотя нѣтъ сомнѣнія, что и братство и монастырь принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ мѣстныхъ православныхъ учрежденій. Однакожъ изъ уцѣлевшихъ отъ пожара и сообщенныхъ намъ, какъ выше сказано о. архимандритомъ Григоріемъ, документовъ, между прочимъ, видно: что еще въ 1801 и 1803 годахъ довѣренный отъ невельскаго городскаго общества купецъ Андрей Отрошкевичъ, обращаясь съ просьбой къ архіепископу бѣлорусскому и могилевскому Анастасію, а въ 1807 году къ архіепископу могилевскому и витебскому Варлааму о возстановленіи при невельскомъ монастырѣ братства и о разрѣшеніи выбрать изъ числа братчиковъ *старосту и младшихъ*, какъ это дѣлалось съ 1710 года, писалъ «что состоящая при томъ монастырѣ каменная Преображенская церковь, заложенная въ 1725 и оконченная въ 1742 го-

1) Мы не дѣлаемъ и не вправѣ дѣлать нашему духовенству упрека въ равнодушіи ихъ въ этомъ случаѣ. Гдѣ ни случалось намъ быть для изученія мѣстной православной старины, вездѣ духовенство оказывало намъ полное сочувствіе и содѣйствіе.—Имена же нашихъ сочленовъ по Комитету: бывшаго настоятелемъ Маркова монастыря архимандрита Анатолія, іеромонаха Сергія, о. о. Михаила Красовицкаго и Василія Волкова, а также имена отцовъ архимандритовъ: Онуфрія и Григорія и протоіерея Іадора Голембіовскаго мы не можемъ произнести безъ чувства глубокой къ нимъ благодарности за оказанное ими намъ содѣйствіе въ изученіи мѣстной церковной старины.

ку украшена утварью и вкладами вѣрителей его предковъ и на собираемыя чрезъ братчиковъ доброхотныя даянія, но что по удаленіи отъ нея въ 1795 году игуменомъ Сосипатромъ братства, чрезъ 12 лѣтъ, приходитъ въ ветхость и чрезъ смотрителей ея разоряется»; вслѣдствіе этой просьбы, въ 1807 году, по резолюціи преосвященнаго Варлаама затребованы отъ Отрашкевича свѣдѣнія: на какомъ основаніи существовало невельское церковное братство, какой имѣло уставъ, когда и почему уничтожено? Вопросы эти сдѣланы были также и игумену невельскаго монастыря Захарію, который показалъ: «слыхалъ де онъ игуменъ, что дѣйствительно существовало тамъ (т. е. при Свято-Преображенской церкви, невельскаго монастыря) братство, по какимъ же правиламъ или привиллегіямъ, и имѣются ли оныя бумаги, гдѣ налицо—несвѣдущъ.» Изъ сообщенныхъ Отрошкевичемъ свѣдѣній видно, что хотя ни у его, ни въ архивахъ монастыря не сохранилось никакихъ грамотъ, или привиллегій на учрежденіе при невельской, монастырской Свято-Преображенской церкви братства, но что существованіе таковаго въ интересахъ церкви, доказывается: а) указомъ изъ псковск. д. конс. отъ 22 марта за № 467 *) объ исправленіи монастырской церкви, изъ собираемыхъ братствомъ сборовъ», подъ наблюденіемъ игумена Маркелла; б) выписью 1694 года изъ книгъ экономическихъ о надѣлѣ братчикомъ Петромъ Быховцемъ для б. Благовѣщенской монастырской церкви двухъ службъ въ урочищѣ Сипово; с) Видимусомъ изъ книгъ магдебургіи полоцкой, исходатайствованнымъ невельскимъ братчикомъ Семеномъ Жданко на возобновленіе вмѣсто горѣвшихъ Свято-Благовѣщенской и Свято-Николаевской монастырскихъ церквей; d) изъ указа псковской консисторіи игумену Юстину отъ 16 апрѣля 1773 года о присоединеніи монастыря къ псковской епархіи, коимъ невельское братство оставлено въ своей силѣ; е) изъ указа той же консисторіи отъ 11-го августа 1777 года, въ коемъ объясняется, что «Преображенской церкви братчики были строителями ея изъ

*) Листъ изъ входящаго монастырскаго журнала, но какой годъ неизвѣстно. Маркелъ игуменствовалъ съ 1776 года, а потому очевидно, что и распоряженіе консисторіи относилось къ этому времени.

собственности своей, а не казеннымъ иждивеніемъ и что ни есть церковной утвари, ризницы и прочее отъ нихъ исправлено и они о всемъ стараніе имѣли» f) изъ указозъ той же консисторіи отъ 12 февраля и 6 апрѣля 1780 года о производствѣ свѣчной передачи кошельковыхъ денегъ братству на покрытіе желѣзомъ церкви.

Могилевская духовная консисторія, разсмотрѣвъ въ 1811 году объясненіе Острошкевича и при его прошеніи документы, хотя и не нашла въ нихъ «ни малѣйшаго основанія—по каковому праву и на какихъ положеніяхъ существовало, да и почему опять уничтожено невельское братство,» но убѣждаясь изъ приложенныхъ Острошкевичемъ документовъ, что братство при невельскомъ монастырѣ дѣйствительно существовало, постановила: «хотя просители не имѣютъ никакого привиллегированнаго права на возстановленіе изъ нихъ братства, однако, какъ таношнее общество ищетъ того усильно, изъявляя усердіе къ пользѣ церкви, а вы съ братіею представляете необходимость учрежденія таковаго ради исправленія ветхостей онаго монастыря и церквей, то въ уваженіе сихъ обстоятельствъ таковое братство, до усмотрѣнія изъ того благоустройства и пользы церквамъ, возобновить нынѣ позволить и опредѣляя старостою церковнымъ избраннаго ими мѣщанина Николая Ерша, велѣть имъ завести для записки вкладовъ ихъ и расходовъ изъ того особую книгу, которыя однако всѣ издержки употреблять имъ съ вѣдома и согласія настоятеля монастыря и по прошествіи каждаго года представлять оную (книгу) за общимъ подписомъ начальника монастырскаго и старосты къ разсмотрѣнію въ консисторію, для чего инструкцію тому старостѣ о должности печатную дать.»

Была ли разсмотрѣна и одобрена консисторіей инструкція церковному старостѣ, братствомъ избранному, а равно въ какой мѣрѣ возстановилось невельское братство, изъ дѣлъ не видно; что касается собственно инструкціи старостѣ, то, судя по сохранившемуся проэкту ея, она заключалась въ слѣдующемъ:

1. Староста былъ повѣреннымъ отъ братчиковъ и прихожанъ невельскія Преображенскія церкви, что при монастырѣ; избирался онъ, изъ числа довѣрія достойныхъ людей, для храненія и употребленія церковныхъ денегъ и всякихъ вещей съ согласія настоя-

теля монастыря и утвержденія епархіальнаго архіерея на 3 года, по истеченіи коихъ на его мѣсто избирался другой, или по желанію на другое трехлѣтіе утверждается прежній по надлежащемъ освидѣтельствованіи дѣлъ ему препорученныхъ.

2. При вступленіи въ должность староста обязанъ былъ повѣрить все церковное имѣніе по описи, которая должна была быть за шнуромъ и печатью консисторіи, за подписаніемъ прежнихъ старостъ и настоятеля монастыря; ему вручались приходо-расходныя книги прежнія и вновь заведенныя. Буде при повѣркѣ церковнаго имущества что либо не оказалось, или оказалось поврежденнымъ отъ небреженія, то цѣнность вещи взыскивалась съ старосты, а въ случаѣ его смерти съ наслѣдниковъ имѣнія его.

3. Староста обязывался, въ обыкновенное при священнослуженіи время, собирать, отъ доброхотныхъ дателей, въ кошелекъ или ящикъ деньги и таковыя отдавать младшимъ по немъ, избраннымъ отъ братства для продажи свѣчь и въ томъ брать отъ нихъ отчетъ, въ свое время; наблюдать чтобы свѣчи зажигались и гасились по уставу церковному; принимать дѣлаемыя въ церковь приношенія и всякія вещи, къ церковному употребленію служащія; смотрѣть за сохранностію церковной суммы, равномѣрно и за чистотою церкви, пещись о цѣлости церковнаго имущества, принимать приносимые на позвонное по умершихъ деньги и вносить въ особую опись пріобрѣтенныя для церкви вещи.

Возлагалось также на обязанность старосты наблюдать за благоустройствомъ монастыря съ правомъ о безпорядкахъ по оному доносить, при этомъ въ отправленіе старостой своей обязанности никто не имѣлъ права вмѣшиваться, а въ случаѣ преступленія съ его стороны онъ подвергался взысканію—судебному преслѣдованію.

4. Деньги выручаемыя отъ продажи свѣчей, собираемыя въ кошелекъ и кружку, получаемыя отъ доброхотныхъ дателей и на позвонное, староста долженъ былъ опускать немедленно въ ящикъ для того устроенный; ящикъ этотъ имѣлъ быть за ключемъ его старосты и печатью настоятеля монастыря, ежели онъ того желалъ. По окончаніи каждаго мѣсяца, староста обязывался записывать въ шнуровыя книги приходъ денегъ, означая сумму прихода цыфрами и складомъ и поясняя сколько, какихъ именно

вкладовъ поступило, при чемъ избѣгать подчистокъ и поправокъ; тоже правило требовалось соблюдать и при выпискѣ денегъ въ расходъ.

5. По истеченіи года, староста въ присутствіи настоятеля монастыря, братчиковъ и почетнѣйшихъ прихожанъ, буде они отъ того не отрекутся, дѣлалъ повѣрку суммъ и произведенныхъ изъ нихъ расходовъ и затѣмъ всѣ остающіяся на лицо деньги отдавалъ для храненія въ кладовую, за ключами и печатями своею и настоятеля монастыря. Актъ свидѣтельствованія суммъ подписывался всѣми при томъ бывшими лицами, о чемъ, съ представленіемъ перечневой вѣдомости, доводилось до свѣдѣнія консисторіи.

6. Возлагалась также на старосту покупка нужныхъ для церкви вещей и другихъ предметовъ, какъ то: воска, вина, муки для просфоръ и проч., заключеніе договоровъ на починки и пристройки, но неиначе какъ съ согласія настоятеля монастыря, братства и почетнѣйшихъ прихожанъ; въ случаѣ же надобности произвести починки внутри алтаря церкви, то на производство таковыхъ испрашивалось благословеніе архипастыря.

Изъ этого видно, что братство въ лицѣ избраннаго имъ старосты, имѣло въ своихъ рукахъ нетолько всю хозяйственную и распорядительную часть, но даже и нѣкоторый надзоръ за порядкомъ въ монастырѣ вообще; понятно что такое участіе братства не могло не имѣть самыхъ полезныхъ послѣдствій нетолько для внѣшняго, но и для внутренняго благоустройства обители и ея храмовъ. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ въ рукахъ никакихъ документовъ, по коимъ можно было бы судить о томъ, въ какой мѣрѣ братство исполняло свою обязанность и долго ли продолжалась его дѣятельность, а также когда и почему оно прекратило свое существованіе.

(Вит. Губ. Вѣд.)

(Продолженіе будетъ).

О ВАЖНОМЪ ЗНАЧЕНІИ УСИЛЕНІЯ И РАЗВИТІЯ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ РУССКАГО СЕМЕЙНАГО ЭЛЕМЕНТА.

Въ „Вил. Вѣст." помѣщена интересная статья о важномъ значеніи усиленія и развитія въ С. З. краѣ русскаго семейнаго элемента. Статья эта основана на статистическихъ данныхъ:

„Извѣстно, какое важное значеніе, пишетъ „Вил. Вѣстн.", имѣетъ въ нравственномъ отношеніи степень семейственности въ обществѣ; но менѣе извѣстно и то, какое общественное зло влечетъ за собою отсутствіе ея, или развитіе въ ущербъ ей холостаго состоянія, въ особенности при изолированной жизни, среди чуждаго, иновѣрнаго, иноплеменнаго и потому мало пріязненнаго населенія. Общіе статистическіе выводы, основанные на вычисленіяхъ по огромному числу случаевъ, показываютъ, что въ такой безсемейной средѣ господствуетъ обыкновенно гораздо большая степень распутства, азартныхъ игръ, пьянства и другихъ пороковъ, а слѣдовательно и сопряженныхъ съ ними болѣзней и смертности. На эти мысли навело насъ изученіе нѣкоторыхъ статистическихъ данныхъ о рождаемости, смертности и бракахъ въ Виленской и Ковенской губерніяхъ, среди городскаго населенія, у православныхъ, римско-католиковъ и евреевъ за 1864 годъ. Годъ этотъ былъ временемъ самаго обильнаго прилива въ наши шесть губерніи русскихъ людей изъ внутреннихъ губерній, когда ими замѣнялись чиновники польскаго происхожденія. Вотъ что оказывается по цифрамъ за этотъ годъ.

Въ то время, какъ у здѣшнихъ римско-католиковъ, считающихъ себя поляками, а также евреевъ, женщинъ, по общему статистическому закону, нѣсколько болѣе, нежели мужчинъ, у православныхъ, въ городахъ напр. Виленской губерніи, совершенно наоборотъ—мужчинъ было въ 1864 году почти вдвое болѣе нежели женщинъ, именно на 7526 мужчинъ приходилось только 4769 женщинъ, а въ самой Вильнѣ пропорція еще неутѣшительнѣе, ибо на 4643 мужчины—только 2283 женщины. Вотъ почему въ Вильнѣ при 91-мъ въ то время брачномъ союзѣ между православными — 76 браковъ заключено между православными и лицами другихъ христіанскихъ исповѣданій, само собою разумѣется преимущественно съ католиками, тогда

какъ *въ цѣлой губерніи* между лицами разныхъ иновѣрческихъ исповѣданій заключено всего только *пять* смѣшанныхъ браковъ; даже въ сельскомъ православномъ населеніи почти четвертая доля (548) браковъ было заключено съ лицами иновѣрныхъ исповѣданій. Разумѣется, что при ненормальной пропорціи между мужчинами и женщинами у православныхъ въ городскомъ населеніи, и рождаемость и смертность представляютъ у нихъ въ 1864 году цифры также неутѣшительныя: такъ въ то время, какъ у римско-католиковъ прибыло населенія собственно въ Вильнѣ 1,32°|₀ у православныхъ—разумѣется отъ множества холостыхъ людей — 353 человѣка или только 0,4%. Смертность у нихъ въ городахъ выражается огромною цифрою 575 на 12285 человѣкъ (при 595 родившихся), изъ которыхъ 410 умерло однихъ мужчинъ и преимущественно взрослыхъ: 228 въ возрастѣ отъ 20—50 лѣтъ, то есть слишкомъ вдвое нежели отъ 1—5 лѣтъ, такъ что прибыли въ православномъ населеніи всѣхъ городовъ Виленской губерніи только 20 человѣкъ, или 0,16°|₀! Въ самой Вильнѣ умерло православныхъ 345 человѣкъ—на 78 женщинъ 247 мужчинъ,—а изъ нихъ 146 также въ возрастѣ отъ 20—50 лѣтъ, между тѣмъ какъ у римско-католиковъ смертность въ этомъ возрастѣ, по общему статистическому закону, самая малая: прямое доказательство ничтожнаго процента въ 1864 году семейныхъ людей въ средѣ православныхъ и огромнаго преобладанія холостяковъ. Въ Ковенской губерніи статистическія данныя за тотъ же 1864 годъ усиленнаго переселенія сюда русскихъ людей приводятъ къ неменѣе печальнымъ соображеніямъ. Тамъ православно-русское населеніе всей губерніи на милліонъ слишкомъ жителей выражалось цифрою только 21,572 души обоего пола, въ числѣ которыхъ 17306 (*) мужчинъ и слишкомъ вчетро менѣе женщинъ, то есть 4266, между тѣмъ въ остальномъ населеніи губерніи (римско-католиковъ, лютеранъ, раскольниковъ, евреевъ) отношеніе половъ совершенно нормальное— число женщинъ превышаетъ число мужчинъ. Приращеніе населенія, подобно губерніи Виленской, также только 0,43%,

*) Полагать надобно, что въ это число, кромѣ постоянныхъ мѣстныхъ военныхъ командъ—жандармскихъ, полицейскихъ, гарнизонныхъ, инвалидныхъ и пограничной стражи—вошли и регулярныя войска.

то есть слишкомъ въ четверо меньше нежели у римско-католиковъ, въ шерстеро менѣе лютеранъ и почти въ 5½ разъ менѣе раскольниковъ. Браковъ у православныхъ въ Ковенской губерніи 1 на 127, тогда какъ у католиковъ 1 на 96; причемъ изъ всего числа православныхъ браковъ (169) болѣе половины, то есть 87, заключено между православными и лицами другихъ христіанск. исповѣданій. Преобладеніе холостяковъ въ городскомъ населеніи почти тоже, что и въ Виленск. губерніи.

Въ вышедшей недавно „Памятной книжкѣ Виленскаго генералъ-губернаторства,“ изданной витебскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ подъ редакціею Сементовскаго, помѣщены между прочимъ нѣкоторые матеріалы для статистики за 1866 годъ. Изъ данныхъ этихъ оказывается, что въ теченіе двухлѣтняго періода времени съ 1864 года, не особенно замѣтно улучшилось семейное положеніе православно-русскихъ людей. Такъ напр. по Виленской губерніи вмѣсто прежняго числа 7526 мужчинъ и 4759 женщинъ городскаго православнаго населенія явилось 8328 мужчинъ на 5647 женщинъ, (кромѣ регулярнаго войска, разумѣется, въ массѣ болѣе холостаго), то есть вмѣсто прежнихъ 63 женщины на 100 мужчинъ, стало 67 на 100; въ самой же Вильнѣ вмѣсто 4643 мужчинъ на 2283 женщины стало 5069 на 2987, т. е. изъ 49 женщинъ на 100 мужчинъ стало 58. Прогрессъ не великій. Средствомъ выхода изъ такого ненормальнаго въ здѣшнихъ губерніяхъ склада нашего общества есть—привлеченіе въ край, если не исключительно, то преимущественно женатыхъ, обставивъ переводъ ихъ сюда большими привиллегіями, нежели холостыхъ, подобно тому какъ напр. для привислянскихъ губерній существуетъ положеніе, обезпечивающее семейнаго чиновника особымъ денежнымъ вспомоществованіемъ, и довольно значительнымъ, на воспитаніе дѣтей. При холостомъ положеніи, по приведеннымъ выше соображеніямъ, легко возможно здѣсь пониженіе уровня нравственности, ослабленіе въ чуждой сферѣ своей русской народности и даже, въ довершеніе всѣхъ золъ,—ополяченіе, не говоря уже объ удобоподвижности безсемейнаго, вслѣдствіе которой - трудно разсчитывать на его прочное водвореніе на одномъ мѣстѣ. Ничего подобнаго немыслимо при господствѣ семейственности; въ семьѣ крѣпко держится своя родная тра-

диція, въ семью, слѣдовательно, не легко вторгаться чуждымъ вліяніямъ, напротивъ того — семья, какъ принадлежащая къ *господствующей* народности, сама распространяетъ вліяніе своихъ идей и нравовъ. При семейственности прекратится наконецъ огромное преобладіе въ православно русской средѣ браковъ съ иновѣрками, прекратится это, такъ сказать, поглощеніе насъ окружающимъ, между тѣмъ какъ въ нашихъ же рукахъ—возможность противоположныхъ явленій. Желательно поэтому, чтобы на начало семейственности обращено было должное вниманіе покрайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Ковенской губерніи, гдѣ наши служилые люди являются пока единственными представителями родныхъ интересовъ, обычаевъ и интеллигенціи."

РУССКАЯ ВИЛЬНА.

Одинъ изъ горячихъ русскихъ патріотовъ назвалъ когда-то „Вильну едвали не болѣе русскою чѣмъ Москва." Та часть нашей прессы, которая любитъ пробавляться придирками и сплетнями, сдѣлала это выраженіе патріота мишенью своихъ малометкихъ выстрѣловъ, предметомъ своей посильной юмористики. Выраженіе это, дѣйствительно, несвободно отъ преувеличенія въ отношеніи въ Москвѣ, но оно не далеко отъ истины въ примѣненіи къ Вильнѣ. Во всякомъ случаѣ пресса поступила бы разумнѣй и честнѣе, еслибъ она направляла свои выстрѣлы и юмористику противъ преувеличеній противоположнаго семейства, противъ патріотовъ другаго закала. Впрочемъ мы не намѣрены, въ настоящемъ случаѣ, пускаться въ глубокую древность, не намѣрены доказывать, что Вильна едвали не столькоже была русскою въ XIII вѣкѣ, какъ и Москва,—мы теперь оглянемся вокругъ себя и посмотримъ на ту Вильну, которая *есть*, а не на ту, которая *была*.

По числительности народонаселенія, Вильна, конечно, городъ даже не полурусскій: на долю русскаго элемента въ ней приходится изъ общей суммы населенія менѣе 10% 1); но эти 10% служатъ нагляднымъ доказательствомъ, что одинъ числовый перевѣсъ населенія не всегда даетъ инициативу отправленіямъ общественной жизни, что принципы нравственные ча-

сто берутъ перевѣсъ надъ привычками и обычаями народныхъ массъ, сообщаютъ странѣ физіономію, гражданственность и цивилизацію меньшинства. Правда, мы испытываемъ нѣкоторыя лишенія во время еврейскихъ праздниковъ, замѣчаемъ притокъ не русскихъ соковъ въ Кальварію, построенную въ 1662 году „*въ память изгнанія изъ Вильны варварскаго нашествія московитовъ*“ 2); но эти аномаліи, какъ исключенія изъ правила, весьма рѣдко и слишкомъ мало поражаютъ наши чувства: всегда и во всемъ проявленія русской жизни берутъ верхъ надъ тѣми, которыя наслоены были странѣ враждебнымъ ей гнетомъ. Осмотримся вокругъ и себя и, минуя коренныя, внутреннія условія края, бросимъ мимолетный взглядъ на нѣкоторыя внѣшнія явленія, сообщающія Вильнѣ русскую физіономію.

Еще при покойномъ графѣ Муравьевѣ, р. католическія процессіи совершали свои отправленія слишкомъ шумно и торжественно для религіи не господствующей. Особенною затѣйливостью и *помпой* отличалась процессія въ праздникъ тѣла Христова. Въ церемоніалѣ ея отправленій принимала участіе не только слишкомъ изысканная и многосложная обрядность религіозно-христіанская, но и остатокъ одного изъ обрядовъ языческихъ. Извѣстно, что процессія въ честь „Божьяго тѣла“ начиналась ходомъ отъ р. католическаго собора и оканчивалась на площади предъ дворцомъ. Фронтонъ дома обращался во временный алтарь, уставленный иконами, статуями, подсвѣчниками, разукрашенный коврами и разными занавѣсами. Въ составъ церемоніала входило шествіе представителей всѣхъ цеховъ съ ихъ знаменами. Лишь только заканчивалась религіозная часть процессіи, каждый изъ представителей цеха выступалъ изъ группы своихъ сотоварищей, подходилъ къ алтарю, крестился, преклонялся на мгновеніе однимъ колѣномъ на землю, снова поднимался, дѣлалъ на четыре стороны крестъ по воздуху знаменемъ, потомъ, однимъ махомъ, девять круговъ надъ головой,—повторялъ первый обрядъ и уступалъ свое мѣсто преемнику. Какъ и что выражала эта часть церемоніала рѣшить довольно трудно, такъ какъ никакая натяжка не можетъ объясниться даже изъ *ритуаловъ* (обрядниковъ) латинскихъ, столь богатыхъ разнообразіемъ и вычурностью обрядовъ. Скорѣе— это, какъ замѣчено выше,—остатокъ какой-то обрядности языческой, сохранившейся преемственно между литовцами и неиз-

гнанной ксендзами изъ обычнаго латинству снисхожденія къ привязанностямъ прозелитовъ. Мы думаемъ, что этотъ обрядъ есть примѣненное къ отправленіямъ р. католической религіи языческое посвященіе знаменъ богу войны, такъ какъ устройство цеховъ по магдебурскому праву заключаетъ въ себѣ довольно воинскаго элемента. Теперь прекратились р. католическія религіозныя процессіи не только въ Россіи, но и во многихъ націяхъ, въ которыхъ р. католическая религія считается господствующею, тогда какъ крестный ходъ православный въ память возсоединенія уніатовъ, ежегодно совершается въ день „тѣла Христова."

За то религія православная весьма часто даетъ сознавать туземцамъ, что она здѣсь религія господствующая. Особенно это замѣтно во время нѣкоторыхъ праздниковъ. Есть много городовъ русскихъ, — не исключая и русскаго „Іерусалима"— Кіева,—уступающихъ первенство еврейско-польской Вильнѣ въ торжественности и нарядности во время важнѣйшихъ праздниковъ православныхъ. Выходите вы, напр., въ полночь предъ Пасхой на улицу, и ваше вниманіе поражаетъ движеніе народныхъ массъ, а зрѣніе — блистательное освѣщеніе улицъ и домовъ — христіанскихъ и не христіанскихъ. Идете вы въ церковь въ день Пятидесятницы, и ваше зрѣніе услаждаетъ зелень, которою окаймлены узкія улицы и переулки Вильны, и вы идете среди импровизированной аллеи, въ устройствѣ которой евреи нисколько не отстали отъ христіанъ: передъ домами первыхъ, какъ и послѣднихъ, вы не найдете ни одного тротуарнаго столбика, не отѣненнаго березкой, или другимъ деревцомъ. Въ торжественные моменты православно-русской жизни, церкви виленскія съ трудомъ вмѣщаютъ молящихся и любопытствующихъ посмотрѣть и послушать величественное православное богослуженіе. Въ числѣ послѣднихъ намъ приходилось замѣчать не только р. католиковъ, но и евреевъ обоего пола. Не мало торжественности сообщаетъ православнымъ праздникамъ и то участіе, съ которымъ относятся къ нимъ русскія власти, и которое возбуждаетъ къ нимъ горячую признательность всѣхъ людей русскихъ. Не только въ высокоторжественные дни, но и въ Христовые праздники бываютъ церковно-воинскіе парады изъ всѣхъ частей расположенныхъ въ Вильнѣ войскъ; во всѣ воскресные и праздничные дни лавки и магазины не отпи-

раются до окончанія архіерейскаго богослуженія; въ нѣкоторые дни устрояются народныя гулянья,—театральныя представленія по удешевленнымъ цѣнамъ и проч. Вообще, вѣяніе русской жизни значительно стираетъ наросты, приросшія къ странѣ отъ усилій и насилій враждебной ей пропаганды.

И самый языкъ русскій,—не репрессивными мѣрами, а силою хода событій и времени,—поминутно дѣлается болѣе популярнымъ и замѣтно вноситъ свою долю участія въ обрусѣніе края. Евреи, просто, изумляютъ насъ своими лингвистическими способностями вообще и успѣхами въ русской лингвистикѣ въ частности. Особенное вліяніе на популяризацію между евреями русскаго языка оказываетъ молодое поколѣніе евреевъ, большинство котораго получало и получаетъ образованіе въ гимназіяхъ или въ прекрасно и прогрессивно организованномъ раввинскомъ училищѣ. Еврейскіе воспитанники изъ этихъ заведеній, такъ неутомимо занимаются своимъ развитіемъ, своимъ обрусѣніемъ, что въ нихъ ничего не осталось хедернаго, хасидскаго, фанатическаго, что они отличаются отъ другихъ только исполненіемъ Моисеева закона, но не талмудической казуистики, басень и лже-обязанностей, основанныхъ на одномъ извращеніи талмудомъ смысла Библіи. Изъ этихъ молодыхъ людей довольно уже вышло даровитыхъ писателей, правда, еще только начинающихъ, но уже подающихъ блистательныя надежды. Молодое поколѣніе поляковъ тоже начинаетъ свыкаться съ русскимъ языкомъ. Если вышедшія изъ гимназіи дѣти и говорятъ между собою по польски, то это объясняется не какимъ либо упрямствомъ, отвращеніемъ отъ русскаго языка, не политической демонстраціею, а просто тѣмъ, что для этихъ дѣтей языкъ русскій—почти иностранный, что имъ легче вести *бытовой* разговоръ на языкѣ природномъ, нежели на томъ, который онѣ только начинаютъ изучать и на которомъ онѣ еще не могутъ передать своихъ мыслей, желаній и наблюденій. Желалось бы, конечно, чтобы воспитанники *русскихъ* заведеній и внѣ школы объяснялись на языкѣ своего отечества, но исполненіе этого желанія стоитъ внѣ всякихъ прещеній, велѣній, взысканій; осуществленіе его больше всего зависитъ отъ здраваго смысла родителей и воспитателей, отъ доброй воли питомцевъ и времени. Не возможно же контролировать языкъ семейный, говоръ вокругъ домашняго очага, въ дружеской бѣсѣдѣ; мы толь-

ко можемъ устранять вторженіе разныхъ языковъ и нарѣчій, какими говорятъ у себя дома разные обитатели обширной земли русской, въ отправленія жизни общественной, государственной,—успѣшное выполненіе которыхъ находится въ прямой зависимости отъ единства, формы и содержанія. Намъ хочется вѣрить, что родители и воспитатели молодаго польскаго поколѣнія не станутъ внушать ему тѣхъ политическихъ утопій, которыми набивали ихъ головы родители и воспитатели ихъ самихъ, и несбыточность которыхъ такъ очевидна; что они поймутъ, наконецъ, непреложность поворота историческихъ судебъ здѣшняго края, защитятъ свое потомство отъ подстрекательствъ запада, отъ фанатизма Ватикана, отъ окончательнаго разсѣянія по лицу всей земли и научатъ его душой и тѣломъ прильнуть къ великой представительницѣ славянскаго міра и въ родствѣ съ нею искать и уврачеванія своихъ тяжкихъ ранъ и той славы, которая ожидаетъ Россію въ недалекомъ будущемъ, и которую она и теперь предначинаетъ весьма явственно и многознаменательно. Починъ такого единенія—всего легче и натуральнѣе—начать русскимъ языкомъ, а потомъ и другими видами ассимиляціи, которая примирила бы поляковъ съ исторіей, логикой, хозяевами страны и тѣнями ихъ предковъ.

(Вил. Вѣстн.)

ТРИ ОТРЫВКА ИЗЪ ИСТОРІИ ЦЕРКОВНО-ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ БЫВШЕЙ ПОЛЬШИ.

(965—1668 гг.)

*(Окончаніе *).*

Войдемъ въ нѣкоторыя подробности этого дѣла, по которому былъ въ Польшѣ сеймъ 1648 г. и произнесена сказанная рѣчь г. Тышкевича. По смерти Владислава IV, сына Сигизмундова, не осталось дѣтей, а потому искателями польской короны явились: князь Трансильваніи, московскій царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ и два брата Владислава—младшій Карлъ Фер-

---

*) Смотри 5 кн. Вѣстникъ Зап. Росс.

динандъ, бывшій епископомъ въ Бреславѣ и Плоцкѣ, и второй— Іоаннъ Казиміръ, сдѣлавшійся монахомъ-іезуитомъ въ 1643 г. въ Римѣ, а въ 1646 возведенный въ достоинство «найяснѣйшаго (serenissime)князя кардинала. Епископъ польско-кіевскій Станиславъ Заремба старался возвести на польскій тронъ князя-епископа Карла Фердинанда, и уже успѣвалъ въ своемъ предпріятіи, такъ какъ поляки непріятно смотрѣли на вступленіе князя Іоанна Казимира въ орденъ іезуитовъ. Казиміръ, узнавши объ этомъ, написалъ письмо къ младшему брату своему, епископу Карлу Фердинанду, съ горькою жалобою, что онъ перебиваетъ ему путь къ польской коронѣ. Сторону Казиміра принялъ епископъ Самогитіи, г. Тышкевичъ, и одержалъ верхъ: Казиміръ былъ выбранъ королемъ; но сеймъ поставилъ ему условіемъ, чтобы онъ, принявши корону, женился на вдовѣ брата своего Владислава IV, Маріи Луизѣ Ниверской. Условіе сейма Казиміръ выполнилъ точно и, бывши королемъ, велъ много (хотя и неудачно) войнъ, переписывался не совсѣмъ вѣжливо съ папою Александромъ VII, который не уважилъ желанія Казиміра—возвесть одного архіепископа польскаго въ достоинство кардинала. Наскучивъ неудачами своего царствованія, Казиміръ написалъ въ 1668 г. письмо къ папѣ Клименту IX, увѣдомляя его о желаніи отказаться отъ престола и рѣшеніи—вернуться къ жизни монашеской. Отрекшись отъ престола, Казиміръ удалился во Францію, гдѣ король далъ ему богатѣйшее аббатство св. Германа (St. Germain de prés), св. Мартина (de Nevers) и другія бенефиціи: бывшій кардиналъ-іезуитъ и король получилъ такимъ образомъ отъ Людовика XIV мѣсто и титулъ аббата съ митрою. Умеръ онъ въ 1682 г. и погребенъ въ аббатствѣ св. Мартина. Отъ него осталась искренняя и вѣжливая переписка съ бывшими въ 1667 и 1668 г. въ Москвѣ патріархами — александрійскимъ и антіохійскимъ и митрополитомъ газскимъ, которыхъ Казиміръ просилъ стараться, по согласію съ вел. княземъ и царемъ московскимъ, о соединеніи латинской (разумѣя польскую) церкви съ греческой и водвореніи мира между ними; онъ уже готовился отправить къ патріархамъ изъ польскаго клира лицъ способныхъ и надежныхъ для совершенія этого похвальнаго дѣла. Но политика нѣмецкаго императора-

тора помѣшала Казиміру довести это дѣло до конца, съ тѣмъ чистосердечіемъ, съ которымъ онъ взялся за него. Цезарскій посолъ на польскомъ сеймѣ провелъ (непріяное народу, хотя и объявленное Казиміромъ папѣ) предложеніе объ отреченіи короля Іоанна Казиміра отъ престола, вопреки желанію и увѣщанію папы Климента IX, нехотѣвшаго принимать Казимірова отреченія. (1)

Протоіерей Михаилъ Орловъ.

(Дух. Бес.)

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

ИСТОРІЯ ПОПЫТОКЪ КЪ СОЕДИНЕНІЮ ЦЕРКВЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ И ЛАТИНСКОЙ ВЪ ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРЕ ВѢКА ПО ИХЪ РАЗДѢЛЕНІИ—СОЧ. А. КАТАНСКАГО.

I.

Подъ этимъ заглавіемъ вышла недавно новая книга, относящаяся къ вопросу, съ нѣкотораго времени интересующему наше общество, именно къ вопросу о соединеніи церквей.

Сочиненіе это во многихъ отношеніяхъ обращаетъ на себя вниманіе. Обществу, сочувственно относящемуся къ мысли о соединеніи церквей, весьма полезно познакомиться съ богатою исторіею этого вопроса. Восемь вѣковъ, говоритъ авторъ, протекло со времени появленія вопроса о соединеніи. Разсматриваемое сочиненіе обнимаетъ собою первую половину всей исторіи вопроса,—первые четыре вѣка. Вопросъ берется въ первомъ періодѣ его развитія во времена существованія византійской имперіи до паденія Константинополя. По мнѣнію автора, вопросъ о соединеніи церквей прошелъ два періода развитія и въ настоящее вре-

---

(1) Латинскіе историки, оправдывая три приведенныхъ событія *благомъ государства*, говорятъ, что и Рамиръ, король аррагонскій, также съ дозволенія папы оставилъ монашество, принялъ корону и женился (Ant. Sandini, t. II. 405. not. 3, infine). Но любопытно было бы знать, не по той ли высокой причинѣ и Казиміръ Великій, король польскій, держалъ множество наложницъ и открыто одну живодку, ради которой онъ далъ значительныя привиллегіи евреямъ въ Польшѣ? (Daniel Pain, p. 167). Папство молчитъ объ этомъ.

мя для него наступаетъ третій. Эти періоды слѣдующіе, первый періодъ—оффиціальныхъ попытокъ до паденія Константинополя и реформаціи, второй—нравственно-іезуитскихъ дѣйствій до нашихъ временъ, третій періодъ—научныхъ стремленій на западѣ къ уничтоженію разностей между церквами, съ нашихъ временъ. Правда, въ настоящее время положеніе упомянутаго вопроса во многомъ измѣнилось противъ тѣхъ временъ, которыя изображаетъ авторъ; тѣмъ не менѣе исторія этого вопроса даже въ первомъ его періодѣ все таки весьма поучительна и для настоящаго времени. Въ первые четыре вѣка, во времена существованія Византійской имперіи, вопросъ о соединеніи церквей былъ вопросомъ не только религіознымъ, но и національно-политическимъ. Вотъ почему не только въ самыхъ попыткахъ къ соединенію, но и въ исторіи раздѣленія, представленной авторомъ въ предисловіи къ книгѣ,—вездѣ проходитъ между прочимъ національно-политическій мотивъ. Авторъ вездѣ слѣдитъ за развитіемъ національныхъ антипатій между народностями греческою и латинскою и въ тоже время политическихъ комбинацій въ разныя времена. Авторъ, впрочемъ, какъ видно, слишкомъ далекъ отъ односторонности въ этомъ случаѣ и никакъ не видитъ ни въ церковномъ разрывѣ, ни въ неудачѣ попытокъ къ соединенію, одну только національную вражду между греками и латинянами и дѣйствій тогдашней политики, а вездѣ вмѣстѣ съ тѣмъ выставляетъ на видъ и другаго рода причины, скрывавшіяся въ самомъ существѣ религіозныхъ началъ, развивавшихся во внутренней сторонѣ той и другой церкви.

Итакъ три мотива проходятъ у него чрезъ всю исторію вопроса о соединеніи церквей: національный, политическій и религіозный. Эти мотивы комбинируются самымъ разнообразнымъ образомъ; какъ бы, впрочемъ, они не переплетались, ни перепутывались между собою, авторъ умѣетъ выяснить самую сложную комбинацію и нигдѣ не упускаетъ изъ вида главныхъ руководительныхъ нитей. Вопросъ представляется очень сложнымъ, а оттого и очень интереснымъ, особенно при умѣньи автора всесторонне разсматривать предметъ, группировать событія и анализировать ихъ. Авторъ смотритъ на вопросъ о соединеніи церквей въ первые 4 вѣка, какъ на вопросъ болѣе греческаго востока, чѣмъ запада. „На греческомъ востокѣ, говорится въ предисловіи, попытки къ его рѣшенію сопровождались полными интереса событіями... Безъ преувеличенія можно сказать, что онѣ полны были такъ

драматическаго интереса, покрайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ эпизодахъ этой исторіи, каковы ліонская унія и флорентинскій соборъ." И дѣйствительно, если прочитать все разбираемое сочиненіе, особенно же исторію ліонской уніи, то нельзя не признать справедливости словъ автора. Къ сожалѣнію, флорентинская унія (изложена имъ только въ общемъ очеркѣ. Весь взятый имъ 100 лѣтній періодъ онъ дѣлитъ на двѣ части: до ліонской уніи съ полов. XI до полов. XIII в.) и послѣ ліонской уніи до паденія Восточной Имперіи (съ полов. XIII до полов. XV вѣка). Особенный интересъ въ отношеніи къ важности попытокъ представляетъ вторая часть,—первая же часть касается не столько попытокъ къ соединенію, сколько усиленія раздѣленія, и служитъ лучшимъ комментаріемъ ко второй части, весьма хорошо выясняя несостоятельность попытокъ времени ліонской уніи и флорентинскаго собора.

Вообще самая строгая критика, по нашему мнѣнію, не можетъ отказать автору въ историческомъ тактѣ. Не говоримъ объ ученыхъ достоинствахъ этого сочиненія; рѣшить это предоставляемъ спеціалистамъ, хотя отъ себя не можемъ не замѣтить, что по нашему крайнему разумѣнію авторъ много потрудился надъ сочиненіемъ и потрудился самостоятельно. Особенно это видно въ изложеніи гл. I и III, гдѣ сообщаются факты мало извѣстные, по крайней мѣрѣ въ нашей литературѣ. Нельзя не порекомендовать этой книги и обществу и духовенству, особенно же наставникамъ духовныхъ семинарій. Въ нашей литературѣ такъ мало книгъ, относящихся къ исторіи восточной церкви среднихъ и новыхъ вѣковъ, что разбираемая книга уже потому одному—находка, особенно для преподавателя церковной исторіи. Цѣна ея по объему очень умѣренная 1 р. съ пересылкою (продается у главныхъ книгопродавцевъ Петербурга).

(Соер. Лист.)

2.

Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи, соч. Ю. Ѳ. Самарина, въ 12-ю д. л. ц. 1р., 1878 г.

Почтенный Ю. Ѳ. Самаринъ подарилъ русскую литературу новымъ изданіемъ своего замѣчательнаго труда: „Іезуиты и ихъ от-

ношеніе къ Россіи." Его сочиненіе можетъ быть названо новымъ и въ отношеніи къ формату книги, ея цѣнѣ много уменьшенной, къ самому тексту болѣе исправленному,—особенно же новы и весьма важны сдѣланныя въ концѣ книги приложенія: Monita secreta для руководства въ обществѣ Іисуса, недавно найденныя самимъ авторомъ въ Прагѣ.

На страницахъ „Виленскаго Вѣстника," когда то уже былъ сдѣланъ разборъ этого сочиненія, по этому повторять, сказанное не годится. Замѣтимъ только, что оно всегда будетъ весьма важнымъ вкладомъ въ русскую историческую литературу; принципы іезуитства, ихъ ученіе, ихъ казуистическія теоріи изложены авторомъ въ блестящемъ видѣ и сообщаютъ читателю новый закулисный міръ, созданный папскими привиллегіями и нравственнымъ своеволіемъ лицъ, носящихъ названіе кроткаго Іисуса. Кромѣ того, это сочиненіе будетъ всегдашнимъ памятникомъ того въ высшей степени умнаго, ученаго, безпристрастнаго и всесторонняго отвѣта, какой дала наша литература въ лицѣ г. Самарина, вкрадчивому іезуитству, оплакивающему недоступность для него къ Россіи—въ лицѣ о. Мартынова. Мы только обратимъ вниманіе читателей на приложенія: Monita secreta. Въ маленькомъ предисловіи къ нимъ авторъ разсказываетъ исторію открытія этой рукописи, ея значеніе и подлинность: причемъ перебираетъ вкратцѣ все, что можно было бы возразить противъ его доводовъ съ точки зрѣнія іезуитовъ, т. е. выставить эти тайныя наставленія какъ злонамѣренный подлогъ, гнусный пасквиль. Авторъ спокойно и основательно устраняетъ одно за другимъ эти возраженія и предлагаетъ о. Мартынову повѣрить его слова на мѣстѣ, хотя бы чрезъ тѣхъ изъ его собратьевъ, которые теперь проживаютъ въ Прагѣ безъ всякаго дѣла, при чемъ предупреждаетъ, что библіотекарь знаетъ цѣну рукописи, смотритъ за нею зорко и потому едва ли она можетъ пропасть.

Въ своей книгѣ г. Самаринъ для устраненія отъ себя всякаго упрека въ произвольномъ обращеніи съ документомъ, имѣющимъ силу неопровержимой улики, перепечатываетъ рукописный латинскій текстъ, безъ всякихъ въ немъ исправленій, а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ приводитъ варіанты по печатному изданію 1868 г. За латинскимъ текстомъ слѣдуетъ русскій переводъ его *).

---

*) Эти monita secreta въ первый разъ въ русскомъ переводѣ, съ примѣ-

Эти тайныя наставленія состоятъ изъ 16 статей, касающихся всевозможныхъ отношеній, въ какія могутъ быть поставлены іезуиты въ своей жизни и дѣятельности. Такъ первая статья ставитъ самый существенный для іезуитства вопросъ: въ какомъ видѣ должно общество выставлять себя, при водвореніи своемъ на новомъ мѣстѣ? Должно пещись, слѣдуетъ отвѣтъ, о спасеніи ближняго не менѣе, чѣмъ о своемъ собственномъ. Но эта прекрасная фраза дальше опошлена самымъ низкимъ фарисейскимъ лицемѣріемъ; такъ, между прочимъ, внушается іезуитамъ собирать и раздавать милостыню бѣднымъ, но въ виду другихъ, дабы сіи дѣлались послѣ щедрѣе, назидаемые такими поступками ихъ, за тѣмъ предписывается усвоивать себѣ внѣшнее благочестіе въ такой степени, чтобы имъ назидались посторонніе; а кто не исполняетъ этого подлежитъ исключенію изъ общества. Извѣстно, что іезуиты свысока смотрѣли на простой народъ; всегдашнія ихъ заботы были направлены къ тому, чтобы снискать благосклонность высшаго круга общества и по преимуществу государей, а потому вторая статья рѣшаетъ вопросъ, какъ нужно поступать, чтобы привлечь къ себѣ задушевное довѣріе государя и сановниковъ? Тутъ дозволяются снисходительность и потакваніе прихотямъ государей, особенно брачнымъ, со стороны королевскихъ духовниковъ—іезуитовъ, внушается предлагать государямъ дѣвушекъ-невѣстъ, которыя принадлежатъ семействамъ преданнымъ іезуитскому обществу и описывать ихъ такими, какими желали бы видѣть ихъ государи. Такимъ образомъ къ обществу будутъ привлечены посредствомъ женъ лица, которыя безъ того были бы имъ чужды. Научили же этому опыты, производимыя посредствомъ австрійскаго двора, въ государствахъ польскомъ, французскомъ и проч. Внушается располагать къ себѣ подарочками лицъ близкихъ съ государемъ, узнавать чрезъ нихъ привычки и нравъ государей и такимъ образомъ вкрадываться при всякомъ удобномъ случаѣ въ душу государя и его сановниковъ. Подобную же опеку они простирали и на государыню, окружая ее дѣвушками и лицами имъ преданнѣйшими, которыя бы передавали имъ самыя завѣтныя тайны своей госпожи и все то, что имъ понадобилось бы знать. Внушается также, чтобы лицамъ расположеннымъ къ обществу дѣлать при-

---

чаніемъ объ ихъ происхожденіи, были напечатаны въ Вѣстникѣ Западной Россіи за 1862—63 годъ. Ред.

всевозможных случаях самыя торжественныя встрѣчи и др. эффектаціи щекотливыя для самолюбія, и вооружать государя и др. противъ самыхъ близкихъ и дорогихъ лицъ, если онѣ выражаютъ нерасположеніе къ ордену. Въ виду этого проповѣдники и духовники государей должны быть интригантами, полицейскими... однимъ словомъ, быть всѣмъ, но не духовниками и не проповѣдниками. Въ иныя отношенія становятъ эти наставленія іезуитовъ къ тѣмъ лицамъ, которыя пользуются въ государствѣ властію и могутъ оказывать имъ офиціальное содѣйствіе, но не имѣютъ денежныхъ средствъ. Такія лица могутъ быть свѣтскія и духовныя, по этому въ отношеніи къ первымъ надо пользоваться ихъ расположеніемъ, ихъ вліяніемъ и властію для содѣйствія въ борьбѣ противъ враговъ, для разнаго рода покупокъ, въ дѣлахъ тяжебныхъ, особенно же надо дорожить ими въ такихъ мѣстахъ и въ такихъ случаяхъ, гдѣ существуетъ общее нерасположеніе къ іезуитамъ; въ отношеніи же къ духовнымъ они должны стать въ такое положеніе, чтобы первые дѣлали имъ видимое предпочтеніе предъ прочимъ духовенствомъ и дозволили имъ исполнять вездѣ всѣ требы. Въ Польшѣ дозволялось іезуитамъ возвышать свои требованія потому, что здѣсь власть епископа велика, и онъ, безъ большаго труда, съ согласія государя, можетъ передавать обществу монастыри, приходы и другія, разными способами основанныя церкви, конечно, не безъ борьбы съ бѣлымъ духовенствомъ. Тогоже самаго надо добиваться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ еретики и схизматики перемѣшаны съ католиками; въ этихъ же мѣстахъ,—рекомендуютъ наставленія,—надо добиваться устройства іезуитскихъ коллегій и предоставленія этимъ коллегіямъ обширныхъ правъ. Епископы и государи должны предоставлять іезуитамъ право проповѣдывать въ главныхъ церквахъ значительныхъ городовъ и содѣйствовать имъ при апостольскомъ престолѣ своими письмами въ случаѣ беатификаціи или канонизаціи кого нибудь изъ нихъ. Надо также препятствовать высокопоставленнымъ лицамъ знакомиться съ монахами, принадлежащими къ соперничествующимъ съ іезуитами орденамъ, чтобы эти лица не перенесли на нихъ свое расположеніе и не ввели бы ихъ въ тѣ провинціи, въ которыхъ господствуютъ іезуиты. Если же іезуитамъ, по обстоятельствамъ, придется жить съ другими орденами, то вся забота ихъ должна состоять въ томъ, чтобы прибрать воспитаніе юношества въ свои руки, и внушать людямъ, что ихъ орденъ заключаетъ въ себѣ всѣ

совершенства других монашеских орденовъ, что общество ихъ имѣетъ первенство по своему значенію для церкви Божіей. При этомъ дозволяется клеймить другіе ордена самымъ позорнымъ образомъ и доказывать безполезность ихъ существованія. Обезопасивши себя со стороны лицъ высшаго круга, и указавши средства, какъ унижать другіе монашескіе ордена, тайныя наставленія указываютъ за тѣмъ, какъ привязывать къ обществу богатыхъ вдовъ, какъ сохранять ихъ во вдовствѣ, какими средствами можно побудить сыновей и дочерей іезуитскихъ приверженницъ къ принятію духовнаго званія, пользуясь для сего и дружбой и лаской и угрозой, прибѣгая къ самымъ произвольнымъ толкованіямъ св. писанія, пріурочивая ихъ къ даннымъ обстоятельствамъ и впередъ расчитанной цѣли. При этомъ дозволялось рисовать семейную жизнь въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, возводить частные, исключительные случаи несчастной семейной обстановки и жизни въ общее явленіе и т. п. Главнымъ же средствомъ при этомъ рекомендуется воспитаніе сыновей и дочерей этихъ приверженницъ, способное убить всякое нравственное чувство и сдѣлать ихъ автоматами въ рукахъ іезуитскихъ. По преимуществу же вдовы никогда не должны быть упускаемы изъ виду іезуитами. Для нихъ іезуиты должны поставлять духовниковъ свѣжихъ силами и молодостію, угодливыхъ, красноречивыхъ, которые бы съумѣли успѣшно вліять на нихъ. Увеличеніе числа іезуитскихъ коллегій, умноженіе богатствъ этихъ коллегій, составляло предметъ не меньшей заботливости тайныхъ наставленій. Мы, мотивируемъ эти наставленія отъ лица іезуитовъ, снабжаемъ общество духовными благами, взамѣнъ же ихъ давайте намъ блага мірскія. Наставленія грозятъ тѣмъ неискуснымъ своимъ кліентамъ, которые почему либо оказались оплошными при смерти молодыхъ вдовъ и др. лицъ и такимъ образомъ помѣшали обществу поживиться на счетъ оставленнаго имущества. При этомъ поставляется въ обязанность іезуитамъ имѣть списокъ у кого какіе есть сады, каменоломни, виноградники, гдѣ кто живетъ, сколько у кого движимаго и недвижимаго имущества, сколько они доставляютъ аренды и затѣмъ уже хлопотать, нельзя ли какъ нибудь выгодныя имущества притянуть въ свои руки. А чтобы легче достигнуть этого, надобно располагать къ обществу юношей особенно молодыхъ, красивыхъ, изъ богатыхъ и знатныхъ фамилій, которые своимъ пребываніемъ въ іезуитскихъ коллегіяхъ доставятъ послѣднимъ не малую извѣст-

ость и доброе мнѣніе въ обществѣ. Особенно же не должно, говорять наставленія, упускать случаевъ, завлекать сыновей сенаторовъ и богачей, которые ради занятій поступаютъ въ іезуитскія гимназіи изъ другихъ странъ, особенно же въ то время, когда они начинаютъ тратить деньги, и тогда легко даются на приманку, вслѣдствіе того, что отчасти стыдятся своихъ растратъ, отчасти же опасаются наказаній со стороны родителей или ближнихъ. Этотъ способъ имѣлъ хорошій успѣхъ между германцами и поляками. Но при этомъ нужна должная осмотрительность, чтобы не навлечь на себя и на свое общество какихъ либо непріятностей, которыя потому напередъ должны быть устранены. Общество строгое и осмотрительное, относительно пріема въ свою среду новыхъ лицъ, должно быть благоразумно строго въ отношеніи къ лицамъ уже состоящимъ въ немъ. Изгнанію изъ общества подлежатъ всѣ безъ исключенія, во всякое время, если только они нарушили учрежденную въ обществѣ дисциплину. Совѣстливость въ дѣлѣ исключенія изъ общества не должна быть допускаема. Главнѣйшими проступками, навлекающими изгнаніе изъ общества, были: если кто изъ братій содѣйствуетъ чѣмъ бы то не было преданнымъ къ обществу женщинамъ и друзьямъ вступить въ др. монашеские ордена; если кто вступивши въ орденъ не откажетъ въ его пользу всего имущества или же, если кто хвалитъ государства, неблагопріятствующія іезуитамъ. Лица подвергшіеся такой опалѣ единодушно преслѣдовались всѣми средствами; зоркій глазъ іезуитскій, какъ глазъ аргуса, слѣдилъ за всѣми поступками ихъ. Іезуиты знали весь вредъ какой могли причинить исключенные ихъ обществу, а потому съ нихъ брали самую строгую клятву молчать обо всемъ существующемъ въ обществѣ, преграждали имъ доступъ къ вліятельнымъ лицамъ, распространяли о нихъ самые невыгодные слухи и небылицы, употребляя для этого даже проповѣдь, исповѣдь и т. п.

Но чтобы избавиться отъ упрека въ излишней любви къ богатствамъ, полезно будетъ не принимать мелкихъ подаяній за обыкновенныя требы исполняемыя іезуитами, не давать мѣстъ для погребенія въ іезуитскихъ храмахъ; рѣзко обращаться съ вдовами и др. лицами, истощившими для нихъ свое состояніе пожертвованіями, или же сдѣлавшими уже отреченіе въ ихъ пользу. Въ случаѣ же исключенія ихъ не слѣдуетъ ничего имъ возвращать, или,

покрайней мѣрѣ, нужно вычитывать съ нихъ хорошую сумму за сдѣланные для нихъ обществомъ расходы.

Эти тайныя наставленія, супеpіоры, тщательно должны хранить при себѣ, открывая ихъ только самымъ надежнымъ лицамъ. При томъ же сообщать ихъ другимъ они могутъ только подъ видомъ результатовъ, извлеченныхъ изъ собственной опытности, а не какъ чужое произведеніе. Въ случаѣ же обнародованія ихъ, надо всѣми средствами отрицать ихъ и доказывать ихъ несогласіе съ рукописными или печатными общеизвѣстными наставленіями и распоряженіями.

Въ концѣ книги г. Самарина приложенъ польскій катехизисъ. Приложеніе это имѣетъ глубокій смыслъ. Оканчивая чтеніе всей книги польскимъ катехизисомъ, самый безпристрастный читатель невольно замѣтитъ, что этотъ катехизисъ есть самый естественный, непосредственный практическій итогъ всего теорическаго іезуитскаго ученія *). *К.*

(Вил. Вѣстн.)

3.

НРАВЫ ПОЛЬСКИХЪ МАГНАТОВЪ.

Pamiętnik anegdotyczny z czasów Stanisława Augusta z rękopisma wydany przez V. I. Kraszewskiego. Poznań. 1867.

Обиліе издаваемыхъ, особенно въ послѣднее время, историческихъ мемуаровъ по польской исторіи 16, 17 и 18 столѣтій значительно облегчаетъ ея изученіе. Интересующійся исторіею Польши находитъ въ польской исторической литературѣ много различныхъ *паментниковъ* и *денниковъ*, обиліе которыхъ объясняется господствовавшею привычкою каждаго мало-мальски грамотнаго польскаго пана вести собственный дневникъ или записки на память потомству. Эти *паментники* различнаго рода, изданіемъ которыхъ усердно занимаются особенно познанскіе поляки, заключая въ себѣ бѣдность мыслей и выводовъ, указывающую на невысокое образованіе ихъ авторовъ, представляютъ тѣмъ не менѣе важный матеріалъ для изученія внут-

---

*). *И польскій катехизисъ*, въ подлинникѣ и съ русскимъ переводомъ, въ первый разъ появился въ русской печати, тоже въ Вѣстникѣ западной Россіи за 1864—65 годъ. *Ред.*

ренняго состоянія польскаго государства. Печатаемые съ предвзятою мыслью—выставить современнымъ полякамъ все величіе ихъ исторіи, вдохнуть въ нихъ духъ подражанія великимъ людямъ павшей отчизны — нѣкоторые изъ этихъ матеріаловъ, совершенно уже противъ воли своихъ издателей, должны привести каждаго безпристрастнаго читателя къ инымъ выводамъ. Особеннаго величія польской исторіи изъ этихъ сочиненій невидно и примѣры для подражанія не особенно поучительны. За то внутренняя исторія польскаго государства можетъ быть изучаема съ достаточною полнотой, благодаря этимъ матеріаламъ: они вѣрно знакомятъ съ бытомъ, нравами и понятіями народа.

Въ русской исторической литературѣ, къ сожалѣнію, мало есть сочиненій, которыя бы знакомили съ внутреннею исторіей Польши. Да и вообще съ польскою исторіей мы нѣсколько познакомились только въ послѣднее время: до послѣдняго польскаго возстанія мы почти ничего не знали по этому предмету и бродили съ совершенной темнотѣ, черпая всѣ свѣдѣнія изъ нѣсколькихъ десятковъ строкъ въ русскихъ историческихъ учебникахъ. Между тѣмъ, безъ основательнаго знанія польской исторіи, безъ яснаго знакомства съ внутреннимъ состояніемъ польскаго государства, безъ правильнаго пониманія дѣйствительныхъ причинъ паденія Польши, мы не могли дать себѣ сознательнаго отчета въ современныхъ явленіяхъ. Знаніемъ польской исторіи выясняется до очевидности, что полная несостоятельность польскаго общества въ прошломъ вѣкѣ была главною причиной паденія польскаго государства. Кромѣ того, знаніе польской исторіи, особенно послѣднихъ вѣковъ, необходимо и для русской исторіи, такъ какъ судьбы народовъ тѣсно связаны между собой. Во всякомъ случаѣ, мы не должны чуждаться этихъ знаній и не подражать въ этомъ отношеніи полякамъ, которые не желали и не желаютъ знать исторію Россіи, какъ бы сердясь на нее и желая этимъ доказать уже всѣмъ извѣстное, что на науки поляки смотрятъ чрезвычайно легко, что они различаютъ ихъ на любимыя и враждебныя, и что русскій языкъ, исторія, географія, статистика и литература Россіи относятстя къ числу послѣднихъ.

Книга, съ содержаніемъ которой мы намѣрены вкратцѣ по-

знакомить читателей, содержитъ въ себѣ біографіи замѣчательнѣйшихъ людей Польши во времена ея паденія. Имя автора „Воспоминаній"—неизвѣстно; по соображеніямъ издателя, современнаго польскаго писателя Крашевскаго (извѣстнаго, подъ псевдонимомъ Болеславите, своими романами, проникнутыми самымъ враждебнымъ противъ Россіи духомъ) онъ жилъ во второй половинѣ XVIII вѣка и умеръ около 1810 года. Другъ Костюшки, человѣкъ близко знакомый съ государственными людьми описываемой имъ эпохи, написавшій, кромѣ того, „Жизнь Императрицы Екатерины II" и „Дневникъ" (на что онъ безпрестанно ссылается), авторъ „Воспоминаній" высказываетъ очень невысокое образованіе и самое дѣтское пониманіе людей и событій своего вѣка. Но этотъ-то дѣтскій взглядъ автора, въ соединеніи съ самымъ узкимъ патріотизмомъ его, и служитъ лучшимъ ручательствомъ безъискусственности и правдивости всего имъ описываемаго; удивляясь его страннымъ взглядамъ и замѣчательно-курьознымъ выводамъ, нельзя не отдать справедливость обстоятельности изложенія и невозможно заподозрить, чтобъ такой патріотъ, какъ онъ, представлялъ современныя ему явленія въ худшемъ, чѣмъ слѣдуетъ, видѣ: объ его правдивости свидѣтельствуетъ и издатель. Насъ нельзя, слѣдовательно, заподозрить въ пристрастіи, если мы изложимъ нѣкоторыя черты внутренняго быта и нравовъ польскихъ пановъ XVIII вѣка, строго держась книги польскаго патріота.

I.

На первыхъ страницахъ книги авторъ разсказываетъ біографіи Францишка Салезія Потоцкаго и его сына Станислава, прозваннаго счастливымъ (феликсъ, щенсный).

Во времена Августа III, Францишка Потоцкаго называли королемъ русскихъ краевъ и, надобно сказать правду, не много преувеличеннаго было въ этомъ прозваніи. Богатый и самъ по себѣ, и по матери, и по женѣ изъ дома Лащовъ, съ ненасытнымъ властолюбіемъ въ душѣ, со всѣми замашками ясновельможнаго пана, убѣжденнаго, что выше его никого нѣтъ на свѣтѣ, Салезій былъ однимъ изъ тѣхъ магнатовъ первой руки, въ полномъ повиновеніи у которыхъ находилась шляхта низкопоклонная и полная самой низкой угодливости. Выдавъ своихъ дочерей—одну за графа Брюля, другую за князя Любомірскаго, третью за Мнишка и четвертую за Ржевусскаго, Потоцкій, въ

числѣ немногихъ другихъ магнатовъ, управлялъ какъ хотѣлъ и королемъ, и краемъ. Вліяніе этихъ пановъ на дѣла государственныя было очень сильно: обставивъ себя на подобіе короля дворомъ, состоящимъ изъ маршаловъ и цѣлаго ряда дворянъ, Салезій Потоцкій не безъ основанія былъ называемъ королемъ русскихъ краевъ: въ воеводствахъ бѣльскомъ, русскомъ, волынскомъ и брацлавскомъ ничто не дѣлалось помимо его воли; въ судахъ и трибуналахъ никто не могъ выиграть самой справедливой тяжбы, если не заручался его протекціей; никто не могъ быть судьею, депутатомъ, не могъ получить староства и даже сенаторскаго кресла, если не имѣлъ рекомендаціи Потоцкаго; не могъ быть епископомъ, прелатомъ противъ его воли. Какая же рѣчь можетъ идти о равенствѣ передъ закономъ, на что часто указываетъ авторъ, и каково было это хваленое республиканское государство, пресловутыя равенство и свобода, которыми такъ часто восхищается авторъ-современникъ! И народъ, и шляхта не думали о государствѣ, но всего болѣе заботились о милости такихъ пановъ. Часто приходится встрѣчаться съ мыслью, что вся гибель государства произошла отъ того, что просвѣщенное меньшинство, состоявшее изъ магнатовъ, не могло ничего подѣлать съ массою своихъ необразованныхъ соотечественниковъ. Эта мысль совершенно несправедлива. Внимательное изученіе внутренней исторіи Польши, по польскимъ источникамъ, даетъ полное право заключить, что это просвѣщенное меньшинство не было такимъ въ настоящемъ смыслѣ слова, что оно не отличалось ни государственными взглядами на дѣла, ни гуманными отношеніями къ народу и заботливостью о его благѣ, что оно не имѣло вліянія на массу, а если и держало ее въ рабскомъ повиновеніи, то, благодаря своему богатству.

У Потоцкаго, жившаго въ Кристинополѣ, было свое войско, занимавшее караулы во дворцѣ и отдававшее ему военную честь. Каждый житель страны, кто бы онъ ни былъ, хотя бы королевскій чиновникъ, пріѣзжая къ Потоцкому, не смѣлъ въѣхать во дворъ, а долженъ былъ выдти изъ экипажа у воротъ и идти по длинному двору пѣшкомъ, не смотря ни на дождь, ни на слякоть.

Потоцкій помышлялъ о коронѣ; но когда, по смерти Августа III, онъ не въ силахъ былъ противодѣйствовать выбору Понятовскаго, долженъ былъ разочароваться. Взбѣшенный,

выѣхалъ онъ изъ Варшавы. Уѣхавъ въ Подчаецъ, онъ пытался было составить конфедерацію противъ Россіи и вновь избраннаго короля, но Россія не дремала и помѣшала его намѣреніямъ. Спустя нѣсколько времени онъ возвратился въ Польшу и долженъ былъ дать обѣщаніе, подъ страхомъ лишенія свободы и имущества, что будетъ сидѣть смирно. Наконецъ, онъ послалъ королю поздравительное письмо съ увѣреніями въ вѣрноподданствѣ. Прежнее значеніе Потоцкаго было утрачено и шляхта его уже не боялась, какъ бывало прежде, замѣчаетъ біографъ.

Обманутый въ своихъ надеждахъ, униженный въ своей гордости, передовой дѣятель Польши погружается въ отставное существованіе. „Правдивому республиканцу" (какъ называетъ его авторъ) нѣтъ болѣе дѣла ни о чемъ, онъ перестаетъ ѣздить на сеймы и не интересуется государственными дѣлами. Вмѣсто того, онъ сманиваетъ къ себѣ придворнаго доктора Маріи Терезіи и платитъ ему гораздо большее жалованье, чѣмъ то, которое онъ получалъ отъ австрійской императрицы.

Теперь Потоцкій задумалъ женить своего сына и не иначе какъ на какой-нибудь нѣмецкой княжнѣ. Между тѣмъ молодой Потоцкій влюбляется въ дочь графовъ Комаровскихъ и проситъ ея руки. Родители невѣсты, не предполагая встрѣтить большихъ трудностей со стороны Потоцкихъ, согласились на свадьбу дочери. Не смотря на то, что Комаровскіе, по своему происхожденію, были не ниже Потоцкихъ, такъ какъ ихъ родъ происходилъ отъ князей венгерскихъ, но какъ только мать Потоцкаго узнала о бракѣ сына, съ страшнымъ гнѣвомъ, не помня себя, сообщила она о томъ мужу. Глубоко оскорбленные такимъ выборомъ сына, мужъ и жена рѣшили разстроить этотъ оскорбительный для нихъ бракъ, выславъ немедленно сына за границу, а невѣсту, увезя изъ родительскаго дома, посадить въ монастырь и вытребовать разводъ; двухъ же пособниковъ этого брака, Сѣраковскаго и Завидецкаго, рѣшено было—ни мало, ни много—сжечь во дворцѣ вмѣстѣ со всѣмъ ихъ имуществомъ.

Въ то время, какъ глубоко оскорбленные и возмущенные родители Потоцкаго поздно вечеромъ въ своей спальнѣ изливали свой гнѣвъ и такъ рѣшили расправиться съ виновными, служанка, спавшая рядомъ съ ихъ спальней и слышавшая все, раннимъ утромъ отправилась къ Сѣраковскому и сообщила ему

объ ожидавшей его участи. Сѣраковскій, тотчасъ же сѣвъ на коня, бѣжалъ изъ Варшавы, а на другой день Потоцкій, не найдя своей жертвы, велѣлъ сжечь весь домъ его, вмѣстѣ съ имуществомъ. Въ тотъ же день отецъ арестовалъ сына и выслалъ его за границу, а нѣсколько человѣкъ войска Потоцкаго, подъ начальствомъ полковника, было отправлено, чтобы арестовать невѣстку. Но предупрежденные Комаровскіе бѣжали въ Львовъ, подъ защиту бывшаго тамъ русскаго генерала Кречетникова. Они успѣли благополучно проѣхать большую часть пути и были недалеко уже отъ Львова, какъ вдругъ у нихъ сломалась ось у кареты, и они принуждены были ночевать на дорогѣ. Когда погоня не нашла ихъ дома, она бросилась за ними по дорогѣ въ Львовъ и, узнавъ объ остановкѣ ихъ въ деревнѣ, напала съ выстрѣлами на домъ. Беременная Потоцкая спряталась въ страхѣ подъ диванъ и погоня, не найдя никого въ домѣ, направлялась уже въ садъ, чтобы искать ее тамъ, какъ одинъ казакъ, замѣтя высунувшійся изъ-подъ дивана конецъ платья и думая, что это платокъ, вытащилъ едва живую Потоцкую. Прежде чѣмъ вытащили ее изъ дому, бѣдная молодая женщина уже была мертва. Видя трупъ, посланные, не долго думая, пустили трупъ въ рѣку подъ ледъ. Когда старикъ Потоцкій узналъ о смерти невѣстки, въ страшномъ гнѣвѣ выстрѣлилъ онъ въ доносившаго ему объ этомъ полковника, но не попалъ.

Этотъ разсказъ вполнѣ подтверждаетъ извѣстіе объ этомъ же происшествіи, переданное, безъ приведенныхъ нами подробностей, въ мемуарахъ Михаловскаго (Pamiętniki Bartlomieja Michałowskiego) *).

Между тѣмъ Комаровскіе начали процессъ противъ Салезія Потоцкаго, обвиняя его въ убійствѣ ихъ дочери, но имъ не доставало доказательствъ противъ богача, деньгами защищавшаго свою невинность. Между тѣмъ весной, со вскрытіемъ рѣки Буга, тѣло Потоцкой выплыло на берегъ и мельникъ увѣдомилъ объ этомъ Комаровскихъ. Въ это время Галиція, къ счастію для Комаровскаго, но къ несчастію для Польши, замѣчаетъ авторъ, была взята во власть Австріи, и Комаровскій началъ новый процессъ, ссылаясь на objectum delicti, на выплывшій трупъ дочери. Вмѣшательство въ это дѣло самой императрицы Маріи Терезіи, предупрежденной противъ Потоцкаго, сдѣ-

*) См. статью г. Щебальскаго въ «Отеч. Зап.» 1860 г. № 12.

лало то, что деньги помочь ему уже не могли. Онъ былъ признанъ виновнымъ въ смерти невѣстки и состоялся приговоръ о преданіи его смерти. Заранѣе увѣдомленный объ этомъ приговорѣ, онъ принялъ ядъ. Марія Терезія, узнавъ объ этомъ, велѣла вынуть тѣло изъ гроба и палачъ, для примѣра, долженъ былъ отрубить ему голову. Молодому Потоцкому стоило большихъ трудовъ испросить какъ милости, чтобы этотъ приговоръ не былъ приводимъ въ исполненіе.

Сынъ Салезія Потоцкаго Станиславъ былъ прозванъ счастливымъ, но вся жизнь его противорѣчитъ этому прозванію.

Объ его несчастной женитьбѣ мы разсказали уже выше. Узнавъ о смерти любимой жены, отца и матери, Станиславъ Потоцкій возвратился домой изъ-за границы. Прочитавъ въ завѣщаніи отцовскую волю, повелѣвавшую ему жениться на дочери коронн аго маршалка Мнишка, онъ не рѣшился противиться ей. Бракъ этотъ былъ несчастливъ: вторая жена не отвѣчала его характеру и между ними впродолженіе всей жизни были самыя холодныя отношенія. Рожденный въ вольномъ народѣ, замѣчаетъ біографъ, съ отцовскимъ самолюбіемъ въ крови, Станиславъ Потоцкій не могъ сносить австрійскаго деспотизма и жить подъ нимъ въ Галиціи, гдѣ онъ имѣлъ нѣсколько городовъ, совокупность которыхъ равнялась любому нѣмецкому княжеству. Легко можетъ быть, что къ нежеланію подчиняться австрійскому правительству присоединялась невозможность жить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ все напоминало ему о тяжеломъ для него прошедшемъ; ближайшимъ же поводомъ къ тому послужилъ слѣдующій случай, приведенный, повидимому, авторомъ въ примѣръ австрійскаго деспотизма.

Когда неисправный арендаторъ-еврей въ одномъ изъ его имѣній былъ взятъ, по приказанію Станислава Потоцкаго, подъ арестъ, другіе евреи изъ этого мѣстечка подали на него жалобу самому императору Іосифу II, который собственноручно написалъ на ней слѣдующую резолюцію: „Par super pari non habet potestatem, ergo Judaeus carceribus dimittatur:“ Станиславъ Потоцкій, рожденный въ вольномъ народѣ, былъ глубоко оскорбленъ рѣшеніемъ императора, сравнившимъ его съ жидомъ и сильно возмущенъ деспотизмомъ, непозволявшимъ самоуправства, а потому, продавъ свои галиційскія имѣнія, онъ немед-

ленно отправился на Украйну. Но и здѣсь онъ прожилъ не долго.

Станиславъ Августъ, не любя старика Потоцкаго, перевелъ свое нерасположеніе на сына. Когда король, по смерти кіевскаго воеводы кн. Любомірскаго, давно обѣщанное Потоцкому воеводство кіевское отдалъ своему любимцу Стемпковскому и потомъ намекнулъ обиженному магнату, что онъ, если хочетъ, можетъ купить это воеводство у Стемпковскаго, Потоцкій, оскорбленный и неисполненіемъ даннаго обѣщанія, и не признаніемъ его достойнымъ этого званія, котораго онъ долженъ былъ добиваться деньгами, отправилъ королю письмо въ сильныхъ выраженіяхъ и въ немъ отказался отъ должности короннаго хорунжія. Послѣ того онъ отправился за границу, а по возвращеніи оттуда построилъ дворецъ въ Тульчинѣ и на его фасадѣ сдѣлалъ слѣдующую надпись: „Oby wolnych i cnotliwych był zawsze mieszkaniem.“ Какъ соотвѣтствовала эта надпись убѣжденіямъ Потоцкаго—можно видѣть уже по разсказанному выше случаю съ жидомъ. Вполнѣ справедливъ былъ отвѣтъ одного француза, жившаго при дворѣ Потоцкаго и бывшаго предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ своего господина. Спрошенный Потоцкимъ, что значитъ эта надпись, онъ отвѣчалъ: „Cela signifie que Vous n'etes ni l'un, ni l'autre.“

Вскорѣ король перемѣнился, впрочемъ, въ своихъ отношеніяхъ къ Потоцкому, боясь, быть можетъ, человѣка, пріобрѣтавшаго все большее вліяніе и уваженіе; онъ пожелалъ съ нимъ сблизиться и пріѣхалъ къ нему. Довольные другъ другомъ, король и Потоцкій разстались друзьями. Король далъ Потоцкому русское воеводство, а Потоцкій пожертвовалъ Рѣчи Посполитой полкъ пѣхоты изъ 400 человѣкъ, обмундировалъ его на свой счетъ и содержалъ его до 1788 года, выговоривъ условіе, чтобы этотъ полкъ всегда носилъ его имя, и чтобы одинъ изъ ихъ фамиліи былъ шефомъ полка.

Отправившись въ Кіевъ и Каневъ, Потоцкій былъ представленъ русской императрицѣ. Екатерина видѣла въ немъ человѣка, могущаго служить ея намѣреніямъ, а потому оказывала ему особенное вниманіе. Это возбуждало зависть въ королѣ и панахъ, говоритъ авторъ, и они старались измѣнить впечатлѣніе, произведенное Потоцкимъ на русскую императрицу.

Въ 1788 году Потоцкій, отказавшись добровольно отъ рус-

скаго воеводства, былъ выбранъ посломъ на сеймъ и въ этомъ званіи, прибывши въ Варшаву, обратилъ на себя вниманіе всего народа. Послѣ Брюля, занявъ важный постъ генерала артиллеріи коронной, Потоцкій усердно работалъ на пользу отечества, не жалѣя ни трудовъ, ни матеріальныхъ пожертвованій, и возбуждалъ общее къ себѣ сочувствіе. Но когда на сеймѣ зашла рѣчь о разрывѣ союза съ Россіей и замѣнѣ его союзомъ съ берлинскимъ дворомъ, когда всѣ послы, отвѣчая общему настроенію, въ своихъ рѣчахъ высказывались прямо противъ Екатерины II, когда союзъ съ нѣмцами казался необходимымъ, одинъ Потоцкій въ своей рѣчи, выходя изъ того, повидимому, вѣрнаго положенія, что въ свободномъ народѣ каждый можетъ смѣло высказать свое личное мнѣніе, отдавалъ предпочтеніе союзу съ Россіей, совѣтуя стараться о его поддержаніи, быть болѣе осторожнымъ въ сеймовыхъ рѣчахъ и не оскорблять въ нихъ достоинство русской императрицы. Когда Потоцкій высказался такимъ образомъ, сторонники Пруссіи напали на него со всѣхъ сторонъ. Большая часть сеймовыхъ партій, подкупленная прусскими талерами возстала на Потоцкаго, громко называя его приверженцемъ Россіи. Не успѣло еще кончится засѣданіе сейма, какъ вездѣ были разбросаны слѣдующіе стихи, быстро переходившіе изъ рукъ въ руки.

Polaku! z jakim ci to przyjdzie słyszeć żalem,
Sławny szczęsny Potocki już został moskalem *).

Чувствуя въ душѣ свою невинность, говоритъ біографъ, зная, что его несправедливо считаютъ москалемъ, Потоцкій тѣмъ не менѣе не былъ въ состояніи очистить себя отъ клеветы и оправдать себя въ общемъ мнѣніи. Достаточно было одной рѣчи для того, чтобъ общее мнѣніе о немъ перемѣнилось вдругъ въ противоположную сторону. Потоцкій видѣлъ ясно ту пропасть, которую приготовляли Польшѣ сторонники Пруссіи и онъ бы попробовалъ еще дѣйствовать, еслибъ общее раздраженіе не приняло такихъ размѣровъ, что его враги готовы были даже лишить его жизни. Предупрежденный заранѣе, Потоцкій рѣшился оставить отечество и уѣхать въ Вѣну, австрійскій императоръ Леопольдъ, видя, что Россія и Пруссія намѣрены ус-

*) Т. е. съ какимъ сожалѣніемъ услышишь ты, полякъ, что славный щасный Потоцкій сталъ москалемъ.

транить его отъ польскихъ дѣлъ, велѣлъ передать Потоцкому и Ржевусскому, чтобъ они хлопотали болѣе о цѣлости государства. По совѣту Ржевусскаго, Потоцкій возвратился на Украйну, и втроемъ съ Ржевусскимъ и съ Ксаверіемъ Браницкимъ, великимъ коронным гетманомъ, человѣкомъ близко извѣстнымъ въ Россіи, отправились въ Петербургъ. Екатерина II, видя у себя на аудіенціи Потоцкаго, Браницкаго и Ржевусскаго, жалующихся на сеймъ и просящихъ помощи противъ него, приняла ихъ очень милостиво и обѣщала свою помощь и покровительство. Полагаясь на эти обѣщанія, увлекшись заманчивой надеждой—быть воскресителемъ старинной польской свободы, полный надеждъ на будущее, Потоцкій вмѣстѣ съ Браницкимъ и Ржевусскимъ выѣхали изъ Петербурга и, остановившись въ Тарговицѣ, образовали въ 1792 году конфедерацію. Потоцкій обѣщалъ народу цѣлость, свободу и независимость, уничтожалъ постановленія конституціоннаго сейма, а самую конституцію 3-го мая назвалъ гробомъ польской свободы. По объявленіи русскимъ министромъ Булгаковымъ войны, народъ и шляхта были страшно возбуждены противъ Потоцкаго, принявшаго званіе генеральнаго маршалка тарговицкой конфедераціи. Громко кричали, что Потоцкій сдѣлался маршалкомъ для того, чтобъ низвергнуть короля съ престола и съ помощью Россіи быть королемъ польскимъ. Когда наступилъ раздѣлъ Польши, Потоцкій сложилъ съ себя власть маршалка, но общій голосъ считалъ его виновникомъ паденія Польши.

Послѣ этого Потоцкій отправился за границу. Въ эпоху краковскаго возстанія подъ предводительствомъ Костюшки, преслѣдованія не оставляли Потоцкаго. Онъ и его сторонники по тарговицкой конфедераціи были позваны варшавскимъ революціоннымъ судомъ. Такъ-какъ явиться на этотъ судъ было бы безуміемъ, то Станиславъ Потоцкій продолжалъ жить за границею; судъ же, безъ всякой съ его стороны защиты, постановилъ приговоръ, которымъ велѣно было повѣсить портреты тарговичанъ.

Кончилось возстаніе, наступилъ новый раздѣлъ Польши, но поляки не переставали обвинять Потоцкаго. Между тѣмъ, послѣ стольких неудачъ и непріятностей въ его политической дѣятельности, Потоцкій влюбился въ извѣстную своею красотой Георгіанку, бывшую женой генерала Вита. Въ семейной

жизни думалъ онъ найти успокоеніе отъ всего имъ испытаннаго. Много денегъ пошло на разводъ, но ожиданія его не сбылись: жена менѣе всего способна была вознаградить всѣ жизненныя испытанія. Кому все этому присоединились еще несчастный бракъ дочери и дурное поведеніе сына, проигравшаго въ Петербургѣ нѣсколько сотъ тысячъ рублей и высланнаго оттуда къ отцу, по приказанію императора Павла. Вернувшись домой, сынъ началъ ухаживать за мачихой и вообще былъ предметомъ постоянныхъ заботъ о немъ отца. Все это окончательно потрясло старика, и онъ умеръ отъ огорченій раньше времени.

(Продолженіе будетъ).

С. Никольскій.

4.

ВИЛЕНСКІЯ МАНИФЕСТАЦІИ ДО И ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНЯГО МЯТЕЖА.

Сигизмундъ Сѣраковскій и его казнь. Сост. Н. Цыловъ, Вильна въ типографіи Губернскаго Правленія 1867.

Читателямъ нашимъ безсомненія хорошо извѣстна эта брошюра. Отсылая читателей за подробностями къ самому сочиненію г. Цылова, мы останавливаемся на главнѣйшихъ событіяхъ, которымъ была свидѣтельницей Вильна во время послѣдняго польскаго мятежа. Брошюра г. Цылова составляетъ всего 60 страницъ, изъ нихъ только 11 посвящены Сѣраковскому; выписывать ихъ значило бы перепечатать почти всю брошюру. Вильна во время мятежа представляетъ отдѣльный и весьма любопытный эпизодъ въ исторіи послѣдняго возстанія, на которомъ мы и останавливаемся, слѣдуя почти буквально за г. Цыловымъ.

Событія быстро бѣгутъ, быстро отодвигаются назадъ въ область исторіи. Еще не зажили раны послѣдняго кроваваго возстанія, и оно уже вступило въ эту область разслѣдованія и суда, суда праваго и неподкупнаго. Два исторіографа спеціально посвятили свои силы и труды этому дѣлу: въ Варшавѣ г. Бергъ, у насъ въ Вильнѣ—г. Ратчъ. Что представятъ намъ ихъ изслѣдованія, помимо уже извѣстныхъ, такъ сказать, и-

лорадочно записанныхъ событій въ самый моментъ мятежа,— покажетъ время, приближеніе котораго съ понятнымъ нетерпѣніемъ и правомъ ожидаютъ русское общество и литература. Но и теперь, до появленія въ свѣтъ этихъ трудовъ, мы уже имѣемъ описанія отдѣльныхъ эпизодовъ возстанія; такое значеніе имѣютъ *Польская Эмиграція* г. Ратча, *Іосафатъ Огрызко* г. Гоголя и настоящая брошюра г. Цылова. Не причисляемъ сюда 1-го тома *свѣдѣній о польскомъ мятежѣ 1863 года*, В. Ѳ. Ратча, составляющаго начало его обширнаго труда; ибо этотъ первый томъ, съ особымъ къ нему обширнымъ введеніемъ, разсказываетъ лишь объ отношеніяхъ Литвы къ Польшѣ и вообще излагаетъ исторію сѣверо-западныхъ губерній до послѣдняго раздѣла Польши. Мы не со всѣмъ раздѣляемъ основную мысль почтеннаго исторіографа: *слѣдить за нитями* (возстанія), *пока онѣ будутъ тянуться.* Авторъ это и сдѣлалъ въ своей *Польской Эмиграціи:* оттуда, и никакъ не далѣе, какъ съ 1795 г., и нужно было бы отправляться въ своихъ разслѣдованіяхъ историку послѣдняго мятежа, не смѣшивая двухъ задачъ — собственно исторіи возстанія и исторіи западныхъ областей Россіи въ эпоху господства надъ ними Польши,— исторіи, ложно представляемой польскими бытописателями. Такой дуализмъ въ изслѣдованіи имѣетъ даже и внѣшнія неудобства, отсрочивая надолго появленіе въ свѣтъ главнаго, спеціальнаго труда исторіографа. Все это нисколько не мѣшаетъ намъ относиться съ уваженіемъ къ трудамъ г. Ратча. Но, оставаясь при нетерпѣливомъ ожиданіи полной исторіи послѣдняго мятежа, будемъ пока довольствоваться знакомствомъ съ его частностями, эпизодами.

Вильна была важнѣйшимъ, послѣ Варшавы, пунктомъ мятежной организаціи. — Здѣсь существовалъ, задолго еще до вооруженнаго мятежа, свой мятежный комитетъ, подъ именемъ отдѣла, управляющаго литовскими провинціями. Изъ членовъ этого комитета обнаружены: *Яковъ Гейшторъ*, *Антонъ Еленскій*, князь *Гедройцъ*, *Францъ Далевскій*, *Людвигъ Звиржидовскій (Топоръ)*, *Александръ Оскерко*, *Клечковскій*, и нѣк. др. — *Малаховскій*, бѣжавшій изъ Вильны послѣ неудачнаго покушенія на жизнь виленскаго губернскаго предводителя дворянства А. Ѳ. Домейко, былъ начальникомъ г. Вильны. Вообще въ Вильнѣ было до 80 лицъ, непосредственно служившихъ дѣлу возстанія, и цѣ-

лая мятежническая тайная полиція жандармовъ-вѣшателей во главѣ которой стоялъ тогда Домбъ. Виленскій польскій комитетъ служилъ дѣлу вооруженнаго возстанія деньгами и ближайшимъ распредѣленіемъ въ шайки офицеровъ; о количествѣ первыхъ можно судить потому, что, наприм., *Кеневичъ* получилъ 15,000 руб. сер. на возбужденіе возстанія въ приволжскихъ губерніяхъ. Что же касается распредѣленія офицеровъ въ шайки, то въ одномъ изъ показаній члена варшавскаго ржонда мы читаемъ между прочимъ, что виленскій комитетъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи столько офицеровъ, что не зналъ, куда посылать ихъ. И не мудрено; вслѣдъ за Сѣраковскимъ выслано сюда до 1000 офицеровъ.

Еще въ 1860 году появились въ Вильнѣ разныя революціонныя брошюры и стихи въ кругу польской молодежи. Ученикъ виленской гимназіи, изъ мѣщанъ, *Викентій Витковскій*, хотѣлъ составить общество для заявленія Государю Императору, въ пріѣздъ Его въ Вильну, неудовольствія за неоткрытіе здѣсь университета. Для этой цѣли Витковскій нанялъ особую скрытую квартиру, приглашалъ къ себѣ студентовъ, учениковъ гимназіи и ремесленниковъ, угощалъ ихъ, пѣлъ въ такихъ собраніяхъ патріотическія польскія пѣсни и склонялъ ремесленниковъ къ участію въ освобожденіи *отчизны*. Затѣмъ онъ написалъ возмутительнаго содержанія брошюру и и стихи. Первая была подъ заглавіемъ: „Будемъ любить другъ друга."

Главная мысль брошюры—та, что Польша не умерла, но спитъ во гробѣ, въ болѣзняхъ мученичества.

8-го мая 1861 года въ виленскомъ римско-католическомъ каѳедральномъ соборѣ, по случаю храмоваго праздника св: Станислава, во время литургіи, которую совершалъ виленскій епископъ Красинскій, въ первый разъ открыто запѣли революціонный гимнъ:

„Боже, Который Польшу столь многіе вѣки
„Озарялъ блескомъ могущества и славы и т. д.

Въ костелѣ было до 2-хъ тысячъ народа. Болѣе другихъ обратили на себя вниманіе громкимъ, неистовымъ крикомъ студенты университетовъ: петербургскаго—*Викторъ Пиляковскій*, московскаго — графъ *Казиміръ Тышкевичъ* и *Александръ Зельверовичъ*, бывшій студентъ дерптскаго университета *Кин-*

новскій, называющійся докторомъ *Дыбовскій*, и житель Царства Польскаго, отставной прапорщикъ *Станишевскій*. Всѣ они были арестованы. Тогда толпа женщинъ, числомъ около 50, явилась къ генералъ-губернатору съ ходатайствомъ объ освобожденіи арестованныхъ, а на другой день пришла уже съ настойчивостью повторить свою просьбу, и разошлась только изъ боязни и стыда быть облитою прибывшею пожарною командой. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ, видимо руководившія толпою и болѣе дерзкія въ обращеніи и разговорѣ, были высланы изъ Вильны въ свои имѣнія, съ запрещеніемъ возвращаться въ Вильну.

17-го мая, въ остробрамскомъ костелѣ, послѣ вечерни, которую совершалъ также епископъ Красинскій, ученики виленской гимназіи, въ числѣ 30 человѣкъ, пропѣли съ неистовыми криками вышеназванный гимнъ. За тѣмъ тотъ же гимнъ пропѣтъ былъ гимназистами предъ статуею Богоматери у францисканскаго костела и наконецъ въ костелѣ Св. Іоанна, при огромномъ стеченіи колѣнопреклоненнаго народа. А 23 мая гимназисты пѣли гимнъ предъ тою же статуею, уже съ хлыстиками въ рукахъ. Съ этого времени дерзость учениковъ гимназіи стала проявляться бранью и оскорбленіями особенно полицейскихъ чиновниковъ, и вообще русскихъ людей. Скоро къ гимназистамъ и студентамъ присоединились въ этомъ женщины и затѣмъ чиновники польскаго происхожденія, а наконецъ и остальной народъ, разумѣется, изъ поляковъ католиковъ. До 20-го іюня пѣніе гимновъ предъ образомъ острobрамской Богоматери на улицѣ начиналось обыкновенно по окончаніи литаніи и по закрытіи образа занавѣсью; а съ этого числа начали пѣніе при зажженныхъ свѣчахъ, причемъ и ксендзъ въ священническомъ облаченіи становился на колѣни. Съ іюля пѣніе происходило уже на всѣхъ улицахъ.... Толпы увеличивались и начали устраивать огромныя манифестаціи въ загородныхъ мѣстахъ.

(Вил. Вѣст.)

ВАРШАВА.

Въ „Петерб. Вѣд." сообщаютъ, что здѣсь до сихъ поръ еще отъ времени до времени, открываются иногда совершенно

неожиданнымъ образомъ, дѣйствія бывшихъ членовъ революціонной организаціи, скрывавшихся въ теченіе многихъ лѣтъ подъ ложными именами. Такъ, напримѣръ, варшавскій старшій фельдшеръ Леонъ Длугошъ былъ высланъ на жительство въ имперію, подъ именемъ Петра Орловскаго, какъ простой инсургентъ, взятый съ оружіемъ въ рукахъ. Въ городѣ Уфѣ Длугошъ принялъ православіе. Многіе изъ русскихъ выразили, вслѣдствіе этого, живое участіе къ его карьерѣ и предоставили ему мѣсто при уфимскомъ тюремномъ замкѣ, гдѣ онъ служилъ подъ именемъ Петра Орловскаго до настоящаго года.

Въ началѣ же текущаго года варшавскимъ властямъ сдѣлалось извѣстнымъ, что бывшій офицеромъ и начальникомъ 2 отдѣленія варшавскихъ жандармовъ-кинжальщиковъ служитъ въ городѣ Уфѣ подъ именемъ Петра Орловскаго. Вытребованный поэтому въ Варшаву, мнимый Орловскій, въ виду неотразимыхъ уликъ, долженъ былъ сознаться:

Что онъ дѣйствительно Длугошъ; что еще въ 1862 году вступилъ въ составъ конспираціонной организаціи, выполнилъ преступную присягу, а подъ конецъ того же года былъ уже возведенъ въ сотники, какъ успѣвшій навербовать цѣлую сотню кинжалистовъ. Въ октябрѣ 1862 же года Длугошъ принималъ непосредственное участіе въ убійствѣ, въ городѣ Плоцкѣ, частнаго писца Антона Юрчиковскаго. Въ маѣ 1863 г. былъ поставленъ начальникомъ 2-го отдѣленія варшавскихъ кинжалистовъ подъ главнымъ начальствомъ Павла Ландовскаго, передавшаго ему болѣе двадцати смертныхъ приговоровъ. По приказанію Длугоша, убитъ кинжальщикомъ его, Альбертомъ Рыхли, чиновникъ магистрата Скавронскій; убійцѣ Длугошъ заплатилъ за это около 10 руб. Въ августѣ 1863 года Длугошъ съ фельдшеромъ больницы „Младенца Іисуса“ Львомъ Квабишевскимъ, отравилъ кинжалы почти всѣхъ варшавскихъ кинжальщиковъ ядами и злокачественными матеріями. Подчиненный Длугошу ремесленникъ, Александръ Тхуржницкій, снабженный отравленнымъ кинжаломъ, ранилъ на маршалковской улицѣ доктора 3 гвардейской артиллерійской бригады, Мессершмитда. 23 сентября 1863 года кинжальщики Длугоша убили, по приказанію послѣдняго, доктора Германа, остановившагося въ европейской гостинницѣ. Главному убійцѣ, столяру Антону Новаковскому, управлявшему дѣйствіями прочихъ злоумышлен-

никовъ, Длугошъ заплатилъ около 100 руб. Въ концѣ ноября 1863 года, Длугошъ, по порученію жонда, выѣхалъ въ Радомскую губернію, съ цѣлью учредить въ разныхъ городахъ жандармовъ—кинжальщиковъ, что, впрочемъ, ему удалось сдѣлать только въ двухъ мѣстечкахъ. Наконецъ, избѣгая поимки, онъ примкнулъ къ шайкѣ Босака (Гауке), по разбитіи коей арестованъ и, подъ именемъ Петра Орловскаго, высланъ въ имперію на жительство, принялъ въ Уфѣ православіе, получилъ казенное мѣсто и чуть было не женился на одной довольно богатой дворянкѣ-дѣвицѣ.

ЧАСТНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ «РУССКАГО ИНВАЛИДА»

ИЗЪ ВАРШАВЫ.

Славянское добродушіе.—Единодушіе поляковъ.—Поляки и русскіе на службѣ. — Мировые посредники. — Земская стража.

Наше славянское добродушіе, изъ-за котораго мы столько охали, высказывается въ настоящее время въ полномъ блескѣ. Кто толкуетъ о примиреніи, кто о гуманности, и всѣ идутъ врознь, являя своимъ поведеніемъ полнѣйшее равнодушіе не только къ русскому дѣлу, но и другъ къ другу, какъ будто бы и не существовало еще недавнихъ серьезныхъ уроковъ прошлаго. А между тѣмъ далеко ли намъ гоняться за примѣрами дружныхъ дѣйствій— они передъ нами—въ лицѣ тѣхъ же поляковъ. Посмотрите, какъ они систематически проводятъ свое дѣло (ожидая съ нетерпѣніемъ европейской войны), чтобы разомъ озадачить насъ какимъ нибудь сюрпризомъ; какъ они вездѣ поддерживаютъ своего брата, подсаживая его на теплое административное мѣсто; какъ скоро они доставляютъ хорошую должность удаленнымъ отъ службы лицамъ, замѣшаннымъ въ темныхъ дѣлахъ темнаго жонда! Хорошо было бы, если бы, по слѣдамъ поляковъ, и русскіе также усердно защищали другъ друга и свое дѣло. Да, честь вамъ милые славянскіе отщепенцы,—вы показываете намъ, какъ должно дѣйствовать, вы намъ ежеминутно говорите: *согнуть насъ можно, но не сломать;* а вѣдь извѣстно, что согнутое разгибается и приходитъ въ первобытное состояніе.

Поляковъ на службѣ въ здѣшнемъ краѣ достаточно: и въ

полиціи, и въ другихъ административныхъ сферахъ. Служащихъ русскихъ укоряютъ въ ихъ незнаніи языка и мѣстныхъ обычаевъ, въ отсутствіи той ловкости и расторопности, которыми обладаетъ полякъ, и потому послѣднихъ иногда предпочитаютъ первымъ. Но стоитъ только указать на нѣкоторыя учрежденія, въ которыхъ преобладаетъ исключительно русскій элементъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что эти недостатки легко и быстро устраняются. Примѣромъ могутъ служить здѣшніе мировые посредники, или коммисары, пріѣхавшіе въ незнакомый край, не знавшіе мѣстныхъ порядковъ и обычаевъ, и принесшіе странѣ огромную пользу. Недавно былъ я въ шестнадцати уѣздахъ двухъ польскихъ губерній и не могъ нарадоваться одному учрежденію, которое называется *земскою стражею*. Все она знаетъ, все ей извѣстно, ни чѣмъ ее не подкупите. Всѣ младшіе и старшіе стражники—*русскіе*, и даже не могутъ быть женаты на *католичкахъ*. Въ этомъ я убѣдился въ одномъ пограничномъ уѣздѣ, гдѣ стражникъ хотѣлъ жениться на нѣмкѣ-католичкѣ. Когда онъ явился къ уѣздному начальнику (который былъ, на бѣду ему, изъ русскихъ лютеранъ), то послѣдній выразилъ ему желаніе, чтобы его будущая жена приняла православіе. Это исполнилось, и тогда только начальникъ дозволилъ стражнику вступить въ бракъ съ женщиною, которая, изъ любви къ будущему мужу, перешла въ греко-россійское исповѣданіе. Рѣдко проходитъ годъ, чтобы въ томъ или другомъ мѣстѣ не напали на стражниковъ, не убили или не повѣсили одного изъ нихъ. Изъ этого вы можете заключить, *кому они непріятны и кому они служатъ*. Въ каждомъ городкѣ, гдѣ нѣтъ другихъ властей, кромѣ бургомистра-поляка, получающаго на этомъ важномъ посту едва 200 руб. въ годъ, живутъ старшій и младшій стражники. Старшій отправляется каждую субботу въ уѣздный городъ, къ начальнику земской стражи, съ письменнымъ донесеніемъ о случившемся среди польскаго населенія, о состояніи городка и о вновь прибывшихъ или во время недѣли отбывшихъ лицахъ.

(Русск. Инв.)

РУЖИЦКІЙ И ЕГО ШАЙКА.

(Къ свѣдѣніямъ о послѣднихъ польскихъ безпорядкахъ на Волыни).

После совершеннаго пораженія мятежныхъ шаекъ въ м. Мирополѣ и подъ с. Минковцами 1), бѣжавшіе съ поля битвы мятежники спѣшили соединиться подъ предводительствомъ Ружицкаго. Эта послѣдняя шайка, избѣгая всякой встрѣчи съ нашими войсками, блуждала съ мѣста на мѣсто, заходила даже въ Подольскую губернію и просто не знала гдѣ укрыться. Навербовавъ по дорогамъ еще другихъ подобныхъ себѣ повстанцевъ, шайка эта возвратилась опять въ Волынскую губернію. Но и здѣсь мятежники не могли соединиться вмѣстѣ и блуждали отдѣльными партіями подъ предводительствомъ разныхъ своихъ начальниковъ. Ружицкій и его шайка производили разныя безчинства, распространяли повсюду такъ называемыя золотыя грамоты и усиливались ввести въ заблужденіе мирное сельское населеніе. Крестьяне однакожъ не прельщались обѣщаніями мятежниковъ и презирали ихъ угрозы. Во всѣхъ становыхъ квартирахъ и волостныхъ управленіяхъ мятежники истребляли дѣла, забирали общественныя деньги и строго наказывали лицъ, которыхъ подозрѣвали въ нерасположенности къ «народной справѣ», словомъ: гдѣ только они проходили, всюду разрушали общественное благоустройство, стараясь въ этомъ перевзойти даже злодѣянія шаекъ, разбитыхъ подъ Мирополемъ и Минковцами 2). Во время прохода Ружицкаго черезъ с. Браталовъ (Житомирскаго уѣзда) онъ, объявляя крестьянамъ золотую грамоту, самъ ее читалъ и отдалъ старостѣ съ приказаніемъ беречь; когда же мятежники выступили, староста с. Браталова явился въ Житоміръ и представилъ грамоту губернатору. Въ м. Любарѣ мятежники сожгли всѣ дѣла и бумаги становой квартиры и волостнаго правленія. То же самое они сдѣлали въ м. Острополѣ, въ сс. Гнойничкѣ, Махновѣ, Новомъ селѣ и Антонинѣ. Въ послѣднемъ селеніи они забрали много лошадей, овса, водки и разной провизіи. Шайка изъ Кустовецкихъ лѣсовъ напала на кустовецкое волостное правленіе и уничтоживъ всѣ бу-

1) Смотр. № 37 Волынс. губ. вѣдом. 1868 г.
2) Циркуляръ начальника Вол. губ. 22 мая 1863 г. № 4060.

маги, забрала хранившіяся въ ящикѣ деньги. За тѣмъ они поймали сельскаго старосту и одного крестьянина Владжуру, избили ихъ нагайками и увели съ собою въ кустовецкій лѣсъ 1). Численность шайки съ точностью опредѣлить нельзя. Полагали тогда что всѣ шайки вмѣстѣ заключали до 2000 человѣкъ. Шайки, эти какъ мы сказали выше, всячески уклонялись отъ открытаго боя и довольствовались только тѣмъ, что собирали у крестьянъ по деревнямъ и читали имъ возмутительныя грамоты, объявляя при этомъ, чтобы не исполнять издѣльной повинности, не платить помѣщикамъ оброка и не взносить казенныхъ податей или повинностей. Виновныхъ въ нарушеніи этого постановленія они стращали смертью 2). Для уничтоженія скопищъ, бродившихъ между Любаромъ и Краснополемъ, начальникъ Волынской губерніи отправилъ летучій отрядъ изъ 4 ротъ забалканцевъ, части стрѣлковъ 8 баталіона и 50 козаковъ, съ приказаніемъ преслѣдовать и уничтожить шайку. Главныя силы мятежниковъ сосредоточивались въ Заславскомъ уѣздѣ, но ни разу не были въ Староконстантиновскомъ, хотя на границѣ этого уѣзда нѣсколько разъ показывались. Шайка эта предводительствуема была самимъ Ружицкимъ, который вездѣ выдавалъ себя за графа Браницкаго. 7-го мая шайка эта заняла с. Шкаровку (Засл. уѣзд.) и ночевала въ с. Мацѣвичахъ. 8 числа на разсвѣтѣ, маіоръ Бочаровъ съ 200 нижнихъ чиновъ направился противъ нее, прошелъ по ея слѣдамъ нѣсколько деревень, но не настигши возвратился обратно. Того же 8 числа, въ 4 часа по полудни, шайка эта прошла черезъ м. Острополь и пройдя еще 8 верстъ остановилась на ночь близъ селенія Пытова, потомъ перешла на степь с. Хорловецъ (въ Новоградоволынскомъ уѣздѣ), а 11 числа была недалеко м. Сонявы (Литинск. уѣзда) и направилась по дорогѣ въ г. Хмѣльникъ. Экспедицій противъ шаекъ изъ г. Староконстантинова было три и, несмотря на то, что нижніе чины, всѣ безъ исключенія, отправлялись на подводахъ, доставлявшихся крестьянами безъ всякаго замедленія, они все—таки ни разу не настигли мятежниковъ, потому что послѣдніе, боясь встрѣчи съ войскомъ, быстро уходили въ стороны или назадъ. 14-го мая получено было увѣ-

1) Донесеніе ген. губернатору отъ 18 мая 1863 № 3928.

2) Рапортъ командира войсками Заславскаго уѣзда и начальника того же уѣзда отъ 14-го мая 1863 г. № 28.

домленіе, что шайка эта перешла уже м. Любаръ 1). Того же дня, предъ сумерками шайка мятежниковъ напала на почтовую станцію Лесенецкую (первая станція по заславскому тракту въ 17-ти верстахъ отъ г. Староконстантинова), разграбила ее и забрала всѣхъ почтовыхъ лошадей, но вслѣдъ за ними прибывшій отрядъ пѣхоты открылъ по мятежникамъ ружейный огонь. Мятежники немедленно бѣжали, оставивъ 3 убитыхъ и 11 раненыхъ, кромѣ того отбито было у нихъ въ этой стычкѣ 5 нагруженныхъ новозокъ и 18 лошадей; со стороны отряда урону никакого не было 2). Преслѣдуя мятежниковъ со станціи Лесенецкой, отрядъ вновь завязалъ перестрѣлку при с. Солихи (Засл. уѣзда). Бой продолжался нѣсколько часовъ. Мятежники, собравшіеся въ огромномъ количествѣ, ходили нѣсколько разъ въ атаку на отрядъ, но каждый разъ отброшены были съ большимъ урономъ, наконецъ когда подоспѣла еще 3 рота Алексѣпольскаго пѣхотнаго полка, мятежники стали отступать. При этомъ случаѣ убиты: одинъ подпоручикъ, трое изъ нижнихъ чиновъ, 2 козака, кромѣ того было 19 раненыхъ. Потеря мятежниковъ была велика. Начальникъ этихъ вооруженныхъ скопищъ Дунинъ былъ убитъ. Въ этой стычкѣ забрано было много лошадей повозокъ и оружія 3).

Около этого времени начали формироваться шайки въ Галиціи, которыя намѣревались ворваться въ Волынскую и Подольскую губернію и поэтому полагали, что Ружицкій съ своею шайкою непремѣнно желаетъ соединиться съ галиційскою шайкою, чтобы снова начать свои похожденія на Волыни. Предприняты были конечно всѣ мѣры для того, чтобы воспрепятствовать такому соединенію, но Ружицкій и его скопища вовсе не думали о соединеніи съ галиційскою шайкою, а желали какъ можно скорѣе убраться, по живу по здорову, изъ Россіи, и дѣйствительно, добравшись съ остаткомъ своей разбитой шайки къ австрійской границѣ около Щоснова (Крем. уѣзда), на Вольчинецкомъ посту, эти рыцари народной справы перешли границу и, брошенные тамъ Ружицкимъ, разбрелись по разнымъ мѣстамъ, выдавъ свое оружіе австрійцамъ.

1) Рапортъ староконст. уѣзднаго начальника 12 мая 1863 г. № 1077.

2) Рапортъ начальника староконст. уѣзд. полиціи отъ 15 мая 1863 № 1102.

3) Рапортъ начальника староконст. уѣзда пол. 16 мая 1863 № 1112.

Такимъ образомъ знаменитый герой польской справы окончилъ свою мятежническую карьеру. Къ постыдной славѣ этого героя нужно сказать, что онъ отличался во время своего отступленія жестокостями,—даже не оправдываемыми никакою цѣлью. Такъ, приблизившись къ границѣ вмѣстѣ съ своею шайкою, Ружицкій приговорилъ къ смерти одного безоружнаго крестьянина селенія Щостновки Василія Васильева Гетманчука, оставившаго послѣ смерти своей беременную жену, трое дѣтей, и родственниковъ жены своей, бывшихъ на его призрѣніи и содержаніи. Преступленіе этого крестьянина состояло въ томъ, что онъ съ двумя другими крестьянами, смотря съ крыши (починкою коей занимался),—какъ на объѣздчика пограничной стражи, напали двое изъ мятежниковъ и послѣ сдѣланныхъ по немъ двухъ неудачныхъ выстрѣловъ, объѣздчикъ бросился за ними, и одного свалилъ пилою—кричалъ «бей его получше» 4).

После разгрома скопищъ Ружицкаго, Волынь очистилась отъ вооруженныхъ шаекъ.

Пересматривая списокъ мятежниковъ забранныхъ нашими отрядами и крестьянами въ миропольской и заславской стычкахъ, оказывается, что большая часть изъ нихъ принадлежала предъ мятежомъ къ самому невоинственному классу людей, которымъ ввѣрялось управленіе краемъ, а именно къ чиновникамъ разныхъ вѣдомствъ. Эти списки могутъ служить весьма назидательнымъ поученіемъ газетѣ «Вѣсть», ратующей за предоставленіе полякамъ служебныхъ правъ по всѣмъ отраслямъ администраціи въ юго-западномъ краѣ.

(Вол. Губ. Вѣд.)

КОЕ-ЧТО ИЗЪ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

Въ жизни здѣшняго крестьянина встрѣчаются постоянныя противорѣчія: то онъ старается заявить себя чисто русскимъ, то льнетъ къ польскимъ обычаямъ. Его учатъ говорить и жить по русски, и онъ охотно учится; но въ то же время любитъ щегольнуть и знаніемъ польскаго языка, панскихъ манеръ и обычаевъ, любитъ под-

1) Рапортъ начальника кременецкой уѣздной полиціи отъ 10 іюля 1863 года № 649. Отношеніе начальника штаба кіевскаго воен. округа волынскому губернатору отъ 3 іюля 1863 № 4716.

дѣлываться подъ панскій тонъ. Это особенно бросается въ глаза въ собраніяхъ, при танцахъ, когда онъ старается показать себя человѣкомъ ловкимъ, вѣжливымъ, образованнымъ. Здѣсь онъ обращается въ панскую карикатуру. Непріятно видѣть крестьянку, когда она, послѣ танцевъ, расшаркивается новыми лаптями и, дѣлая уморительный книксенъ или реверансъ, обращается къ музыкантамъ съ отвратительнымъ «*дзенькуе*». Еще непріятнѣе видѣть крестьянъ, разсуждающихъ между собою, со всей важностью польскихъ магнатовъ, на неизвѣстномъ нарѣчіи, которое они въ простотѣ души считаютъ чистымъ варшавскимъ. Что не къ лицу, такъ не къ лицу! Впрочемъ это уродливое явленіе въ здѣшней народной жизни не столько досадно, сколько смѣшно. При томъ крестьяне цивилизуются подобнымъ образомъ отъ пановъ не потому, чтобы имѣли пристрастіе къ полякамъ, а потому, что желая подражать панамъ, они не имѣютъ съ кого брать примѣра, кромѣ поляковъ: имъ недоступна домашняя жизнь русскихъ пановъ, проживающихъ по обязанностямъ службы, по большей части, въ городахъ. Прислуга же ихъ, какъ и всякая прислуга при лицахъ чиновныхъ, смотритъ на нихъ слишкомъ высокомѣрно. Если какой-нибудь Осипъ и удостоитъ крестьянина своимъ разговоромъ, то вся его цивилизаторская дѣятельность можетъ ограничиться только извѣстными: «мы съ бариномъ, значится, выходится, къ примѣру говоря и т. п.», которыми онъ сыплетъ безъ числа и мѣры, ни къ селу, ни къ городу. Ужъ и такъ—то не ясна рѣчь здѣшняго крестьянина, а если онъ позаимствуется этими *значится* да *выходится*, которые и въ устахъ великорусса звучатъ непріятно, то она совершенно затемнится.

Такимъ образомъ панскимъ языкомъ, а слѣдовательно и деликатнымъ, остается, въ мнѣніи крестьянъ, языкъ польскій; а такъ какъ жизнь польскихъ пановъ, особенно мелкихъ—шляхты, совершенно доступна крестьянамъ, то они и перенимаютъ отъ нихъ что могутъ, тѣмъ болѣе что, не смотря на свое убожество, имѣютъ страстишку при случаѣ разыгрывать изъ себя пана. Польскій языкъ перенимается ими и отъ батраковъ, лакеевъ, камердинеровъ, живущихъ при панскихъ дворахъ. Послѣдніе, проживши у пана года два, въ собраніяхъ непремѣнно начинаютъ говорить по польски и относиться къ окружающимъ съ сознаніемъ собственнаго превосходства; имъ и родная *левониха* не мила: давай имъ кадрили, мазурки, да краковяки. Мнѣ случалось видѣть народныя гулянья

около Минска. Дѣло обыкновенно бываетъ такъ: приход
канты, безъ которыхъ здѣшній народъ не любитъ веселить
вый танецъ, какъ самый основательный, *левониха*. П
трѣть, какъ молодцы и молодицы отхватываютъ его. Здан
танцы въ зданіи, въ полномъ смыслѣ ходенемъ ходитъ, а
улицѣ, то пыль столбомъ стоитъ; за левонихой обыкновенн
дуетъ *бычокъ*, а за нимъ *казачки*, *гуськи* и прочая
Но вотъ на сцену выступаютъ сюртуки или польто, завиты
и эспаньелки (жалкая имитація панамъ!). Это явились лаке
нюхи, батраки и т. п.: людъ изъ ближайшихъ панскихъ дво
На минуту все утихаетъ; мѣсто среди комнаты очищается,
канты начинаютъ играть въ честь пришедшихъ, за что посл
должны, разумѣется, щедро поплатиться. Музыкантамъ,
можетъ, это и съ руки, но вечеръ уже испорченъ: левоних
бычокъ замолкаютъ, половина изъ присутствующихъ удаляется
сторону и только избранными начинаются разныя польки, кадри
и мазурки. Бѣлорусская рѣчь слышится лишь по сторонамъ,
на сценѣ уже импонируютъ *паны* и *пани* своими манерами
тѣмъ нарѣчіемъ, которое крестьянами принимается за варшавск
И долго тянутся эти кадрили и мазуры на удивленіе присутств
ющимъ, покуда какой-нибудь парень, хватившій порядкомъ пол
гару, отъ котораго у него кровь расходилась, вдругъ не полезет
въ карманъ и, вынимая оттуда двѣ мѣдныя гривны, не скажет
музыкантамъ: а ну, левониху! И загремитъ снова левониха и заходитъ зданіе ходенемъ. Не случись расходившагося парня, вечеръ такъ и окончился бы кадрилями, да мазурами, большая половина сидѣла и завидовала бы танцующимъ.

Въ этомъ отношеніи здѣшній крестьянинъ отсталъ отъ великорусскаго. Послѣдній уже устоялся въ своемъ національномъ духѣ и поэтому къ нему очень туго прививается барство. На подобныхъ здѣшнимъ цивилизаторовъ,—лакеевъ и камердинеровъ,—онъ смотритъ съ презрѣніемъ и величаетъ просто на просто лизоблюдами.

Пристрастіе къ панскому языку еще болѣе уродуетъ бѣлорусскую рѣчь польскими словами. Какъ скудна эта рѣчь, уже видно изъ того, что крестьянинъ принужденъ часто пополнять ее мимикой. Въ самыхъ обыкновенныхъ разговорахъ, когда велико-русскій крестьянинъ и бровью не моргнетъ, здѣшній машетъ руками. Пословица «за словомъ въ карманъ не полѣзетъ» вовсе нейдетъ къ здѣшнему народу. Нельзя впрочемъ не посмотрѣть и на оборотную

[illegible]

сторону медали. Крестьянинъ любитъ щегольнуть польскимъ языкомъ, но это кромѣ щегольства ему ничего и не даетъ; за то крестьянинъ, хорошо усвоившій великорусскую рѣчь, очень уважается своими собратами, какъ человѣкъ полезный въ дѣлахъ волости, который не только съ мировымъ, а и съ самимъ губернаторомъ поговорить съумѣетъ; такой крестьянинъ почти никогда не остается безъ какой-нибудь общественной должности, или покрайней мѣрѣ въ важныхъ случаяхъ отправляется ходатаемъ по дѣламъ общества, а это не мало значитъ для крестьянина. Слѣдовательно значеніе русскаго языка между народомъ въ послѣднее время значительно поднялось и онъ имѣетъ въ глазахъ крестьянъ болѣе важности, чѣмъ языкъ польскій. Вся надежда на его распространеніе и утвержденіе заключается теперь въ народныхъ школахъ; онѣ здѣсь представляютъ собою купель, посредствомъ которой только и возможно очиститься крестьянамъ отъ польской грязи. Съ устройствомъ училищъ выводится мало по малу и обыкновеніе крестьянъ отправлять всѣ празднества въ корчмахъ. Пріѣхавши въ праздникъ въ церковь, они уже не останавливаются въ корчмѣ, а непремѣнно въ училищѣ или въ волостномъ правленіи, и такимъ образомъ избавляются отъ соблазна выпить водки до обѣдни. Только послѣ обѣдни заѣзжаютъ въ корчму, но и то, по большей части, запасшись водкой, отправляются домой, тогда какъ въ прежнее время цѣлые праздничные дни проводились въ корчмѣ. По моему крайнему разумѣнію, хорошо поступаютъ тѣ наставники, которые позволяютъ народныя гулянья отправлять лѣтомъ около училища, а зимой и въ самомъ училищѣ. Этимъ они отъучаютъ крестьянъ отъ корчмы и отъ пьянства. Съ другой стороны разнообразится и самое гулянье: здѣшній народъ на гуляньяхъ не поетъ пѣсенъ, да и не для гулянья онѣ сложены; тотъ только поетъ ихъ, кому не веселиться, а плакать хочется. Но когда гулянье въ училищѣ, то непремѣнно являются туда и обучающіяся дѣти, которыя, въ антрактахъ между танцами, любятъ похвастаться пѣніемъ русскихъ пѣсенъ. Пѣніе это очень интересуетъ крестьянъ, и теперь во многихъ мѣстахъ Минскаго уѣзда можно слышать не одни заунывные напѣвы, а часто и молодецкіе русскіе мотивы. Правда, невсегда весела и наша пѣсня, но у насъ и въ горѣ слышится надежда живаго народа, тогда какъ въ пѣснѣ бѣлорусса звучитъ страшная, надрывающая душу тоска, горе безвыходное, вопль умирающаго отъ насилія народа. Не даромъ же между ихъ печальными мотивами начали теперь появляться

и русскіе: пора и бѣлоруссу встрепенуться, вѣдь трудныя-то времена ужъ миновались.

Ст—овъ.
(Мин. Губ. Вѣд.)

РАЗГОВОРЪ РЕКТОРА КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ ІОАННИКІЯ ГАЛЯТОВСКАГО СЪ ІЕЗУИТОМЪ АДРІАНОМЪ ПЕКАРСКИМЪ О РИМСКОЙ ІЕРАРХІИ,

на пиршествѣ у канцлера, римско-католическаго луцкаго епископа Николая Пражмовскаго, по случаю пріѣзда его въ Бѣлую Церковь, 5 ноября 1663 года.

Въ 1663 г. польскій король Казиміръ, отправляясь съ войскомъ на Украйну, для усмиренія запорожскихъ казаковъ, остановился въ Бѣлой Церкви, гдѣ имѣлъ отдыхъ цѣлую недѣлю. Былъ здѣсь и велико-коронный канцлеръ, римско-католическій луцкій епископъ Николай Пражмовскій. На то время кіевское православное духовенство съѣхалось въ м. Корсунь, для избранія митрополита, на мѣсто умершаго Діонисія Балабана 1). Пражмовскій, дѣлая пиршество, по недальному разстоянію Корсуня отъ Бѣлой Церкви, пригласилъ на пиръ и русскихъ духовныхъ сановниковъ. Въ числѣ ихъ были: премышльскій епископъ Виницкій, львовскій, нареченный епископъ (nominat) Адамъ Желиборскій; луцкій же православный епископъ князь Гедеонъ Четвертинскій, хотя былъ также въ Корсунѣ, въ Бѣлую Церковь не пріѣхалъ. Къ обѣду явился и королевскій проповѣдникъ іезуитъ Адріанъ Пекарскій; онъ сѣлъ за столъ противъ Іоанникія Галятовскаго и сказалъ: sunt

---

1) Мѣстечко Корсунь находится въ кіевской губерніи, въ Каневскомъ уѣздѣ, при рѣкѣ Роси, на югъ въ 33 верстахъ отъ Богуславля. До половины XVII в. оно процвѣтало, — было въ немъ много церквей, и въ 7 верстахъ отъ него—на островѣ р. Роси—Онуфріевскій монастырь. Въ этомъ монастырѣ проводилъ послѣдніе дни жизни кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ; въ сентябрѣ 1663 г. онъ тамже и скончался, и погребенъ въ томже монастырѣ. Какъ на погребеніе его, такъ и для избранія новаго митрополита съѣхалось въ Корсунь православное духовенство. Тогда же и избрало оно митрополитомъ луцкаго епископа, князя Гедеона Четвертинскаго.

orientales patres—sint et occidentales (*„Вотъ восточное духовенство, пусть же будетъ оно и западнымъ“*)!

Видя такое собраніе, канцлеръ Пражмовскій обратилъ рѣчь къ русскому духовенству:

— У васъ теперь нѣтъ митрополита. Кто жъ будетъ хиротонисать львовскаго епископа?

Галятовскій отвѣтилъ: У насъ есть два епископа-луцкій и перемышльскій. Они третьяго хиротонисаютъ, такъ какъ первое апостольске правило о поставленіи епископовъ говоритъ: епископъ двумя или тремя да будетъ рукоположенъ (ordinetur).

Канцлеръ при этомъ спросилъ: какой же въ вашей церкви іерархическій порядокъ?

Галятовскій. Такой, какъ и въ церкви римской. У васъ опатъ, у насъ архимандритъ; далѣе, у насъ и у васъ епископъ, архіепископъ, митрополитъ; наконецъ, у васъ папа, а у насъ патріархъ.

Пекарскій крикнулъ: А не такъ! развѣ можно равнять патріарха съ папою, который патріарховъ судилъ, лишалъ каѳедры и предавалъ проклятію?

Галятовскій. Если когда это дѣлалъ папа, то не самъ, какъ самодержавный (despotice) и не собственною своею властію (иначе не послушались бы его), но силою соборовъ (synodaliter). И самихъ папъ патріархи соборно судили, лишали каѳедръ и предавали проклятію, н. п. Гонорія 1, на VI вселенскомъ соборѣ, патріархи предали проклятію за монофелитскую ересь. Извольте читать іезуита Беллармина,—вы найдете у него и болѣе. Поэтому каждый патріархъ равенъ папѣ.

— Равенъ папѣ? съ удивленіемъ воскликнулъ *Пекарскій!* Да папы занимають первое мѣсто на соборахъ: слѣдовательно папа старше патріарха.

Галятовскій. По уваженію, что въ Римѣ была столица императоровъ, дано римскому епископу первое мѣсто, а не для какой либо верховной власти надъ патріархами; но когда столица императоровъ перенесена изъ Рима въ Константинополь, тогда св. церковь такой же чести удостоила и константинопольскаго патріарха. Читайте объ этомъ 13 правило, втораго по порядку вселенскаго—константинопольскаго собора. О томъ же говоритъ и 28 правило халкидонскаго собора. Вотъ вамъ краткій отвѣтъ. Церковь имѣла власть дать первенство рим-

скому папѣ: такую же власть она имѣла отнять у него это первенство, и дать кому другому.

Пекарскій. Не по уваженію къ императорской столицѣ, но по уваженію къ столицѣ Петровой, римскій папа имѣетъ первенство на соборахъ, такъ какъ апостолъ Петръ въ Римѣ имѣлъ свою столицу, и преемственно передалъ папѣ. Петру Христосъ далъ власть надъ апостолами, говоря къ нему: *а ты нѣкогда обращся утверди братію* (Лук. 22, 32). Поэтому и папа не отъ церкви, а отъ Господа Іисуса Христа получилъ верховную власть и первенство на соборахъ. Что касается правила халкидонскаго, то бывшіе на немъ послы папы Льва не приняли его, какъ явно противнаго словамъ Іисуса Христа: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою* (Матѳ. 16, 18).

Галятовскій. Если бы принимать въ уваженіе мѣсто, то церковь іерусалимская должна имѣть преимущество, какъ матерь всѣхъ церквей, родившая ихъ, по словамъ пророка: *отъ Сіона изыдетъ законъ, и слово Господне отъ Іерусалима* (Ис. 2, 3), гдѣ не рабъ Христовъ пострадалъ за истину вѣры, но самъ Господь Іисусъ Христосъ совершилъ искупленіе наше. Притомъ ап. Петръ основалъ каѳедру прежде въ Антіохіи слишкомъ за двадцать лѣтъ раньше чѣмъ въ Римѣ. Слѣдовательно Антіохія предъ Римомъ должна бы имѣть большую честь: но это не было угодно церкви Божіей. Это-то и доказываетъ, что святые отцы обращали вниманіе на столицу императоровъ. А что Левъ папа не принялъ опредѣленія 28 правила халкидонскаго собора, то это ничего не значитъ: ибо всѣ епископы имѣютъ равный голосъ въ соборныхъ постановленіяхъ. Возраженіе двухъ или трехъ папскихъ пословъ не можетъ вредить голосу шестисотъ епископовъ. Читайте объ этомъ своего Беллармина, который такъ говоритъ: „постановленіе о чести патріаршескихъ престоловъ, какимъ образомъ принято на никейскомъ вселенскомъ соборѣ, такимъ же образомъ могло быть отмѣнено отъ другаго подобнаго собора.“ Читайте и Платину, который папу называетъ патріархомъ. Да и кому, знающему исторію Христовой церкви, не извѣстно, что имена митрополита и патріарха получили въ ней начало не отъ временъ апостольскихъ, а позже? Что касается слова папа, то этимъ именемъ назывались вообще епископы; словами же Іисуса Христа: *и ты нѣкогда обращся утверди братію*, ни Петру, ни папѣ, не дано никакой

власти. Здѣсь Іисусъ Христосъ предварилъ апостола Петра, что онъ, отрекшись Его, имѣлъ снова обратиться, покаяться и опять принять апостольское служеніе, и чрезъ это свое покаяніе утвердить братію въ Божіемъ милосердіи, чтобы впадшіе въ грѣхъ не отчаявались, а чрезъ покаяніе обращались къ Богу. Извольте читать объ этомъ у св. Ѳеофилакта. Онъ убѣдитъ васъ въ истинѣ. Впослѣдствіи я отвѣчу вамъ и на то, что значатъ слова: *ты еси Петръ.*

Пекарскій. Христосъ говорилъ Петру: *паси овцы Моя, паси агнцы Моя*, паси избранныхъ Моихъ (wyborne). Три раза повторялъ это; слѣдовательно Христосъ далъ Петру власть быть пастыремъ и главою апостоловъ-овецъ и агнцевъ своихъ.

Галятовскій. Этими словами никакого преимущества предъ апостолами не далъ Христосъ Петру; но только возвратилъ ему достоинство апостола, утраченное чрезъ отреченіе. Для сего три раза и повторялъ слова: *паси овцы Моя*, что Петръ три раза отрекся Христа.

Пекарскій. Сейчасъ я тебя поймаю, когда приведу вашего восточнаго учителя Ѳеофилакта, который въ объясненіи послѣдней главы евангелиста Іоанна Богослова говоритъ, что въ словахъ: *паси агнцы Моя*, Христосъ далъ Петру власть надъ всѣми; поэтому, хотя апостолъ Іаковъ былъ въ Іерусалимѣ епископомъ, но апостолъ Петръ былъ епископомъ цѣлаго міра. Такимъ образомъ уже ты не можешь апостола Іакова равнять съ апостоломъ Петромъ, но ты долженъ признать его меньшимъ и сознаться, что онъ былъ подъ властію Петра.

Галятовскій. По видимому, это доказательство очень сильно, и вы могли бы имъ опутать, какъ сѣтью, того, кто не читалъ святыхъ отцевъ, учителей церкви Христовой. Но извольте читать святаго Дороѳея и святаго Епифанія. Пиша объ апостолахъ, они говорили, что было три Іакова: одинъ-сынъ Зеведеевъ, пострадавшій отъ Ирода; другой-сынъ Алфеевъ, умерщвленный отъ язычниковъ, а третій Іаковъ-іерусалимскій епископъ, братъ Господень по плоти, скончавшійся тамъ же въ Іерусалимѣ, получивъ ударъ палкою по головѣ, отъ нѣкоего красильщика. Іаковъ Зеведеевъ и Іаковъ Алфеевъ были изъ числа 12 апостоловъ, и были равны съ апостоломъ Петромъ, потому что имъ Господь поручилъ проповѣдывать во всемъ мірѣ, далъ имъ власть рукополагать священниковъ

и епископовъ и управлять Христовою церковію, а Іаковъ, епископъ іерусалимскій, былъ изъ числа 70 апостоловъ, которые были меньше тѣхъ, что были изъ числа 12. Поэтому можно сказать, что Іаковъ, епископъ іерусалимскій, былъ меньше Петра, такъ какъ Петръ былъ апостолъ изъ числа 12, а Іаковъ изъ числа 70.

Пекарскій. Христосъ Петру сказалъ: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою.* Слѣдовательно на св. Петрѣ созданы апостолы и церковь.

Галятовскій. Не на Петрѣ, не на человѣкѣ Христосъ обѣщалъ создать церковь, но на вѣрѣ Петровой, каковую имѣли и всѣ апостолы; такъ какъ тоже самое, что находится у евангелиста Матеея въ гл. 16, говорили и всѣ апостолы: *Во истину Божій сынъ еси* (Мате. 14, 33). Отсюда слѣдуетъ и очевидно, что апостолъ Петръ отъ имени всѣхъ апостоловъ исповѣдалъ Іисуса Христа сыномъ Божіимъ. Такъ понимаетъ это и Іоаннъ Златоустый. „Онъ—Петръ, говоритъ, былъ устами всѣхъ, и данный ему отвѣтъ Іисуса Христа относился ко всѣмъ.“ Такъ изъясняетъ слова Христовы и блаженный Августинъ, западный учитель (lib 4 стр. 25, и опять serm. 3), онъ говоритъ, что на этомъ камнѣ и на Христѣ создана церковь Божія. Но яснѣе всѣхъ доказываетъ это самъ же апостолъ Петръ, когда въ 1 посланіи гл. 2 говоритъ объ Іисусѣ Христѣ, что къ *Нему приходяще, камени живу, отъ человѣкъ убо уничижену, отъ Бога же избранну, честну, и сами яко каменіе живо, зиждитеся во храмъ духовенъ* (1 Петр. 2, 4, 5).

Пекарскій. Христосъ сказалъ Петру: *дамъ ти ключи царствія небеснаго: и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ, и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ* (Мате. 16, 19). Это сказано и этимъ даны ключи одному только Петру, а не другимъ апостоламъ; слѣдовательно Петръ есть глава апостоловъ.

Галятовскій. Уже я сказалъ, что отвѣтъ Іисуса Христа, данный Петру, относился ко всѣмъ апостоламъ. Ключи царствія небеснаго означаютъ власть отпущать грѣхи. Эту власть, данную Петру, Христосъ обѣщалъ дать всѣмъ апостоламъ, какъ и дѣйствительно по своемъ преславномъ воскресеніи далъ имъ, когда, дунувши, сказалъ имъ: *пріимите Духъ Святъ, имже*

отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся (Іоан. 20, 23).

Пекарскій. Петръ апостолъ на іерусалимскомъ соборѣ (Дѣян. 15) говоритъ прежде всѣхъ, и священное писаніе о немъ вездѣ первомъ упомнаетъ; поэтому, по праву, онъ получилъ преимущество предъ всѣми апостолами.

Галятовскій. Напротивъ, не вездѣ. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ галатамъ (гл. 2) поставляетъ прежде Іакова, а потомъ Петра. Однако отъ этого Іаковъ не былъ властителемъ (monarcha) надъ апостолами, что слово Божіе упоминаетъ о немъ первомъ; такъ точно и Петръ не былъ самостоятельнымъ (absolutus) надъ ними начальникомъ (dominus). Кромѣ того,—Іакова, Петра и Іоанна ап. Павелъ признаетъ равными, когда называетъ столпами. Сверхъ того, тотъ же апостолъ Павелъ (въ первомъ посланіи къ коринеянамъ гл. 1 пишетъ: *кійждо васъ глаголетъ: азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Кифинъ, азъ же Христовъ.* Вслѣдствіе чего и напоминаетъ имъ: *еда раздѣлися Христосъ, еда Павелъ распятся по васъ, еда во имя Павлово креститеся* (ст. 12). 13? Такъ, почтеннѣйшій! Не нужны эти наши раздѣленія; неумѣстно дѣлаютъ намъ упреки, что мы главою имѣемъ одного Іисуса Христа, и что каждый изъ насъ говоритъ: я Христовъ; напротивъ каждый изъ васъ, господа, гововитъ: я панскій. Поэтому онъ, Павелъ, и къ вамъ говоритъ: „еда папа распятся по васъ? еда во имя папы креститеся?“ Впрочемъ мы не споримъ, что святый Петръ между апостолами былъ первый, по порядку и по числу, но не по власти и достоинству; ибо св. Кипріанъ о единствѣ церкви говоротъ: „всѣ апостолы были тоже самое, что и Петръ, и имѣли одно значеніе, власть и достоинство.“

Пекарскій. Изъ сего слѣдуетъ, что церковь будетъ безъ главы, если вы не признаете главою ни Петра, ни его преемниковъ.

Галятовскій. Нѣтъ. Церковь имѣетъ главу. Этою главою ея Царь и Владыка, самъ Іисусъ Христосъ.

Пекарскій. Вы не видите Христа. Какъ же называете вы Его видимою главою видимой церкви?

Галятовскій. Собраніе вѣрующихъ есть церковь Божія, которая не столько видима, какъ вамъ представляется. Не

знаю, какъ вы можете видѣть ее, распространенную въ цѣломъ мірѣ: развѣ вы говорите только о своей частной церкви, и эту частную римскую церковь вамъ угодно представлять за церковь вселенскую, когда говорите о ея видимой главѣ. Притомъ и эта глава собственно не можетъ называться главою церкви, такъ какъ всѣ пастыри призваны только къ наружной дѣятельности служенія Евангелію, но самъ Христосъ, какъ единая глава церкви, внутренно все совершаетъ, и раздаетъ свои дары, по апостолу: *ни насаждаяй есть что, ни напаяй, но возращаяй Богъ* (Кор. 3, 7). Отъ этой-то главы церкви, собственной, дѣйствительной и единственной, всѣ ея члены получаютъ духовную жизнь и благодатныя внутреннія дарованія. И такъ, пастыри, епископы и папы суть только слуги этой главы церкви Божіей, которые чрезъ внѣшнія іерархическія дѣйствія только служатъ ей въ совершеніи таинствъ (1 Кор. 12).

Пекарскій. Такимъ образомъ будешь всегда обращаться къ Христу въ потребностяхъ вашей церкви, если не будешь признавать видимой главы въ намѣстникѣ Его, преемникѣ Петра.

Галятовскій. А когда папа, эта ваша видимая глава церкви, умретъ и не будетъ его цѣлый годъ, или нѣсколько мѣсяцевъ, то въ то время къ кому изволите обращаться?

Пекарскій. По смерти папы, вся власть и сила его остается при кардиналахъ, они тогда представляютъ видимую главу и управляютъ церковію.

Галятовскій. И мы намѣстниковъ Христовыхъ представляемъ въ лицѣ патріарховъ, митрополитовъ и епископовъ, и мы къ нимъ обращаемся. Они вмѣсто Іисуса Христа управляютъ святою церковію.

Пекарскій. Поэтому ваша церковь есть чудовище (monstrum): она имѣетъ четыре главы высшія, а низшихъ главъ столько, сколько есть митрополитовъ и епископовъ.

Галятовскій. Извините, ваше доказательство ребяческое. По вашему понятію и западная церковь будетъ чудовище, какъ имѣющая двѣ главы — Христа и папу. Я уже сказалъ, въ какомъ смыслѣ называются главами церкви наши патріархи. И вашъ папа есть также западный патріархъ. Но какое различіе между главою тѣла и главою церкви Божіей! Чтобы вамъ убѣдиться въ этомъ читайте своего Беллармина. Въ книгѣ 2 о

константинопольскомъ соборѣ гл. 19., онъ такъ говоритъ: „въ естественныхъ тѣлахъ, если отсѣчь главу, умираетъ всѣ тѣло, но тѣло церкви не умираетъ, когда умираетъ папа." И такъ, хотя бы померли всѣ патріархи восточные и вашъ папа, чрезъ это не престала бы существовать единая, святая, соборная и апостольская церковь, такъ какъ первоначальною главою ея есть самъ Іисусъ Христосъ, дающій жизнь всѣмъ ея членамъ дарованіями Святаго Духа. Тоже самое говоритъ и апостолъ: *по Христѣ посольствуемъ, яко Богу молящу* (2 Кор. 5, 20).

— При этихъ словахъ *канцлеръ* началъ говорить: ваши патріархи живутъ между турками-бусурманами. Какое же ваше отношеніе къ патріархамъ?

Галятовскій. Римскіе папы нѣкогда жили между готеами, вандалами, язычниками; однако овцы ихъ не говорили: какое намъ дѣло до папы? Такъ и патріархи, хотя въ рабствѣ, но не дай Богъ, чтобы кто говорилъ: какое намъ дѣло до патріарховъ? Напротивъ, чрезъ это мы ихъ признаемъ и почитаемъ истинными патріархами и намѣстниками Іисуса Христа, и чрезъ это же увѣряемся, что наша восточная церковь есть истинная, когда она и въ угнетеніи отъ магометанъ продолжаетъ свое существованіе. Господь Іисусъ Христосъ вотъ что сказалъ избраннымъ (Мате. 10): *се Азъ посылаю вы, якоже овцы посредѣ волковъ* (ст. 16). Это сбывается и по настоящее время съ сими намѣстниками Христовыми.

Пекарскій. Іисусъ Христосъ для управленія своею церковію избралъ одного Петра, и Петръ былъ первѣйшимъ на землѣ намѣстникомъ Христовымъ; а послѣ него, по наслѣдству, римскіе папы, одинъ послѣ другаго, управляютъ церковію Божіею.

Галятовскій. Все вамъ, милостивый государь, воображается, что апостолъ Петръ имѣлъ постоянную данную ему столицу въ Римѣ, для того именно, чтобы по причинѣ этой столицы быть ему самодержавнымъ властителемъ въ церкви Божіей. Но надобно знать, что Іисусъ Христосъ не посылалъ апостоловъ къ извѣстной какой либо церкви, или въ одну какую либо страну, а посылалъ во весь міръ, и повелѣлъ имъ проповѣдывать, чему самъ ихъ училъ: *шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари,* и, какъ свидѣтельствуетъ Евангелистъ, они немедлено пошли *и проповѣдаша всюду* (Марк. 16, 15, 19). Такимъ образомъ Петръ, основавши церковь въ Антіохіи, для управ-

ленія ею, оставилъ св. Еводія; а основавши церковь съ апостоломъ Павломъ въ Римѣ, оставилъ для управленія оною св. Лина, какъ Павелъ оставилъ Тимоѳея въ Ефесѣ, а св. Іоаннъ, основавши много азійскихъ церквей, и для каждой изъ нихъ назначивъ особаго епископа, самъ ходилъ на проповѣдь въ другія страны. Такимъ образомъ всѣ вообще 12 апостоловъ были по своему апостольскому званію, силѣ и власти, совершенно равны, и нигдѣ не имѣли настоящихъ каѳедръ. Въ этомъ вы можете увѣриться изъ священнаго писанія и дѣяній церкви. Уже я выше сказалъ, что римская каѳедра (48 прав. Халкид. собора) признана первою, по числу и порядку, а не по власти и достоинству; слѣдовательно, по праву церковному—jure ecclesiastico, а не божественному, non divino—какъ вы домагаетесь. Здѣсь только присовокупимъ замѣчаніе о томъ, что вы сказали, будто св. папа Левъ этого правила не принялъ. Для чего же принялъ его папа Иннокентій III на своемъ латеранскомъ соборѣ въ 1215 году,—и какъ принялъ и для чего принялъ? Это ясно видно изъ 10 правила того же собора, гдѣ говорится такъ: „возобновляя древнія привиллегіи патріаршихъ престоловъ, признанныя на вселенскомъ святомъ соборѣ, постановляемъ, чтобы константинопольскій престолъ занималъ первое мѣсто послѣ римскаго,—второе александрійскій,—третье антіохійскій, и четвертое іерусалимскій, и чтобы для каждаго престола сохранилось его достоинство.“ Здѣсь прошу обратить вниманіе на то, что это постановленіе собора изрекаетъ самъ папа, какъ самовластный господинъ, а соборъ только утверждаетъ. Но возвращаюсь къ предмету и говорю, что всѣ апостолы были намѣстниками Христовыми, равно какъ и апостолъ Петръ.

Пекарскій. Это можно сказать о другихъ апостолахъ, только по отношенію къ ихъ проповѣди, а не по отношенію къ управленію церкви. Что касается Петра, то онъ одинъ былъ намѣстникомъ Іисуса Христа, и онъ одинъ управлялъ всею церковію и апостолами, какъ видимая глава ея на мѣсто Христа.

Галятовскій. Перестаньте, милостивый государь, подогрѣвать этотъ *бигосъ* *). Послушайте св. Павла (въ посланіи къ

*) Бигосъ—польское кушанье, приготовляемое изъ варенной и поджаренной капусты съ рубленнымъ разныхъ сортовъ мясомъ.

Ефесеямъ гл. 1), говорящаго: *того (Христа) даде главу выше всѣхъ церкви, яже есть тѣло Его.* И хотя вселенская церковь раздѣляется на двѣ,—изъ коихъ одна на небесахъ, для насъ невидимая, торжествующая,—другая на землѣ, видимая, воющая, но первѣйшею главою той и другой есть одинъ Іисусъ Христосъ. Торжествующею церковію на небесахъ Онъ управляетъ самъ собою; церковію воюющею на землѣ Онъ управляетъ чрезъ своихъ намѣстниковъ, такъ что каждый епископъ есть видимая глава церкви въ своей епархіи. А апостолъ Петръ не былъ самъ собою правителемъ церкви,—ибо онъ не одинъ управлялъ церковію, а всѣ апостолы, о чемъ говорится въ книгѣ Дѣяній 25, 23. *Апостолы и старцы, и братія сущимъ въ Антохіи...* ст. 27. *Послахомъ убо Іуду и Силу* и проч. и далѣе говорится: *Изволился святому Духу и намъ*, а не говорятъ апостолы: „изволился такъ одному Петру,“ но *намъ* всѣмъ. Изъ сего слѣдуетъ, что апостолы всѣ управляли церковію.

Пекарскій. Управляли всѣ, но въ зависимости отъ Петра, а онъ не зависѣлъ отъ апостоловъ.

Галятовскій. Если не зависѣлъ, то для чего апостолъ Павелъ противостоялъ ему въ Антіохіи (Гал. 2, 2)? Пусть теперь кто осмѣлится упрекнуть папу,—удастся ли ему это? Кромѣ того (Дѣян. 8), апостолы послали Петра и Іакова въ Самарію,—и еще (Дѣян. 11) Петръ долженъ былъ оправдываться предъ апостолами въ томъ, что началъ проповѣдывать Евангеліе язычникамъ, что было бы неприлично для него, если бы онъ былъ самоправнымъ. Для чего же теперь папа не долженъ оправдываться предъ соборомъ?

Канцлеръ. Какъ же можетъ соборъ судить папу, когда онъ есть глава собора, и безъ утвержденія его и безъ присутствія пословъ его на соборѣ, соборъ ничего не значитъ?

Галятовскій. Папа не есть глава собора, а только его частичка. Безъ присутствія его или его пословъ и безъ подтвержденія его, соборы были и бываютъ важны. Доказательствомъ сего-соборъ константинопольскій, по порядку вторый, на которомъ, хотя не было римскихъ пословъ, но этотъ соборъ признанъ вселенскимъ восточною и западною церквами. Равно на вселенскомъ ефесскомъ соборѣ предсѣдательствовалъ Кириллъ александрійскій и осудилъ ересь Несторія. Если римскій епискомъ прислалъ потомъ своихъ пословъ и они подпи-

-сали осужденіе Несторія, то это сдѣлалъ только какъ членъ, чтобы и съ своей стороны дѣйствовать за истину вселенской церкви. Уже подъ конецъ X вѣка явилось собраніе фальшивыхъ писемъ и декреталій, подъ именемъ исидоровыхъ, признанныхъ принадлежащими первымъ послѣ апостольскихъ временъ римскимъ епископамъ. Въ этихъ декреталіяхъ признается ихъ самостоятельная (absolutna) власть надъ вселенскою церковію; вмѣстѣ съ симъ дается имъ и власть земная: даръ Константина великаго, о которомъ упоминаетъ Граціанъ (Distinct 96 cap. 13. 14). Константинъ императоръ, говоритъ Граціанъ, уступилъ апостольскому сѣдалищу корону и все царское достоинство въ Римѣ, Италіи и во всѣхъ западныхъ странахъ. Хотя этого обманщика Блонделій выставилъ на публичный смѣхъ въ своей книгѣ подъ названіемъ Псевдоисидоръ: при всемъ томъ папы всею силою держатся его доселѣ. По этому одинъ изъ ученыхъ написалъ слѣдующее: Исидоровы декреталіи суть дѣло самаго дерзкаго совѣщанія; ибо частный человѣкъ, ни епископъ, ни священникъ, не смѣлъ бы предъ всею церковію обнародовать, безъ всякаго авторитетнаго основанія, такое множество писемъ, будто бы произшедшихъ отъ первыхъ епископовъ римской церкви, и за чистую монету выдавать эту нечистую смѣсь. За подобныя дерзости, составителя такихъ вымысловъ и изобрѣтателя древностей (veterator), вмѣсто того, чтобы наградить, надлежало бы посадить въ вѣчное заключеніе (perpetuo mancipari). По этимъ исидоровымъ декреталіямъ, никто не можетъ ни созывать соборы, ни предсѣдательствовать на нихъ, ни утверждать оные: все дѣлаетъ папа одною своею властію. Пришлось бы отвергнуть всѣ бывшіе на востокѣ вселенскіе соборы, начиная съ перваго никейскаго, на которые императоры созывали епископовъ и которые своими эдиктами утверждали. Но къ чему такъ много распространяться? Соборы—констанскій въ засѣданіи 14 и 15, базельскій въ засѣданіи 2—повелѣваютъ не только епископамъ, но и самому папѣ повиноваться опредѣленіямъ соборнымъ, а непослушныхъ предавать суду и наказанію. Еще Варѳоломей Каранза въ книгѣ о констанскомъ соборѣ написалъ такое замѣчаніе, что этотъ соборъ судилъ Іоанна XXIII, Григорія XII, Венедикта XIV,—лишилъ ихъ папскаго сѣдалища, и избралъ Мартина V. Отцы базельскаго собора лишили папства Евгенія IV. Значитъ и

теперь всякій вселенскій соборъ можетъ судить, низводить съ престола и иного избирать.

Канцлеръ. Если ваши патріархи не признаютъ главенства папы, то кто будетъ судить вашего патріарха?

Галятовскій. Каждый архіерей на соборѣ. Папа и патріархъ должны подчиняться соборному суду; ибо Іисусъ Христосъ сказалъ: *повѣждь церкви: аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Матѳ. 18, 17), ибо патріархъ и папа можетъ погрѣшить, по словамъ Псалмопѣвца: *всякъ человѣкъ ложь* (Пс. 15, 2). Но святая церковь погрѣшать не можетъ. Ибо всѣ еретики это *врата адовы:* они, по словамъ Спасителя, никогда *не одолѣютъ* церкви Божіей (Матѳ. гл. 16).

Пекарскій. Что вы говорите! папа можетъ погрѣшить. Это богохульство противъ ясныхъ словъ Іисуса Христа: *молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя.* Эта благоуспѣшная (skuteczna) молитва содѣлала, что вѣра апостола Петра до сихъ поръ существуетъ въ его преемникахъ и до конца вѣка не престанетъ существовать. Папа въ вѣрѣ непогрѣшимъ.

Галятовскій. Слишкомъ поспѣшно считаете вы меня богохульникомъ. Но если можно, я желалъ бы, чтобъ вы объ этомъ говорили съ папою Ливеріемъ, который формулу вѣры совершенно еретическую принялъ, подписалъ и утвердилъ. О чемъ свидѣтельствуетъ святый Иларій, говоря: Ливерій похвалилъ заблужденіе аріанское,—и потому подлежитъ суду проклятія. Объ этомъ же свидѣтельствуютъ вообще и другіе современники. Мнѣ также хотѣлось бы, чтобы побесѣдовали съ Гоноріемъ, который въ письмѣ къ константинопольскому Сергію говоритъ: „въ Іисусѣ Христѣ мы признаемъ одну волю", и письмо свое оканчиваетъ такъ: „учи съ нами, какъ и мы учимъ съ тобою, согласно тому же." Умалчиваю о другихъ. Что вы на это скажете? Вотъ и непогрѣшимость вашего папы! Молитва Господа Іисуса Христа—*молихся о тебѣ*.... не означаетъ непогрѣшимости преемниковъ Петра, она собственно относится къ лицу его. Онъ отрекся Іисуса Христа,—и такъ, чтобъ ему не погибнуть въ этомъ отреченіи, и чрезъ покаяніе обратиться ему къ Богу, къ этому содѣйствовали молитва Іисуса Христа. Такъ изъясняютъ это святые отцы и вашъ Беда—Cathena Thomae.

Пекарскій. Здѣсь уже вы не увернетесь, и должны будете признать, что папа имѣетъ власть надъ всею церковію всего свѣта, такъ какъ имѣлъ ее апостолъ Петръ,—если я вамъ до-

кажу, что этою властію онъ пользовался уже во второмъ вѣкѣ. Евсевій кессарійскій пишетъ, что когда возникъ вопросъ о праздновaніи пасхи, а азійскіе епископы не хотѣли праздновать ее въ недѣлю, какъ праздновали въ Римѣ и другихъ областяхъ, домагаясь праздновать ее 14 марта: въ то время папа Викторъ отлучилъ отъ общенія съ вѣрными всѣ азійскія церкви. Вѣдь это не могло статься безъ власти, которую имѣлъ папа, по преданію, еще во второмъ вѣкѣ, и которой вы за нимъ не признаете.

Галятовскій. Не такъ вы поняли Евсевія. Надобно его лучше читать, и къ нему присоединить Иринея, епископа ліонскаго. Они пишутъ, что папа Викторъ, постановивши у себя, на соборѣ, пасху праздновать въ воскресный день, желалъ, чтобы для однообразія, она вездѣ праздновалась въ этотъ день. Многіе на это согласились какъ-то: въ Понтѣ, Палестинѣ, Галліи; но епископы Малой Азіи не согласились, а постановили праздновать пасху въ 14 луну мѣсяца марта, какъ праздновали Іоаннъ богословъ и апостолъ Филиппъ. Узнавши объ этомъ папа Викторъ, предпринялъ разлучиться съ ними, или, если бы ему удалось, отлучить ихъ отъ общенія съ собою и своими. Объ этомъ письменно угрожалъ онъ Поликрату, епископу ефесскому. Поликратъ отвѣтилъ ему: что всѣ св. Іоаннъ, Филиппъ, Поликарпъ, ихъ преемникъ, и многіе другіе праздновали пасху, по Евангелію, въ 14 луну, не отступая, а слѣдуя правилу вѣры; касательно же угрозы Виктора такъ выразился: „угрозами твоими я не безпокоюсь. Мужи старшіе говорили мнѣ: Богу надобно болѣе повиноваться, нежели человѣку.“ Конечно Викторъ могъ отлучить себя отъ общенія съ ними, но отлучить ихъ отъ общенія со всею церковію не могъ, безъ согласія на это епископовъ. И въ самомъ дѣлѣ посовѣтовалъ это папѣ помянутый Ириней, епископъ ліонскій, предостерегая его, чтобы онъ чрезъ это не былъ причиною раздѣленія въ церкви. Впрочемъ и не нужна была власть (jurisdykcya), чтобы папѣ отлучиться отъ азійскихъ епископовъ. Да и вы сами вѣрно признаетесь, что епископы вашей западной церкви не имѣли власти и начальства надъ Вигиліемъ папою: однакожъ, когда этотъ папа противъ воли императора Юстиніана въ 553 году осудилъ три главы: то за это всѣ епископы-африканскіе, иллирійскіе и далматскіе отступили отъ общенія съ нимъ. Наконецъ, пусть и такъ будетъ, какъ вы сказали: что Викторъ отлучилъ сказанныхъ епископовъ отъ святой церкви. Что же? но-

слушались ли они его? Нѣтъ. Они знали, что это было злоупотребленіе власти, которой папа не имѣлъ надъ ними. Но когда это (время празднованія пасхи) разрѣшено было на никейскомъ вселенскомъ соборѣ, всѣ приняли это постановленіе, ибо такъ опредѣлила церковь.

Пекарскій. Это не злоупотребленіе, но верховная власть святаго Петра и его преемниковъ, данная отъ Бога, которую папы, въ случаѣ надобности, употребляя, низводили съ престола и предавали проклятію патріарховъ, какъ подъ конецъ V вѣка папа Феликсъ лишилъ престола и проклялъ Акакія константинопольскаго, и какъ Андріанъ II въ IX вѣкѣ поступилъ съ Фотіемъ, и другіе—съ другими.

Галятовскій. Зачѣмъ же вы не присовокупляете: какъ поступилъ Фотій съ Николаемъ I?—

Пѣкарскій. То была діавольская власть, или лучше сумасшествіе надменнаго разума, чему до сихъ поръ вѣка удивляются.

Галятовскій. Отче! объ умершихъ говори или только доброе, или ничего не говори. Фотій не былъ судимъ за какуюлибо ересь (за что можно было бы его порицать), но за то, что вступилъ на престолъ еще при жизни св. Игнатія. Читайте историковъ, безъ злости писавшихъ, и вы увидите истину. Что касается Акакія, я не думаю его защищать, напротивъ говорю: онъ заслужилъ достойное наказаніе за то, что принялъ енотикъ императора Зенона, противный халкидонскому собору, и несогласующихся съ нимъ въ этомъ епископовъ лишилъ каѳедръ,—хотя и то справедливо, что тотъ же Акакій до самой смерти не только считалъ за ничто лишеніе каѳедры и проклятіе, которому подвергъ его папа Феликсъ, но и повелѣлъ исключить изъ диптиховъ имя сего папы. И такъ прошу васъ поудержаться съ своимъ сужденіемъ о Фотіѣ, покуда увѣритесь въ истинѣ. Къ ней будемъ стремиться въ любви, заповѣданной намъ Іисусомъ Христомъ, а самолюбіе должно молчать.—И такъ отвѣчаю вамъ: *во первыхъ*, папа Феликсъ могъ безъ опасенія лишить каѳедры и предать проклятію Акакія, потому что онъ (папа) былъ тогда подъ правленіемъ Одоакра аріанина, который, по убіеніи Валентиніана, завладѣлъ столицею его въ Римѣ, слѣдовательно ему нечего было бояться Зенона, императора восточнаго. *Во вторыхъ*: Геласій папа, оправдывая поступокъ своего предмѣстника Феликса, въ своемъ сочиненіи (Commentario contra Graekos) такъ говоритъ: Евѳимій,

преемникъ Акакія на константинопольскомъ престолѣ, возражаетъ, что Акакій не могъ быть преданъ суду однимъ епископомъ. Неужели Евеимій не понимаетъ что Акакія судилъ халкидонскій соборъ, такимъ же образомъ, какимъ осуждаемы были всѣ прочія ереси и во всякое время? Неужели Евеимій не зналъ, что мой предмѣстникъ велѣлъ исполнить приговоръ осужденія Акакія, уже прежде существовавшій, и новаго опредѣленія о немъ не изрекалъ?—Онъ (мой предмѣстникъ Феликсъ) сдѣлалъ то, что не только папа, но каждый епископъ могъ сдѣлать."

Вложимъ эти золотыя слова въ уста Фотія;—только не оскорбляйтесь—пусть и онъ скажетъ: неужели римская церковь не понимаетъ,что Николай I преданъ суду властію ефесскаго собора, такимъ же образомъ, какъ и всѣ прибавленія къ сvмволу, предавались суду во всякое время? Я не новое изрекъ о немъ (папѣ) мнѣніе, а только держался прежнихъ опредѣленій, какъ поступилъ бы не только патріархъ, но могъ поступить и всякій епископъ.

Пекарскій. Filioque не прибавленіе къ сvмволу, а только изъясненіе сvмвола: Если папа это сдѣлалъ, то онъ сдѣлалъ не въ противность ефесскому собору; наконецъ папа выше собора.

Галятковскій. Такъ говорить, значитъ говорить противъ Евангелія Господа нашего Іисуса Христа: *аще церковь преслушаетъ* и проч. Ваши-то льстивыя утонченности (subtylizacye) произвели такой хаосъ въ церкви Божіей. Истинное ученіе и практика иначе показываютъ, какъ уже выше мною сказано. Въ Феррарѣ, а потомъ въ Флоренціи греческіе отцы доказали, что Filioque есть прибавленіе къ сvмволу, а не его изъясненіе. Читайте, только безъ пристрастія, опредѣленія ефесскаго собора и посланіе предсѣдателя его, Кирилла, къ Іоанну антохійскому, и я увѣренъ, что вы сами узнаете истину. Помянутое посланіе св. Кирилла съ опредѣленіями собора читано на халкидонскомъ соборѣ, и всѣ епископы подтвердили его, восклицая: сія вѣра отеческая, сія вѣра апостольская, всѣ мы такъ вѣримъ,—анаеема, кто иначе вѣритъ. Такимъ образомъ отцы халкидонскаго собора оказали истинное послушаніе ефесскому сvноду, ибо хотя для опровержения Несторіевой ереси и видѣли надобность прибавить къ сvмволу Theotocos—Богородица, однакожъ не осмѣлились сдѣлать это.

Такъ, почтеннѣйшій! до тѣхъ поръ, пока соединяла всѣхъ христіанская любовь, востокъ западу и западъ востоку подавали сильную руку. Патріархи, будучи всѣ въ соединеніи защи-

щались противъ ересей, искореняли оныя, и что одинъ сдѣлалъ въ своей области, о томъ извѣщалъ другихъ, чтобы и они у себя дѣлали тоже. Когда кто изъ нихъ былъ въ угнетеніи, то прибѣгалъ къ другимъ и просилъ защиты.—Такъ поступили Афанасій александрійскій, Мелетій и Флавіанъ антіохійскій, Іоаннъ Златоустый константинопольскій, Кириллъ іерусалимскій и другіе отъ хитрости аріанъ на соборахъ, или отъ преобладанія восточныхъ императоровъ, невинно преслѣдуемые, и обращавшіеся къ главнымъ соборамъ для оправданія своей невинности. И потому-то, если кто изъ патріарховъ вступалъ на престолъ, то давалъ объ этомъ знать другимъ патріархамъ, для соблюденія единства и общенія въ церкви. Эта любовь мало по малу, охлаждалась. Люди всегда люди. Когда имъ все благопріятствуетъ, они скоро падаютъ, какъ первый человѣкъ въ раю. Святый Василій ясно объ этомъ говоритъ въ письмѣ къ Евсевію самосатскому. Читайте его: это очень любопытно.—Потомъ послѣдовало раздѣленіе монархіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ появилась зависть между государями и подданными. И то, что прежде служило помощью между братіею, обратилось во власть и право судить. Напослѣдокъ эта власть незамѣтно перешла въ преобладаніе одного надъ другимъ, и если кто осмѣливался противиться ей, это считали за оскорбленіе и пренебреженіе мнимой власти. Далѣе—западная монархія пала и досталась иному народу. Отношенія измѣнились, обстоятельства помогли,—выдумали владѣніе (dominium) святаго Петра, и смиренный рыбарь содѣлался самостоятельнымъ государемъ важнѣйшихъ странъ.

Еще не доставало монархической власти духовной,—вскорѣ и ее установили исидоровы декреталіи, о чемъ уже было говорено. Эта власть не была извѣстна въ первыхъ христіанскихъ вѣкахъ. Іисусъ Христосъ не только не установилъ ее, но и не дозволилъ. Да и когда приличнѣе было между апостолами наименовать старшаго, который бы могъ управлять ими, если, не тогда, когда они нарочно объ этомъ спорили. *Бысть и пря въ нихъ кій мнится ихъ быти болій* (Лук. 22, 24). Отъ чего же Іисусъ Христосъ не назначилъ этимъ старшимъ Петра? Нѣтъ. Напротивъ, Онъ сказалъ ко всѣмъ: *вѣсте, яко князи языкъ господствуютъ ими, и вельможи обладаютъ ими. Не такожде будетъ въ васъ: но иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга; и аще кто хощетъ въ васъ быти первый, да будетъ вамъ рабъ;*

и тутъ же объявилъ причину сего: *якоже сынъ человѣческій не пріиде, да послужатъ Ему, но послужити* (Матѳ. 20, 25—28).

Наконецъ пала и греческая монархія, но пала, будучи пріуготовлена къ тому оружіемъ крестоносцевъ. Здѣсь уже не было мѣста и малѣйшей искрѣ первобытной христіанской любви,—напротивъ появилась ненависть въ полномъ разгарѣ. Этимъ я прекращаю слово. Печаль гнететъ мое сердце при мысли, что христіане такъ далеко разошлись, и что различіе простерлось и на вѣру.

Канцлеръ. Такъ ли вы вѣруете, какъ вѣровали св. Аѳанасій, Василій, Григорій и Іоаннъ Златоустый?

Галятовскій. Всему свѣту извѣстно, что это учители нашей восточной церкви.

Канцлеръ. Должно состояться когда нибудь святое соединеніе между нами, такъ какъ написано: *будетъ едино, и единъ пастырь*.

Галятовскій. Это сказано не о римскомъ папѣ, но объ Іисусѣ Христѣ. Онъ самъ называетъ Себя пастыремъ: *Азъ есмь пастырь добрый*. Самъ обѣщаетъ собрать всѣ народы въ единеніе вѣры и сдѣлать ихъ единымъ стадомъ,—для этого и говорить: *и будетъ едино стадо, и единъ пастырь* (Іоан. 10, 14, 16). Этого къ папѣ относить нельзя.

Послѣ сего епископы и все русское духовенство встали изъ за стола благодарили канцлера за радушное угощеніе, и во второмъ часу по полуночи разстались.

Означенная статья, по своему содержанію такъ любопытная, содержится въ рукописной книгѣ, на польскомъ языкѣ, принадлежащей къ архиву нѣжинскаго первокласнаго Николаевскаго монастиря. Между другими статьями она занимаетъ 28 мѣсто. Считая эту статью, въ настоящее время, полезною и благопотребною къ общему свѣдѣнію православныхъ, я перевелъ ея съ польскаго языка на русскій. За вѣрность перевода ручаюсь, удостовѣряя, что ни одной мысли не прибавлено и не измѣнено,—а все изложено такъ, какъ значится въ подлинникѣ на польскомъ языкѣ у самаго автора.

Архимандритъ Амвросій.

(Иркут. епар. вѣд. №№ 13—15 1868 г.)

Содержаніе 6-ой кн. „Вѣстника западной Россіи" за 1868 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.